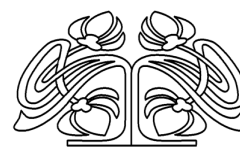

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2020 Том 20

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Немерюк Е. Е., Романовская О. А., Кантемирова Г. А.** Проблемы функционирования государственной службы как социального института в Российской Федерации 374
- Круглов А. В., Никифоров Я. А.** Опыт эмпирических исследований социальной нетерпимости 380
- Гусев В. В., Кузьмин Е. А.** Тенденции развития научно-образовательного пространства в современной России 383
- Петрович О. Г.** Социализирующий потенциал региональной системы образования для лиц с ОВЗ: риски и точки роста 388
- Ростовская Т. К., Толмачев Д. П., Шимановская Я. В.** Роль многопоколенной московской семьи в условиях пандемии COVID-19: социологический анализ 394
- Елютина М. Э., Ситникова С. В., Семенова Ю. А.** Возрастные особенности женской предпринимательской активности (на примере женщин-предпринимателей Саратовской области) 399
- Темаева И. В.** Геронтное общение: социолингвистический взгляд на проблему 407
- Леонова И. С.** Субъективное благополучие и трудовая вовлеченность сотрудников старшего возраста: гендерный аспект 412
- Айменов А. Ж., Шахматова Н. В.** Правовая грамотность студенчества различных типов специальности (на примере г. Саратова) 419
- Уфимцева Е. И.** Современные объяснительные модели религиозной конверсии: ограничения и эвристические возможности 426

Слово молодым социологам

- Алешина Е. В.** К вопросу о применении социального проектирования в системе управления учреждениями среднего образования: постановка проблемы в контексте социологии управления 438
- Власов Т. С., Немерюк Е. Е.** Поворот мобильности в современном обществе как образовательный вызов 443

Политология

- Афонасова А. В.** Новая парадигма политического проектирования современного государства 448
- Шестов Н. И.** «Этничность» и «политичность»: инверсия в современной мифологии гражданской политической субъектности 454
- Коробов А. А.** Сетевой и иерархический формат цифровой пропаганды в политическом коммуникативном пространстве 459
- Андропова И. В., Лаптева Н. В.** Болонский процесс как фактор политики реформирования системы высшего образования в современной России 464
- Богданов А. В.** Игра в политику vs. политическая игра: к постановке проблемы (часть 2) 470
- Головченко В. И.** Особенности электоральной деятельности политических сил «второго эшелона» в современной России 474
- Гросфельд Е. В.** Конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в Республике Крым (результаты экспертного опроса) 479
- Змановский Г. Р., Мясоутов О. В.** Молодежь: субъект-объектный статус в системе молодежной политики муниципального образования 484
- Черевичко Т. В., Цыплин В. Г.** Политические аспекты американской помощи Украине накануне парламентских выборов в 2002 году 489

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 25.11.20.

Подписано в свет 30.11.20.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 104-Т.

Цена договорная

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.soziopolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Nemeryuk E. E., Romanovskaia O. A., Kantemirova G. A.** The Problems of Functioning of the Public Service as a Social Institution in the Russian Federation 374
- Kruglov A. V., Nikiforov Ya. A.** The Experience of the Empirical Research on Social Intolerance 380
- Gusev V. V., Kuzmin E. A.** The Trends in the Development of Scientific and Educational Space in Modern Russia 383
- Petrovich O. G.** The Socializing Potential of the Regional Education System for People with Disabilities: Risks and Growth Points 388
- Rostovskaya T. K., Tolmachev D. P., Shimanovskaya Ya. V.** The Role of the Multi-Generational Moscow Family in the Context of the COVID-19 Pandemic: The Sociological Analysis 394
- Elutina M. E., Sitnikova S. V., Semenova Yu. A.** The Age-Specific Features of Women's Entrepreneurial Activity (On the Example of Women Entrepreneurs in Saratov Region) 399
- Temaeva I. V.** Herontic Communication: A Sociolinguistic Look at the Problem 407
- Leonova I. S.** Subjective Well-Being and Labor Involvement of Senior Employees: Gender Aspect 412
- Aymenov A. J., Shakhmatova N. V.** The Students' of Various Types of Specialty Legal Literacy (On the Example of Saratov) 419
- Ufimceva E. I.** Modern Explanatory Models of Religious Conversion: Limitations and Heuristic Possibilities 426

New Voices: Young Sociologists' Research

- Aleshina E. V.** On the Application of Social Design in the System of Management of the Institutions of Secondary Education: Statement of the Problem in the Context of Sociology of Management 438
- Vlasov T. S., Nemeryuk E. E.** The Mobility Turn as an Educational Challenge in Modern Society 443

Politology

- Afonasova A. V.** New Paradigm of Modern State Political Designing 448
- Shestov N. I.** "Ethnicity" and "Politicalness": Inversion in Modern Mythology of Civil Political Subjectivity 454
- Korobov A. A.** Network and Hierarchical Format of Digital Propaganda in the Political Communicative Environment 459
- Andronova I. V., Lapteva N. V.** Bologna Process as a Factor of Higher Education System Reformation Policy in Modern Russia 464
- Bogdanov A. V.** The Game of Politics vs. the Political Game: Posing a Problem (Part 1) 470
- Golovchenko V. I.** Specifics of Electoral Activity of the Second Echelon Political Actors in Modern Russia 474
- Grosfeld E. V.** Conflict and Integration Potential of Interethnic and Migration Relations in the Republic of Crimea (Results of Expert Survey) 479
- Zmanovsky G. R., Myasoutov O. V.** Youth: Subject-Object Status in the System of Municipal Youth Policy 484
- Cherevichko T. V., Tsyplin V. G.** Political Aspects of American Assistance to Ukraine on the Eve of the 2002 Parliamentary Elections 489

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегинина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, PhD политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готтлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

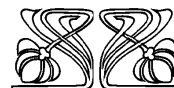
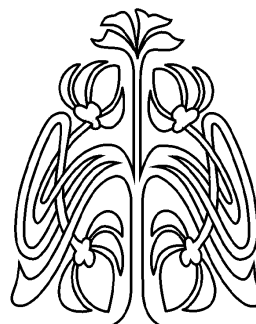
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

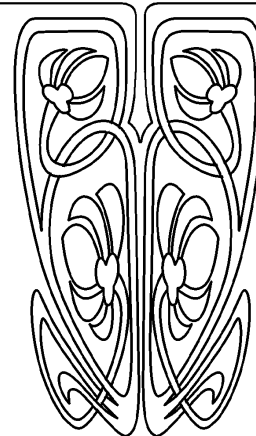
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakhan K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.35.088.6

Проблемы функционирования государственной службы как социального института в Российской Федерации

Е. Е. Немерюк, О. А. Романовская, Г. А. Кантемирова

Немерюк Евгения Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, evgeniya_nemeryuk@mail.ru

Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, romanovska.ol@yandex.ru

Кантемирова Галина Андреевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ, cantem.galina@yandex.ru

В статье рассматриваются основные проблемы функционирования в российском государстве такого социального института, как государственная служба. Особое внимание уделяется этическим принципам государственных и муниципальных служащих, представляющих собой административную этику. Отмечается, что одной из проблем государственной службы как социального института в стране выступает недостаточная информированность граждан о результатах деятельности госслужащих, а также избыточная бюрократизация внутренней деятельности органов государственной власти в стране.

Ключевые слова: государственная служба, социальный институт, власть, доверие, государственный служащий.

Поступила в редакцию: 17.08.2020 / Принята: 20.08.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Problems of Functioning of the Public Service as a Social Institution in the Russian Federation

E. E. Nemeryuk, O. A. Romanovskaia, G. A. Kantemirova

Evgeniya E. Nemeryuk, <https://orcid.org/0000-0002-0866-2661>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, evgeniya_nemeryuk@mail.ru

Olga A. Romanovskaia, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, romanovska.ol@yandex.ru

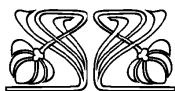
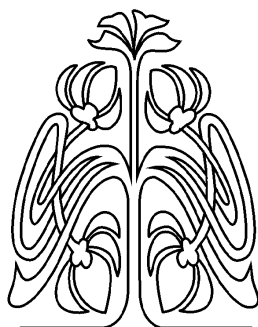
Galina A. Kantemirova, <https://orcid.org/0000-0002-5107-7628>, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, 44–46 Vatutina St., Vladikavkaz 362025, North Ossetia – Alania, Russia, cantem.galina@yandex.ru

The article examines the main problems of such a social institution's functioning in the Russian state as a public service. The particular attention is paid to the ethical principles of the state and municipal employees in the context of the administrative ethics. It is noted that one of the problems of the civil service as a social institution in the country is the lack of citizens' awareness of the civil servants' activities results as well as the excessive bureaucratization of the internal activities of public authorities in the country.

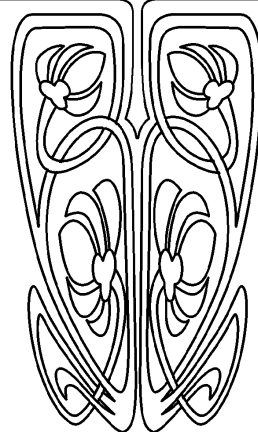
Keywords: civil service, social institution, power, confidence, state employee.

Received: 17.08.2020 / Accepted: 20.08.2020 / Published: 30.11.2020

© Немерюк Е. Е., Романовская О. А., Кантемирова Г. А., 2020

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-4-374-379>

После распада Советского Союза и с момента становления нового Российского государства на демократических началах происходит перманентное административное реформирование, при этом действующий аппарат государственного управления сохраняет прежние негативные аспекты функционирования.

На наш взгляд, одной из основных проблем института государственной службы в России является низкий уровень доверия граждан к государственной службе в целом и профессиональной деятельности государственных служащих в частности. Следует отметить, что с начала 2018 г. наблюдается значимое снижение доверия населения России ко всем основным институтам власти.

На определение уровня институционального доверия в обществе направлен вопрос о доверии общественным организациям и государственным органам. Необходимо выявить, каким институтам вероятнее всего население доверяет, а какие не пользуются доверием. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что данный вопрос, способствующий определению диверсификации в декларируемом доверии, не отличается постоянством. Необходимо сделать акцент на том, что респондент зачастую подвержен размышлению над вопросом о доверии. Напротив, говоря об одобрении, респондент высказывается более открыто. В связи с этим можно утверждать, что показатель одобрения менее чувствителен, нежели показатель доверия. И, как следствие этого, показатели одобрения деятельности институтов зачастую выше показателей доверия¹.

В рамках проекта «Евробарометр в России» Центром социологических исследований РАНХиГС в 2016 г. было проведено исследование «Доверие к государственным институтам и стратегии экономического поведения граждан», результатом которого стала констатация факта нисходящей тенденции доверия граждан России к власти как на федеральном уровне, так и на региональном и местном.

Исследователи отметили падение доверия к правительству за год на 20,4% (с 79,8 до 59,4%), уверенности граждан в муниципальных парламентах на 17,8% (с 64,9 до 46,8%), уверенности их в региональных парламентах на 16,7% (с 68 до 51,3%), снижение доверия к главам регионов на 14,2% (с 72,8 до 58,6%). Также в результате проведенного исследования было выявлено и снижение уровня доверия к президенту и силовикам. Однако следует отметить, что в данном случае процент сокращения был незначителен, а именно в отношении к президенту на 4,2% (с 91,7 до 87,5%), снижение уровня доверия к силовикам составило 3,9% (с 61,2 до 57,3%)².

С целью выявления институционального доверия граждан нашего государства в сентябре 2018 г. Аналитическим центром Юрия Левады в 136 населенных пунктах в 52 субъектах Российской Федерации методом личного интервью был проведен опрос по репрезентативной всероссийской выборке 1600 человек городского и сельского населения в возрасте от 18 лет и старше, который подтвердил результаты исследования «Доверие к государственным институтам и стратегии экономического поведения граждан», проведенного Центром социологических исследований РАНХиГС³.

Следует отметить, что в результате опроса была выявлена значительная динамика общественного мнения. Обращает на себя внимание нисходящая тенденция показателя индекса доверия к основным институтам власти. Исследование показало, что индекс доверия в 2018 г. вернулся к отметке шестилетней давности. Можно констатировать нисходящую динамику показателя доверия на 8% (с 48 до 40%) в отношении к Государственной Думе РФ, на 7% (с 41 до 34%) в отношении Совета Федераций, на 4% (с 41 до 37%) в отношении Правительства Российской Федерации. Наиболее значительная нисходящая тенденция индекса доверия выявлена в отношении местных органов власти – сокращение произошло на 11% (с 45 до 34%), а также на 7% (с 48 до 41%) в отношении политических партий. Следует обратить внимание на тот факт, что индекс доверия населения России в отношении силовых институтов, к которым относятся спецслужбы, армия и полиция, значительно увеличившийся в 2014 г., оказался более стабильным и в 2018 г. сохранил свои показатели⁴.

Следует обратить внимание также и на то, что в 2019 г. было отмечено падение рейтинга доверия президенту до исторических минимумов. По данным ВЦИОМ, он снизился до 31,7% по сравнению с 47,4% год назад. При этом доверие к остальным органам власти и политикам находится на еще более низком уровне. Подрыв доверия между властью и простыми гражданами имеет очень важные негативные последствия, которые напрямую отражаются на экономике⁵.

Помимо увеличения политических рисков, это приводит и к общему снижению доверия в обществе – не доверяющие своему правительству граждане менее склонны доверять и друг другу, а снижение общего уровня доверия в обществе уже напрямую негативно сказывается на развитии экономики.

Но в России одна из причин низкого доверия населения к власти видится в том, что имеет место явная демонстрация недоверия к собственным гражданам самой власти. По сути, всевозможные фильтры и прочие ограничения на участие в выборах означают, что власти не верят в способность самих избирателей сделать разумный выбор.

В связи с этим просвещенные муниципальные депутаты, избирком или суд должны сначала отобрать достойных кандидатов, а простым избирателям можно лишь выбрать между этими заранее подобранными кандидатами. В том случае, если бы власти сами стали наконец доверять своим гражданам, они могли бы сделать большой шаг по восстановлению в стране общего доверия. С огромной вероятностью граждане ответят им взаимностью. По мнению социологов, ситуация экономической неопределенности играет значимую роль в формировании недоверия к государственным институтам. Проведенные исследования выявили факт наименьшего доверия властям у экономически активных групп населения. Это связано, в первую очередь, с тем обстоятельством, что экономически активные люди, имея достаточное число социальных контактов (эксперты отмечают, что число экономически активных людей выше в 2,5 раза среди тех, кто имеет более ста контактов), не доверяют официальным институтам и не рассчитывают на поддержку власти, а в большей степени склонны полагаться как на собственные силы, так и на свое окружение.

Следует отметить, что ухудшение положения населения России сказывается на снижении доверия к институтам государственной власти. В связи с тем, что федеральные органы власти и президент предопределяют стратегическое направление, а от региональных властей, в первую очередь, зависит социально-экономическое положение, можно констатировать значительное снижение доверия население именно к региональным властям⁶.

Выполняющий профессиональную деятельность, напрямую связанную с секторами всех сфер властной деятельности государства: законодательной, исполнительной или судебной, человек представляет собой государственного служащего⁷. Иными словами, государственный служащий осуществляет свои профессиональные обязанности в таких службах, как Государственный реестр, любое министерство или Роспотребнадзор, являет собой депутата или выполняет свою профессиональную деятельность в налоговой инспекции, прокуратуре, президентском аппарате.

На наш взгляд, негативное отношение граждан России по отношению к государственным служащим обусловлено такими факторами и обстоятельствами, как профессиональная некомпетентность госслужащих и значительный уровень коррупции на госслужбе. Обращают на себя внимание откровенная халатность, отсутствие такта и корректности государственных служащих при общении с представителями средств массовой информации и гражданами, что также отрицательно сказывается на отношении и доверии со стороны населения к институтам государственной службы.

Необходимо отметить, что в любом виде профессиональной деятельности особую значи-

мость представляют этические основы. В связи с масштабностью и общественной значимостью государственного и муниципального управления роль этических основ деятельности неуклонно возрастает.

В государственном и муниципальном управлении можно выделить следующие этические принципы⁸.

Во-первых, такой базовый принцип, как профессиональный долг, содержание которого заключается в нравственной обязанности государственного и муниципального служащего перед гражданами. Указанная обязанность выполняется в соответствии с моральными правилами и нормами. Безусловность представляет собой существенную характеристику рассматриваемого принципа. Следует отметить, что государственный и муниципальный служащий при выполнении своего профессионального долга, который представляет собой стимул самоотдачи, осуществляет задачу собственного нравственного преодоления. Государственный и муниципальный служащий, выполняющий на совесть по закону свои обязанности, признает свой профессиональный долг, что позволяет учитывать специфику взаимоотношений государства, муниципалитета и гражданина, содействует росту ответственности. Принцип профессионального долга способствует всестороннему отражению сущности выполняемых служебных обязанностей государственных и муниципальных служащих.

Во-вторых, принцип, позволяющий осознать гражданами значимость государственной и муниципальной службы, – профессиональная честь и достоинство. Необходимо обратить внимание на то, что честь играет первостепенную роль в обеспечении самооценки качества осуществления служебных обязанностей и служит базой для развития профессионального достоинства. Под термином «честь» изначально понимались высокая должность и звание, в связи с чем можно констатировать непосредственную взаимосвязь понятий службы и чести. Ввиду этого следует отметить, что представление о чести отражает такие качества служащего, как его готовность служить населению муниципального образования и государству, доблесть, нравственность, благородство и честность.

В-третьих, принцип справедливости, которая являет собой изначальную установку государственной и муниципальной службы, направленную на урегулирование конфликта гражданского общества и государства, населения и власти в отношении нравственности. Необходимо отметить, что социальная сущность гражданина проявляется в понимании смысла справедливости в предоставлении всеобщего процветания и справедливого распределения благ государством или муниципалитетом гарантий, а также защите общественных интересов.

В-четвертых, принцип гуманизма, представляющий собой осознание государственными и муниципальными служащими своей базовой миссии в реализации защиты прав и свобод как общества в целом, так и человека в частности, а также в принятии гражданина как личности.

В-пятых, принцип преобладания общественных интересов над частными, в основании которого заложена сама собой разумеющаяся важность общественных интересов по отношению к частным интересам отдельных людей или их групп. Следует обратить внимание на тот факт, что грубым нарушением этики, а зачастую и законодательства выступают заведомые действия в ущерб интересам государства или муниципалитета, направленные на защиту частных интересов.

В-шестых, принцип оптимизма, в основе которого заложено то, что исполнение служебных обязанностей государственных и муниципальных служащих должно осуществляться исходя из возможности разрешения любой проблемной ситуации тем или иным способом.

В-седьмых, говоря о том, что требованиям законодательства РФ должны подчиняться все без исключения действия государственных и муниципальных служащих, можно указать на то, что в государственном и муниципальном управлении выделяются такой этический принцип, как принцип законности.

И, наконец, в-восьмых, поскольку все действия государственных и муниципальных служащих должны иметь обоснование и публичную оценку результатов, а также быть прозрачными для общества, можно констатировать о существовании принципа открытости.

Рассмотренные этические принципы государственных и муниципальных служащих представляют собой административную этику, под которой следует понимать определяемую при помощи системы норм, правил, принципов и стандартов, публично-правовой и социальной сущности модификацию профессиональной этики, оказывающую воздействие на деятельность государственных и муниципальных служащих.

Рассмотрим основные функции, реализуемые административной этикой.

Первая функция, выполнение которой способствует выстраиванию на государственной и муниципальной службе комплементарного морального климата, представляет собой регулятивную функцию. Фокус данной функции концентрируется в осуществлении целенаправленного влияния на нормы, стандарты и процедуры, выступающие в качестве специфических для профессиональной деятельности муниципальных и государственных служащих атрибутов.

Вторая функция – ориентационно-ценностная. Ее сущность раскрывается в формировании системы нравственных ценностей, необходимой государственным и муниципальным служащим

и акцентирующей социальную предназначенность службы.

Третья функция административной этики, раскрывающаяся в формировании и развитии необходимых для замещения должностей в системе государственного и муниципального управления моральных ориентиров государственных и муниципальных служащих, – воспитательная. Профессиональная ответственность, долг и честь представляют собой значимые нравственные ориентиры, способствующие формированию профессиональных знаний и навыков муниципальных и государственных служащих, а также совершенствованию в профессиональном и моральном плане⁹.

В выстраивании представлений о формировании этических основ функционирования муниципальных и государственных служащих, нравственности, обогащении морального потенциала выражается четвертая – познавательная функция, концентрация фокуса которой направлена на восприятие, анализ, отбор и обобщение информации, освоение в процессе осуществления профессиональной деятельности муниципальными и государственными служащими социальных знаний.

Своеобразие и индивидуальность государственной и муниципальной службы наиболее полно раскрываются через профессиональную этику муниципальных и государственных служащих. Обращает на себя внимание тот непреложный факт, что для большинства граждан нашей страны характерно безусловное убеждение в несоблюдении государственными и муниципальными служащими ограничений и запретов, предусмотренных в отношении их российским законодательством. Не исключается факт использования в собственных интересах государственных и муниципальных служащих своего служебного положения, а также и то, что имеет место совершение поступков, отрицательно сказывающихся на имидже государственного и муниципального служащего.

В российской действительности имеет место проблема отсутствия определенной шкалы критериев оценки эффективности или неэффективности работы госслужащих, в связи с чем практически невозможно с любого чиновника снять какую-то ответственность. В качестве примера хотелось бы напомнить о масштабном пожаре в ТЦ «Зимняя вишня», в результате которого огромное количество людей погибли. В данном конкретном случае надо отметить, что ответственность за это распространяется и на чиновников, позволивших функционировать торговому центру, не осуществив проверку исправности данного заведения, а не только владельцев ТЦ и сотрудников службы МЧС¹⁰.

Председатель Государственной Думы Российской Федерации Вячеслав Володин предложил при приеме на государственную службу

ввести психологические тесты. Губернатор Саратовской области Валерий Радаев поддержал предложенную инициативу: «В государственную власть должны приходить люди с мотивацией работать в интересах и на благо людей. И здесь главными являются такие качества, как неравнодушные, честность, принципиальность. Я поддерживаю инициативу Председателя Госдумы Вячеслава Викторовича Володина. В нашем регионе при отборе кандидатов на ряд должностей госслужбы проводится психологическое тестирование. Считаю, что это направление нужно развивать и совершенствовать методики. Соответствующее поручение дано кадровой службе Правительства области. Такую систему надо вводить и на муниципальном уровне. Это необходимо, чтобы исключить в органах власти людей черствых, случайных, дискредитирующих своим поведением и высказываниями государственную власть. Каждый госслужащий должен помнить, что именно защита интересов людей определяет смысл и содержание его работы»¹¹.

Недостаточная информированность граждан Российской Федерации о результатах деятельности госслужащих, а также избыточная бюрократизация внутренней деятельности органов государственной власти в России также выступают в качестве проблем государственной службы как социального института в стране.

Большинство независимых экспертов считают, что Российская Федерация явно перенасыщена числом сотрудников административного аппарата, несмотря на то, что относительно недавно численность сотрудников госслужб была существенно сокращена. В связи с этим Министерство финансов РФ выступило с инициативой о том, чтобы в целях экономии бюджетных средств сократить численность государственных служащих, а сэкономленные средства фонда оплаты труда было предложено направить на премирование оставшихся в штате сотрудников. Федеральным органам в соответствии с данным законопроектом необходимо предоставить членам правительственной комиссии такие идеи, направленные на оптимизацию штата госслужащих, чтобы функционирование системы не пострадало. Необходимо отметить, что на федеральном портале по данному вопросу для обсуждения и принятия окончательного решения размещен проект.

Следует обратить внимание на то, что предоставленная информация о запланированном в 2019 г. сокращении государственных служащих на 10%, не соответствует действительности и сильно преувеличена в связи с тем, что обозначенный значительный процент госслужащих не может лишиться своей работы.

Поскольку, по данным официальной статистики, в России в настоящее время на 90 человек населения приходится 1 чиновник, сокращение государственных служащих следует все же ожи-

дать. Необходимо отметить, что хотя данный показатель раньше был на 50 единиц больше, в российской действительности указанная цифра представляется достаточно большой¹².

Конкретные данные о том, кто будет подвержен сокращению, пока отсутствуют. Но можно предположить, что часть государственных служащих, осуществляющих свою деятельность в федеральной службе законодательного уровня, ввиду того, что их число составляет около 15 тыс. (а это достаточно большая цифра), попадут под сокращение. Также вполне возможно сокращение работающих в государственных фондах, таких, например, как Социальное страхование или Пенсионный фонд, в службах контроля регистрации, в связи с тем, что, согласно данным официальной статистики, количество таких сотрудников составляет приблизительно 1,5 млн чел. Предполагается также сокращение и депутатов, так называемых народных избранников, численность которых составляет в настоящее время около 35 тыс. чел.

Причина сокращения госслужащих видится в том, что такое количество сотрудников с достаточно большими заработными платами государственный бюджет больше не в состоянии содержать. Следует обратить внимание на тот факт, что, по официальным данным, более 1 млн чиновников финансирует госбюджет, хотя независимые эксперты предоставляют информацию, указывающую на то, что в настоящее время в нашей стране находится на государственной службе около 6 млн чел.¹³

В связи с последовательным сокращением штата государственной службы следует ожидать положительных тенденций в изменении федеральной службы, поскольку служащие, остающиеся выполнять свой профессиональный долг, должны обладать необходимыми умениями и высокой квалификацией. Как итог данных трансформаций – более эффективный и технологичный институт государственной службы. Следует отметить, что в зависимости от имеющихся у представителей власти возможностей и ресурсов реформа будет претерпевать коррективы и дополнения. Полагается, что процесс реформирования будет носить последовательный характер, а средства, сэкономленные за счет сокращения, пойдут на реорганизацию системы и на повышение заработной платы тем работникам, которые останутся занимать должности государственной службы.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод. Государственная служба как социальный институт в российской действительности сталкивается с рядом проблем. В современных условиях в России назрела необходимость реформирования государственного управления. В качестве приоритетных проблем отметим: примитивность институтов гражданского общества, проявляющаяся в дефиците культуры и эффективных механизмов

учреждения и функционирования независимых общественных организаций, в несовершенстве гражданской позиции, в недостаточном уровне правосознания; присутствие в сфере исполнительной власти коррупционных проявлений; непрозрачность деятельности аппарата управления (хотя необходимо указать на то, что организация института электронного правительства способствует частичному преодолению данной проблемы); ввиду того, что принимаемые программные документы отличаются формализмом и им просто необходима тщательность проработки механизма их реализации, можно говорить о том, что имеет место также и проблема отсутствия единой научно и практически обоснованной концепции оптимальной организации исполнительной власти.

Примечания

- 1 См.: Социологи заявили о снижении доверия граждан РФ к институтам власти // Информационное агентство REGNUM : [сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/2494482.html> (дата обращения: 12.06.2020).
- 2 См.: Дергачев В., Окрест Д., Истомина М., Витько С. Социологи заявили о значительном снижении доверия к институтам власти. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/03/2017/58dbb1ed9a7947e4c4de9dcb> (дата обращения: 20.06.2020).
- 3 См.: Институциональное доверие // Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр) : [сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/> (дата обращения: 20.06.2020).
- 4 Там же.
- 5 См.: Наука, бизнес, власть – триада регионального развития : IV междунар. науч.-практ. конф. (Великий Новгород, 5 апреля 2019 г.) : сб. ст. / отв. ред. Р. А. Тимофеева, Л. А. Киргорова. СПб. : ГНИИ «Нацразвитие», 2019. С. 102.
- 6 См.: Дергачев В., Окрест Д., Истомина М., Витько С. Указ. соч.
- 7 См.: Чиканова Л. А. Государственные служащие : комментарии, разъяснения, рекомендации. М. : Юристъ, 1998. С. 27.
- 8 См.: Государственная служба и этика государственного служащего : практикум / сост. : С. А. Болтунова, Ю. О. Новикова. Владимир : Шерлок-пресс, 2018. С. 35.
- 9 См.: Даниленко М. И. Этика государственной и муниципальной службы. Кемерово : КемГИИП, 2017. С. 38.
- 10 См.: Свежие новости о сокращении госслужащих в 2019 году в России // RussToday Россия сегодня : [сайт]. URL: <https://russtoday.com/svezhie-novosti-o-sokrashhenii-gossluzhashhix-v-2019-godu-v-rossii/> (дата обращения: 14.06.2020).
- 11 Губернатор Валерий Радаев поддержал инициативу Председателя ГД Вячеслава Володина о введении психологических тестов при приеме на госслужбу // Правительство Саратовской области : [офиц. портал]. URL: https://saratov.gov.ru/news/gubernator_valeriy_radaev_podderzhal_initsiativu_predsedatelya_gd_vyacheslava_volodina_o_vvedenii_ps/?sphrase_id=432085 (дата обращения: 06.06.2020).
- 12 См.: Свежие новости о сокращении госслужащих в 2019 году в России.
- 13 Там же.

Образец для цитирования:

Немерюк Е. Е., Романовская О. А., Кантемирова Г. А. Проблемы функционирования государственной службы как социального института в Российской Федерации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 374–379. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-374-379>

Cite this article as:

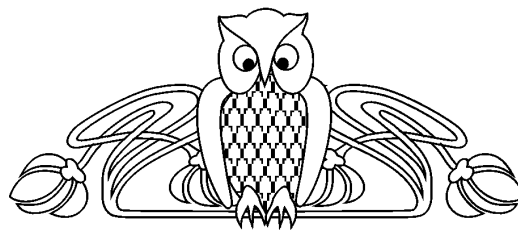
Nemeryuk E. E., Romanovskaja O. A., Kantemirova G. A. The Problems of Functioning of the Public Service as a Social Institution in the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 374–379 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-374-379>

УДК 316.2

Опыт эмпирических исследований социальной нетерпимости

А. В. Круглов, Я. А. Никифоров

Круглов Александр Валериевич, соискатель кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, krugl555@mail.ru

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikiforovy@mail.ru

Статья посвящена проблеме эмпирического изучения феномена социальной нетерпимости. Приводится анализ результатов социологических исследований, проведенных в США и Западной Европе во второй половине XX – начале XXI вв. Соответствующие измерения толерантности являются предметом продолжающихся дебатов. Ученые не соглашаются в вопросе о том, имеет ли измерение толерантности разными способами значение для выявления происхождения толерантности. Сравнение двух методов измерения толерантности приводит к заключению, что оба метода точно измеряют нетерпимость и значительно не отличаются по их заключениям относительно основ нетерпимости. Оба, к настоящему времени ставшие классическими, метода измерения толерантности, однако, терпят неудачу в выявлении нетерпимости к определенным действиям, а не к группам. Исследования, кроме того, показывают, что люди делают различие между действиями и между группами, которые они готовы терпеть, также в зависимости от их собственной социальной идентичности. Следовательно, толерантность не может быть концептуализирована как всеобъемлющее явление и должна рассматриваться как многофакторное и контекстно-зависимое явление. Несмотря на то, что нетерпимость и толерантность часто считаются противоположными полюсами, западные исследователи указывают на асимметрию толерантности и нетерпимости.

Ключевые слова: социальная нетерпимость, социологическое исследование, толерантность, социальные индикаторы.

Поступила в редакцию: 18.08.2020 / Принята: 20.08.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Experience of the Empirical Research on Social Intolerance

A. V. Kruglov, Ya. A. Nikiforov

Aleksandr V. Kruglov, <https://orcid.org/0000-0002-5572-647X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, krugl555@mail.ru

Yaroslav A. Nikiforov, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nikiforovy@mail.ru

The article is devoted to the problem of the empirical study of the phenomenon of social intolerance. The analysis of the results of sociological studies conducted in the USA and Western Europe in the second half of the XX – early XXI centuries is given. The relevant dimensions of tolerance are the subject of the ongoing debate. Scientists do not agree on the question of whether measuring tolerance in different ways is important for identifying the origin of tolerance. Comparing the two methods of measuring tolerance leads to the conclusion that both methods accurately measure intolerance and do not differ significantly in their conclusions regarding the foundations of intolerance. Both methods of measuring tolerance which have now become classical, however, fail in identifying intolerance for certain actions, but not for groups. The research also shows that people distinguish between different actions and between different groups they are willing to endure, also depending on their own social identity. Therefore, tolerance cannot be conceptualized as a comprehensive phenomenon and should be seen as a multi factorial and context-sensitive one. Despite the fact that intolerance and tolerance are often considered as opposite poles, Western researchers point to the asymmetry of tolerance and intolerance.

Keywords: social intolerance, sociological research, tolerance, social indicators.

Received: 18.08.2020 / Accepted: 20.08.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-380-382>

Социальная нетерпимость – одно из наиболее исследованных явлений в современной социологии и политологии. То, что сегодня известно об эмпирических исследованиях толерантности и социальной нетерпимости, в основном обнаруживается в обширной литературе по указанным проблемам. Результаты фокусируются на поддержке общих «правил игры», которые ориентированы на толерантность, в общем виде – на поддержку гражданских свобод. Соответствующие измерения толерантности являются предметом продолжающихся дебатов. Ученые не соглашаются в вопросе о том, имеет ли измерение толерантности разными способами значение для выявления происхождения толерантности. Исследование Стауффера 1954 г., проведенное в США, было первым систематическим крупномасштабным исследованием социальной нетерпимости. Стауффер изучал политические мнения об американских гражданах. Он перечислил несколько непопулярных социальных групп и оценил готовность поддерживать гражданские права этих групп. Исследование Стауффера про-

водилось в эпоху «Красной Паники Маккарти», и коммунисты, как и другие левые группы, были, безусловно, непопулярны. Результаты Стауффера показали, что большинство американцев не поддерживали предоставления гражданских прав коммунистам и другим левым группам. Позже исследование было подвергнуто критике за то, что оно оценило нетерпимость только к левым группам, а не ко всем группам с иными политическими взглядами. Приблизительно 20 лет спустя исследование было повторено и сделано заключение, что американская толерантность повысилась¹. Однако повысилась толерантность только в отношении левых. Позже был разработан так называемый метод «нравится меньше всех»: двухступенчатый метод принимал в расчет элемент отказа от утверждения разногласия в отношении толерантности². Было измерено отрицательное отношение к нескольким перечисленным группам, и впоследствии респондентов попросили оценить поддержку гражданских прав наименее симпатичной группы. Таким образом, было удостоверено, что каждый респондент оценил поддержку гражданских прав группы, которую он точно не любил; выявлена техника измерений, которая лучше соответствовала определению толерантности как поддержки гражданских прав враждебной группы.

Сравнение двух методов измерения политической толерантности приводит к заключению, что оба метода точно измеряют нетерпимость и значительно не отличаются по их заключениям относительно основ нетерпимости. Оба, к настоящему времени ставшие классическими, методы измерения толерантности, однако, терпят неудачу в выявлении нетерпимости к определенным действиям, а не к группам. Случается, что люди не терпят публичных проявлений ненависти, независимо от того, кто выступает с речью. В этом случае это – конкретный акт, который инициировал нетерпимость, а не отношение к группе. То есть поддержка свободы слова может противоречить неприятию ненависти. Люди действительно постоянно оценивают противоположные значения при оценке ситуаций, к которым они готовы относиться толерантно. Исследования, кроме того, показывают, что люди делают различие между действиями и между группами, которые они готовы терпеть, также в зависимости от их собственной социальной идентичности³. «Кажется, что люди избирательны в том, кого и что они будут терпеть и при каких обстоятельствах они готовы быть терпимыми»⁴.

Следовательно, толерантность не может быть концептуализирована как всеобъемлющее явление и должна рассматриваться как многофакторное и контекстно-зависимое явление.

Существует большое несоответствие между нормами, которых люди, как они утверждают, придерживаются в принципе, и теми, которые они готовы применять в определенных случаях,

по крайней мере, в «спорных» моментах. Объяснение несоответствия состоит в том, что граждане не желают предоставлять демократические права тем, кого они не любят или боятся: толерантность является зависимой от ситуации, на которую распространяется. В то время как люди обычно готовы поддерживать идею толерантности умозрительно, когда сталкиваются с ее практическими последствиями, многие реагируют нетерпимо. Толерантность не единственная позиция, которая показывает расхождение между убеждениями и поведенческими реакциями. Социально-психологические характеристики личности, такие как самооценка, субъективные нормы и ценности, продуцируют разнообразие в фактическом поведении⁵. То, что существует расхождение между принципами и практиками толерантности, является общим местом в литературе, но социально-психологические характеристики, которые могут продуцировать это расхождение, рассмотрены меньше. Установлена более устойчивая связь между нетерпимыми убеждениями и поведенческими намерениями, чем между терпимыми убеждениями и поведенческими намерениями⁶.

Например, было проведено исследование, в ходе которого изучалась приверженность нормам толерантности к черным среди высоко- и низкообразованных белых американцев. Первоначально тестировалось воздействие образовательного уровня на толерантность (норма толерантности оценивает относительно абстрактные, общие принципы). Сравнивалась общая норма толерантности с тем, что называется прикладной толерантностью. Ожидалось, что более высокообразованные респонденты будут более терпимыми. Результаты показали, что высокообразованные белые были более терпимыми, когда это касалось общей толерантности, но и высоко-, и низкообразованные уклонялись от толерантности, когда речь заходила о поддержке политики расовой интеграции. В более новых исследованиях это расхождение между поддержкой принципа и поддержкой практики толерантности также обнаруживается, однако расхождения стали значительно менее значимыми. Как классические, так и современные исследования указывают, что нетерпимость, о которой сообщают респонденты, может также совпасть с фактическим терпимым поведением⁷. Необходимы более углубленные исследования для точного отображения причинных механизмов, объясняющих положительные или отрицательные расхождения между принципами толерантности и социальной практикой.

Несмотря на то, что нетерпимость и толерантность часто считаются противоположными полюсами, западные исследователи указывают на асимметрию толерантности и нетерпимости: «...эти две установки конструируются по-разному и могут иметь довольно разные влияния

на социальное действие»⁸. Асимметрия нетерпимости и толерантности часто игнорируется в большинстве исследований, в то время как теоретическая и практическая ценность (как продвигать толерантность, невзирая на проявления нетерпимости) является значимой.

Общий вывод состоит в том, что терпимые могут с большей готовностью отказаться от терпимости, чем нетерпимые стать терпимыми⁹. Нетерпимость представляется установкой, которой люди более строго придерживаются, и легче воспринимаемой, чем толерантность. Кроме того, нетерпимость имеет более сильный поведенческий потенциал, чем толерантность. Люди кажутся более готовыми на социальные действия с точки зрения нетерпимости, чем терпимости, терпимые менее готовы публично выразить терпимое мнение, чем нетерпимые выразить противоположное.

Примечания

- ¹ См.: *Nunn C. Z., Crockett H. J., Williams J. A.* Tolerance for Nonconformity. San Francisco : Jossey-Bass, 1978.
- ² См.: *Sullivan J. L., Piereson J., Marcus G. E.* Political Tolerance and American Democracy. Chicago : University of Chicago Press, 1982.
- ³ См.: *Verkuyten M., Slooter L.* Muslim and non-Muslim

- Adolescents' Reasoning about Freedom of Speech and Minority Rights // *Child Development*. 2008. Vol. 79, iss. 3. P. 514–528. DOI: 10.1111/j.1467–8624.2008.01140.x
- ⁴ *Robinson J., Witenberg R., Sanson A.* The socialization of tolerance // *Augustinos M., Reynolds K. J.* Understanding Prejudice, Racism and Social Conflict. L. ; Thousand Oaks ; New Delhi : Sage, 2001. P. 85.
- ⁵ См.: *Ajzen I., Fishbein M.* Attitude-Behavior Relations : A Theoretical Analysis and Review of Empirical Research // *Psychological Bulletin*. 1977. Vol. 84, № 5. P. 888–918.
- ⁶ См.: *Marcus G. E., Sullivan J. L., Theiss-Morse E., Wood S. L.* With Malice toward Some : How People Make Civil Liberties Judgments. N. Y. : Cambridge University Press, 1995. P. 191.
- ⁷ См.: *Coenders M., Lubbers M., Scheepers P.* Weerstand tegen scholen met allochtone kinderen. De etnische tolerantie van hoger opgeleiden op de proef gesteld // *Mens en Maatschappij*. 2004. Vol. 79, № 2. P. 124–147.
- ⁸ *Gibson J. L.* Enigmas of Intolerance : Fifty Years after Stouffer's Communism, Conformity and Civil Liberties // *Perspectives on Politics*. 2006. Vol. 4, iss. 1. P. 24. DOI: <https://doi.org/10.1017/S153759270606004X>
- ⁹ См.: *Peffley M., Rohrschneider R.* Democratization and Political Tolerance in Seventeen Countries : A Multi-level Model of Democratic Learning // *Political Research Quarterly*. 2003. Vol. 56, № 3. P. 243–257. DOI: <https://doi.org/10.1177/106591290305600301>

Образец для цитирования:

Круглов А. В., Никифоров Я. А. Опыт эмпирических исследований социальной нетерпимости // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 380–382. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-380-382>

Cite this article as:

Kruglov A. V., Nikiforov Ya. A. The Experience of the Empirical Research on Social Intolerance. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 380–382 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-380-382>

УДК 37.014

Тенденции развития научно-образовательного пространства в современной России

В. В. Гусев, Е. А. Кузьмин

Гусев Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, vladgus2006@yandex.ru

Кузьмин Егор Алексеевич, старший преподаватель кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, piuis@yandex.ru

В статье рассматривается фундаментальное понятие «научно-образовательное пространство» как интеграция двух основополагающих сфер – науки и образования, с одной стороны, и территориального пространства нашей страны, с другой. Говорится о тенденциях развития научно-образовательного пространства, взаимодействии этого пространства с российской городской средой и провинцией. Исследуется проблема наращивания человеческого и интеллектуального потенциала территории. Рассматриваются не только положительные стороны интеграционных связей образования и территорий, но и противоречия, возникающие при взаимодействии основных акторов научно-образовательного пространства, в том числе противоречия элитарного и эгалитарного образования, концентрация элитарного образования в крупных городах, одностороннее взаимодействие крупных городов как центров научно-образовательного пространства и отдаленных территорий, сельской местности путем оттока перспективного населения, молодежи из провинции в крупные города. Приводится положительный опыт республик Татарстан и Башкортостан, где благодаря развитой промышленности, наличию рабочих мест с высокой заработной платой, сохранению имеющегося потенциала учебных заведений в провинции удается добиться процветания территорий и дальнейшего развития в них научно-образовательной сферы

Ключевые слова: образование, процесс, городское пространство, научный центр, моногород, провинция, молодежь.

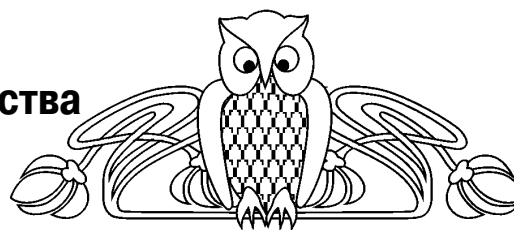
Поступила в редакцию: 26.07.2020 / Принята: 20.08.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Trends in the Development of Scientific and Educational Space in Modern Russia

V. V. Gusev, E. A. Kuzmin

Vladimir V. Gusev, <https://orcid.org/0000-0002-6634-1663>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia, vladgus2006@yandex.ru

Egor A. Kuzmin, <https://orcid.org/0000-0002-2242-0394>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia, piuis@yandex.ru

The article considers the fundamental concept of «scientific and educational space» as the integration of two fundamental spheres – science and education, on the one hand, and the territorial space of our country, on the other. The article deals with the trends in the development of scientific and educational space and their interaction with the Russian urban environment and province. The problem of increasing the human and intellectual potential of the territory is studied. The positive aspects of integration relations between education, territories and the contradictions that arise when the main actors of the scientific and educational space interact are considered. In particular, the contradictions between the elite and egalitarian education, the concentration of elite education in large cities and the one-sided interaction between large cities as the centers of scientific and educational space and remote territories are revealed. Besides, the problems of the outflow of promising population and youth from rural areas from the province to large cities are discussed. It is concluded, due to the development of industry, the availability of jobs with high wages, preserving the existing potential of the educational institutions in the province make it possible to further develop scientific-educational spheres.

Keywords: education, process, urban space, scientific center, single-industry city, province, youth.

Received: 26.07.2020 / Accepted: 20.08.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-383-387>

Прежде всего, рассматривая тенденции развития образовательной среды, необходимо остановиться на таких фундаментальных понятиях, как «образование» и «научно-образовательное пространство». Согласно ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», образование – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов¹.

Термин «научно-образовательное пространство» предполагает, в свою очередь, интеграцию двух составных частей – науки и образования как сферы приложения интеллектуальных усилий, с одной стороны, и пространства страны как территориальных докусов жизни граждан – с другой. По мнению Ю. В. Сенько (Алтайский государственный университет), процесс образования должен носить характер институализированного процесса как стремления индивидуума к высшему смыслу. Согласно его взглядам, научно-образовательное пространство – это пространственно-временная связь людей, помогающая непосредственным участникам обучения открывать смыслы образования и осуществлять их². М. А. Головчин и Т. С. Соловьева (Институт социально-экономического развития территорий РАН) считают, что научно-образовательное пространство – это совокупность находящихся в рамках географического пространства и активно взаимодействующих субъектов научной, образовательной и культурной сфер, бизнес-сообщества, основанная на институциональной и/или информационной интеграции, нацеленная на наращивание человеческого и интеллектуального потенциала территории³. Р. Е. Пономарев (МГУ имени М. В. Ломоносова) вводит понятие интеграции науки и образования, причинно-следственной связи при производстве (генерации) знаний в рамках научно-исследовательской работы. По его мнению, «в ходе процесса обучения и учитель в школе, и преподаватель в университете обеспечивают процесс возникновения знаний обучающихся», при этом генерация (накопление) знаний подчиняется определенной логике, следовательно, в образовании необходимо логически подкреплять процессы формирования знаний⁴. И. А. Маланов (Бурятский государственный университет) под образовательным пространством понимает часть социального (наполненного духовным) пространства, где взаимодействуют различные объекты, влияющие на образование. По его мнению, «образовательное пространство есть совокупность институтов и организаций, непосредственно или опосредованно детерминирующих образование как процесс формирования исторически (с гражданской, государственной, личностной точки зрения) адекватного субъекта и как совокупность специфически образовательных институтов и уровней»⁵.

Таким образом, научно-образовательное пространство является той генерирующей идеей, сутью системы образования, вокруг которой выстраивается стратегия действий основных образовательных акторов (образовательная стратегия). На наш взгляд, научно-образовательное пространство – это действующий на основе субординации дошкольного, школьного и послешкольного звеньев единый ученый мегакомплекс, внутри которого координируются по назначению специализированных знаний соот-

ветствующие группы обучающихся и обучаемых, способные по мере необходимости модернизироваться и изменять свою структуру. Функционирование единого научно-образовательного пространства предполагает необходимые учебно-методические, кадровые, финансовые и материально-технические условия, обеспечивающие эффективное развитие процесса образования.

Объективно доказано, что современная экономика должна быть инновационной, построенной с применением последних изобретений и технологий, только в этом случае она может быть конкурентной на мировом рынке. Экономическая система, структурируемая нами на «центр», «периферию» и «полупериферию», является сложным механизмом и состоит из многих срезов, институтов, регуляторов, отраслей, территорий, инфраструктуры, различных населенных пунктов и образований. При этом экономика неравномерно воспринимает инновации, «центр» экономической системы по определению является более инновационным и технологичным, а периферия – более отсталой даже при высоком уровне инновационности и развитости экономики в целом. В настоящее время периферия почти полностью выключена из процессов образования, определенный задел (фундамент) советской системы образования сохранился лишь в полупериферийных городах, которые в силу объективных причин не могут даже приблизиться к центру экономической и образовательной деятельности.

Крупный город, представитель «центра» экономической и образовательной системы, обладающий большим количеством образованных трудовых ресурсов, технологической и образовательной базой, как правило, является генератором научно-инновационной и образовательной деятельности и задает общий вектор развития образовательного пространства. Однако он может быть и транслятором (преобразователем), а также адаптером инноваций и процессов образования. Такие крупные города, как Москва и Санкт-Петербург, являются генераторами все-российских инноваций и крупными образовательными центрами. Высоким научно-образовательным потенциалом также обладают крупные города федеральных округов России – Казань, Уфа, Нижний Новгород, Самара, Екатеринбург, Новосибирск, Краснодар, Омск, Томск, Иркутск, Хабаровск, Владивосток. Это центры инновационного и образовательного пространства России, его технологическое ядро, разбросанное географически по территории огромной страны. По мере удаления городского поселения по имеющимся ресурсам и географическому положению от технологического ядра в нем слабеют и инновационная, и образовательная составляющие, что вызвано на сегодняшний день рядом объективных причин. Этому во многом способству-

ют демографические факторы, отъезд из провинции в города наиболее активной, молодой и работоспособной части российского населения, вымирание оставшегося населения, как правило, возрастного, недостаточно мобильного, не обладающего жизненной силой и энергией или утратившего эту энергию в силу прожитых лет. В результате в провинции, особенно в сельской местности, в настоящее время весьма ослаблено влияние научно-образовательного пространства на повседневную жизнь общества, а все попытки изменить эту ситуацию к лучшему не идут дальше попыток интернетизации, воспитания «психологии потребителя» и попыток привлечь за финансовое вознаграждение к работе в провинции молодых учителей, ученых, врачей, иных активных представителей науки и образования.

Также следует обратить внимание на тренды развития системы образования, на сочетание элитарного и эгалитарного начала в образовании. На наш взгляд, в настоящее время в развитии образования проявляются две тенденции:

1) деление системы российского образования на элитарное (для избранных) и эгалитарное (доступное всем без исключения);

2) концентрация системы элитарного образования в крупных городах – российских научных центрах, и постепенный упадок эгалитарной составляющей, образовательных учреждений в провинции, который находится в тесной корреляции с процессами угасания экономической и социальной жизни в российских регионах.

По сути, элитарное и эгалитарное образование представляют собой два вектора с противоположным движением. Первое направление, которое образуют элитные школы и вузы, предназначено для детей чиновников, крупного бизнеса, федеральных и региональных провинциальных элит, околоэлитного окружения. Оно характеризуется престижностью поступления и обучения, значительной стоимостью образовательных услуг, высокими требованиями к абитуриентам, высокими баллами по ЕГЭ и т. д. Логично, что дети, обучающиеся в платных, элитных физико-математических или гуманитарных, языковых школах, затем выбирают МГУ имени Ломоносова, РГГУ, МГТУ имени Баумана, МГИМО, МИФИ, СПбГУ, ИНЖЕКОН. Многие выпускники подобных школ с хорошей языковой подготовкой затем едут на учебу за границу. Второе направление предназначено для детей из небогатых российских семей, родители которых стараются дать образование своим детям в надежде на их будущую лучшую карьерную и социальную роль в обществе. Часто учебные заведения, которые относятся к эгалитарному образованию, расположены в провинции, периферийных регионах, научно-педагогические кадры в них недостаточно высокого уровня, стоимость обучения в них также невысока и колеблется в пределах 80–100 тыс. руб. за семестр.

Безусловно, образование должно быть доступным и эгалитарным. Зададимся вопросом – в чем были причины успеха советской системы образования, почему она вплоть до настоящего времени считается лучшей в мире, а ее методики берутся на вооружение развитыми странами? На наш взгляд, отбор лучших учащихся и студентов в советской системе образования осуществлялся реально по способностям, те, кто хотел, учились, набирали знания и профессиональные навыки, а социальный уровень жизни общества позволял это делать, давая возможность ребенку из семьи рабочего из провинциального моногорода или же из крестьянской семьи далекого колхоза реализовывать свой потенциал в полной мере. Многие представители новейших российских элит вышли из очень простых семей. Образование в СССР было бесплатным, но при этом при поступлении в институт или университет абитуриент выдерживал реальный жесткий конкурс. Зарботная плата советского преподавателя или ученого была достойной, выше, чем в среднем по народному хозяйству, поэтому быть ученым и преподавателем было выгодно и престижно, многие выбирали подобный карьерный путь и реализовывали свой интеллектуальный потенциал. Советская система образования была подлинно эгалитарной, направленной на широкие слои народных масс и позволяла выдвигать на руководящие посты и роли действительно лучших по своим делам, самых способных представителей народа. В настоящее время вектор развития системы образования повернулся к всеобщей коммерциализации деятельности, оказанию платных образовательных услуг, к концентрации лучших специалистов, методик, материальной базы и доходов педагогического состава в крупных городах и к упадку системы образования в российской провинции. На наш взгляд, это прямой путь в новое средневековье, в феодально-капиталистическую, а не в современную рыночную экономику.

Отдельно хотелось бы высказаться по поводу ситуации в российских моногородах. Некогда процветающие, с мощными в экономическом отношении предприятиями, в СССР моногорода казались оазисами благополучия социальной и общественной жизни, были полноценно интегрированы в научно-образовательное пространство. В крупных монопрофильных поселениях работали достаточно неплохие высшие учебные заведения, в которых обучались, прежде всего, те, кто собирался связать свою судьбу с малой родиной – монопрофильным городом. В моногородах поменьше при градообразующих предприятиях функционировали техникумы и профессиональные училища. Если сфера деятельности предприятия была слишком высокотехнологичной и специфичной, например атомная станция, оборонное предприятие, то будущего специалиста могли послать учиться в крупный город по

направлению от предприятия либо же присылали запрос на готового выпускника по распределению. В настоящее время ситуация с интеграцией в научно-образовательное пространство российских моногородов сильно осложнена по тем же причинам, что и интеграция периферии. По сути, и российская провинция, и монопрофильные образования сегодня выключаются из научно-образовательной сферы по объективным вышеперечисленным причинам. Выключение происходит по причине вымирания провинции, оттока молодежи, деградации производственной сферы в провинции, старения населения, низкого уровня жизни.

На наш взгляд, современной российской власти необходимо добиваться интеграции образования и территории. Для того чтобы молодежь не уезжала из небольших городов в поисках лучших условий жизни, необходимо полноценно реинтегрировать провинцию в экономическое, культурное и научно-образовательное пространство, в это возможно лишь через комплексное улучшение всех сторон жизнедеятельности, включая возрождение или построение заново всей системы образования. Если крупный город может сделать заявку на развитие через какое-либо мега-событие (проведение спортивного соревнования, международного форума, культурного фестиваля и т. д.), то у небольших провинциальных городов такой возможности нет⁶. У полупериферийных территорий есть шансы на развитие через возрождение провинциальной промышленности в невысокотехнологичных отраслях – производстве строительных материалов, товаров для детей, пищевой, легкой, деревообрабатывающей промышленности. Собственно российские моногорода следует развивать через возрождение градообразующих предприятий, через возрождение специализации моногорода, и здесь государству придется смириться со значительными затратами на экономику и технологии. Благодаря сильному градообразующему предприятию в моногороде обязательно появится система «профессиональное училище – среднее профессиональное учебное заведение (техникум) – высшее учебное заведение».

На наш взгляд, возрождение, развитие промышленных предприятий, новых или оставшихся со времен Советского Союза, – прямой путь к социальному процветанию. В качестве положительного примера можно привести опыт республик Татарстан и Башкортостан, где даже в провинции работают промышленные предприятия, в небольших городах полноценно функционируют средние и высшие учебные заведения. Например, в Республике Татарстан расположены пять моногородов: Набережные Челны, Нижнекамск, Чистополь, Зеленодольск и Менделеевск. Набережные Челны располагаются в 237 км от Казани, в нем проживают 534 тыс. чел. За последние 10 лет население моногорода увеличилось на 20 тыс.

чел., или на 4%. Несмотря на шоковые реформы и массовое повсеместное банкротство предприятий в российской провинции, в Набережных Челнах промышленный потенциал советского времени был сохранен. Градообразующим предприятием является Камский автомобильный завод (КАМАЗ), на котором работают 52 тыс. чел. Кроме градообразующего, в городе расположены более тридцати крупных и средних промышленных предприятий, включая ООО «Камский тракторный завод», АО «Набережночелнинский крановый завод», АО «Седан» (производство автомобильных фильтров), АО «Генерирующая компания», АО «Камский металлургический завод», ООО «Челны-Бройлер». В городе функционируют 104 средние школы, 12 техникумов и колледжей, 6 головных вузов, 10 филиалов вузов. Также в городе имеются 5 театров, 4 кинотеатра, 8 музеев, 6 дворцов культуры и концертных залов. Как следствие, оттока населения из моногорода практически нет, молодежь уезжает за образованием в Москву, Казань, Уфу, Самару и другие научные центры, но затем возвращается для работы на предприятиях города⁷.

На наш взгляд, проводимая политика развития крупных городов и агломераций федерального правительства недалековидна, так как способствует тому, что население страны в поисках перспектив переезжает в крупные города, а провинция вымирает. В подобных условиях можно говорить об упадке российской научно-образовательной сферы в регионах, о том, что в провинции через деиндустриализацию создаются условия для умирания территории, обезлюживания больших пространств. Реализуемая федеральным центром политика нуждается в срочной корректировке, в мерах по индустриализации и возрождению отечественной промышленности, в инвестировании больших средств в регионы, в территориально-отраслевые производственные комплексы, что способно привести к удержанию населения на территориях, к возрождению регионального научно-образовательного пространства через развитие промышленности.

Примечания

- ¹ См.: Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ² См.: *Сенько Ю. В.* Экзистенциальные смыслы современного образования // Человек и образование. 2017. № 3 (52). С. 4–8.
- ³ См.: *Головчин М. А., Соловьева Т. С.* Уровень развития научно-образовательного пространства в регионах России // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. 2012. Т. 23, вып. 5. С. 197–205.
- ⁴ *Пономарев Р. Е.* Знания как результат обучения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. 2017. № 2. С. 95.

- ⁵ Маланов И. А. Понятие «образовательное пространство» как педагогическая категория // Вестн. БГУ. Образование. Личность. Общество. 2012. № 1. С. 27.
- ⁶ См.: Кузовенкова Ю. А. Образование в контексте российской парадигмы «столица – провинция» // Молодой ученый. 2015. № 11.1 (91.1). С. 43–46. URL: <https://moluch.ru/archive/91/19367> (дата обращения: 15.07.2020).
- ⁷ См.: Набережные Челны (Татарстан) // Википедия – свободная энциклопедия : [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 15.07.2020).

Образец для цитирования:

Гусев В. В., Кузьмин Е. А. Тенденции развития научно-образовательного пространства в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 383–387. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-383-387>

Cite this article as:

Gusev V. V., Kuzmin E. A. The Trends in the Development of Scientific and Educational Space in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 383–387 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-383-387>

УДК 316.614+376

Социализирующий потенциал региональной системы образования для лиц с ОВЗ: риски и точки роста

О. Г. Петрович

Петрович Ольга Георгиевна, кандидат социологических наук, доцент, Региональный центр практической психологии и инклюзивного образования, Саратовский областной институт развития образования, petrovich-olga-g@yandex.ru

В статье представлен анализ имеющихся в региональной системе образования рисков при обеспечении социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья в среде нормативно развивающихся сверстников. К рискам отнесены не только организационные и материальные условия, но и социальные установки, убеждения и опасения субъектов образования. На основании имеющихся данных представлены условия для снижения этих рисков.

Ключевые слова: обучающиеся с ОВЗ, социализация, система образования, социальный потенциал, барьеры социализации.

Поступила в редакцию: 03.08.2020 / Принята: 20.08.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Socializing Potential of the Regional Education System for People with Disabilities: Risks and Growth Points

O. G. Petrovich

Olga G. Petrovich, <https://orcid.org/0000-0003-2333-9755>, Saratov Region Institute of Education Development, 1 Bolshaya Gornaya St., Saratov 410031, Russia, petrovich-olga-g@yandex.ru

The article presents the analysis of the existing risks in the regional education system in ensuring the socialization of persons with disabilities in the environment of normativity peers. The risks include not only organizational and material conditions but also social attitudes, beliefs and fears of educational subjects. On the basis of the available data the conditions for reducing these risks are presented.

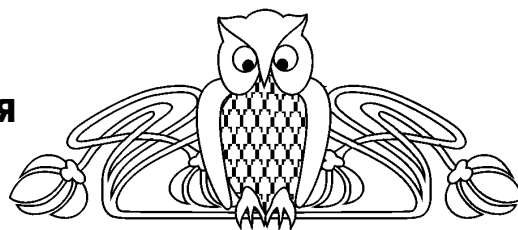
Keywords: students with disabilities, socialization, education system, social potential, barriers to socialization.

Received: 03.08.2020 / Accepted: 20.08.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-388-393>

Отношение к людям с инвалидностью на протяжении последних ста лет в мире и в России претерпевало значительные изменения, и процесс все еще не окончен. В разных странах интенсивность и направления преобразований отличаются, но в большинстве случаев они связаны с устранением имеющихся социальных, физических, психологических, экономических и

прочих барьеров для повышения качества жизни лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (далее обобщенно для всех категория – ОВЗ). Наиболее современной и актуальной концепцией, являющейся основой проводимых преобразований, является концепция независимой жизни инвалидов¹. Она предполагает, что человек с инвалидностью должен иметь возможность взаимодействовать с обществом, осваивать его нормы наравне с любым другим членом этого общества. Соответственно, обществу необходимо адаптировать условия таким образом, чтобы любой человек, вне зависимости от наличия или отсутствия у него особенностей, мог жить максимально самостоятельно и независимо, активно принимать участие во всех социальных процессах, иметь свободный доступ ко всем сферам, иметь возможность самому принимать решения о своей жизни и поведении в различных жизненных ситуациях и т. д. Чтобы хорошо понимать условия жизни общества, его нормы, правила, уметь организовывать эффективное взаимодействие, у человека с инвалидностью должна быть равная возможность доступа к тем социальным институтам, которые содействуют социализации. Одним из наиболее ориентированных на это социальных институтов является система образования.

В конце 2012 г. был принят новый федеральный закон, повлекший значительные изменения в системе образования вообще и в образовательном процессе лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в частности. В первую очередь, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»² (далее – Закон) закрепляет регламентированный Конституцией Российской Федерации принцип всеобщего, бездискриминационного доступа к образованию, а также образование как единый целенаправленный процесс воспитания (в первую очередь) и обучения. Под воспитанием в Законе понимается деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства (ч. 2 ст. 2 Закона). Такой подход позволяет не только реализовать государственную гарантию на получение образования каждым человеком, но и дать не менее важную, но более абстрактную

для понимания возможность социализироваться в среде сверстников для тех детей, которые ранее были изолированы дома, не учились вообще или учились только в отдельных организациях среди детей со сходными нарушениями.

Важность социализации при получении образования отражается единой линией и в других нормативно-правовых документах. Например, в Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (далее – ФГОС НОО ОВЗ)³ и Федеральном государственном образовательном стандарте образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) (далее – ФГОС ОУО)⁴ отмечается, что к основным задачам образования относятся формирование общей культуры личности, в том числе социальной, охрана и укрепление социального благополучия, формирование мировоззрения в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями. Анализ положений других нормативно-правовых документов, федеральных государственных образовательных стандартов также подтверждает высокое значение социализации при освоении образовательных программ разного уровня, начиная с дошкольного.

Человек проводит в различных образовательных организациях значительную часть своего времени, поэтому важно понимать, насколько эффективно реализуются принципы социализации посредством образовательных институтов, созданы ли необходимые для этого условия, достижимы ли поставленные во ФГОС цели. По результатам оценки этих факторов уже можно прогнозировать социальный эффект этой деятельности, оценивать, движется ли российское общество к достижению положений концепции независимой жизни для инвалидов, есть ли препятствия к этому, какие они и каким образом их можно преодолеть. По истечении почти 8 лет с момента принятия Закона и 4 лет с момента начала реализации ФГОС НОО ОВЗ и ФГОС ОУО мы можем начинать первичную оценку их результативности. Безусловно, воспитательный эффект образовательной деятельности оценить значительно сложнее, чем конкретные учебные навыки. Оценка результативности воспитательной работы всегда будет субъективизирована и условна, но, тем не менее, путем наблюдения, взаимодействия с участниками образовательного процесса можно оценить динамику ее развития, определить риски и дефициты, перспективы достижения заложенных в законодательстве социальных эффектов образования и, как следствие, возможность для лиц с ОВЗ на самом деле достичь максимальной самостоятельности и независимости своей жизни.

Нормативно-правовые барьеры для взаимодействия детей в системе образования Закон снял,

но, к сожалению, это не снимает автоматически уже сформированных привычек, устоев, норм и ожиданий от социального взаимодействия, которые продолжают быть преградой для социализации лиц с особенностями развития посредством образовательных программ и образовательных организаций. Безусловно, за годы функционирования нового образовательного законодательства в этой сфере произошли мировоззренческие изменения. К сожалению, эта динамика пока не переломила имеющихся социальных норм, представлений и установок, которые позволяли бы детям с ОВЗ не только обучаться, но и социализироваться в среде сверстников.

15 сентября 2014 г. на базе Государственного автономного учреждения дополнительного профессионального образования «Саратовский областной институт развития образования» (далее – ГАУ ДПО «СОИРО») был создан Региональный центр практической психологии и инклюзивного образования (далее – Центр). Центр имеет широкий спектр задач, к которым также относятся координация взаимодействия образовательных организаций и участников образовательного процесса в вопросах социально-психологического сопровождения системы образования региона, развитие системы инклюзивного образования, консультирование и обучение заинтересованных в этом направлении лиц, обеспечение мониторинговых исследований. Одним из значимых направлений работы Центра является консультирование всех заинтересованных по вопросам организации образовательного процесса лиц с ОВЗ. За консультациями обращаются как педагогические и административные работники организаций всех уровней образования, так и родители (законные представители) таких обучающихся. Безусловно, основная часть обратившихся – работники образовательных организаций. Однако очевидна и динамика прироста родителей среди лиц, обратившихся за консультациями в Центр. Также с 2015 г. Центром организуются и проводятся мониторинговые исследования, касающиеся широкого спектра показателей условий для обеспечения образования лиц с ОВЗ. За шесть лет консультационной работы и сбора мониторинговых данных сотрудниками Центра была собрана информация, отражающая существующие реалии социализации лиц с ОВЗ и инвалидностью посредством образовательных организаций всех уровней в Саратовской области.

Социализация обучающихся с ОВЗ в рамках образовательной организации предполагает несколько обязательных условий. Важно помнить, что ребенок должен иметь доступ к общению с одноклассниками, другими детьми, посещающими эту организацию, педагогами, техническими работниками, участвующими в школьной жизни, приглашенными гостями в рамках внеурочной деятельности и другими людьми, с которыми взаимодействуют их нормативные сверстники

в рамках образовательного процесса. Социализация человека в закрытом пространстве, в искусственно созданных условиях или невозможна, или будет искажена, что не только делает его неприспособленным к взаимодействию во внешних условиях, но и противоречит всему образовательному законодательству Российской Федерации. Исходя из этого, мы можем говорить, что обучающийся с ОВЗ должен максимально полно участвовать в обычной учебной и воспитательной жизни своего класса/группы, своей образовательной организации. Только на таких условиях мы можем говорить о социализации в обществе, об освоении тех социальных норм и правил, которые в этом обществе приняты⁵.

На практике часто можно столкнуться с тем, что у родителей детей с ОВЗ при приеме на обучение или при смене образовательной программы на адаптированную тут же спрашивают (а иногда и требуют) документы для перевода на обучение на дому. Так, по данным мониторингового исследования, проведенного ГАУ ДПО «СОИРО» в конце 2019 г. для определения показателей реализации ФГОС НОО ОВЗ и ФГОС ОУО в регионе за 2019 г., из 5614 учеников с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательных школах 1064 человека учатся на дому. Если рассматривать данный показатель с точки зрения инвалидности, то из 3409 учеников-инвалидов 1036 учатся на дому. Один и тот же ученик может одновременно иметь инвалидность и быть обучающимся с ОВЗ, поэтому показатель рассматривается не в совокупности, а по отдельным категориям. Этот же показатель за 2018 г. составлял 935 учеников на дому из 4925 обучающихся с ОВЗ и 897 детей с инвалидностью из их общего количества в 3020 человек.

Концепции развития системы образования предполагают, что количество лиц с ОВЗ на дому будет сокращаться, и в таких условиях организации образования останутся только небольшое количество человек, которым на самом деле физически недоступно или противопоказано посещение школы. На данный момент мы имеем обратную ситуацию, связанную с ложным, нарушающим положения нормативно-правовых требований убеждением о легкости организации обучения на дому. Также на практике обучение на дому на самом деле является индивидуальным обучением в здании школы, т. е. ученик приходит в назначенное время в школу и работает с учителем. Очевидно, что это нельзя называть обучением на дому, и целесообразность такой подмены зачастую совершенно неоправданна, является сегрегирующей и дискриминирующей для ученика.

Вопрос о выборе формы обучения и формы организации образовательного процесса очень часто звучит и со стороны родителей, и со стороны работников образовательных организаций при обращении за консультациями. И здесь

можно столкнуться с несколькими устойчивыми социальными стереотипами и убеждениями. Несмотря на восемь лет существования Закона, все еще можно столкнуться с убеждением работников образовательной организации, что дети с ОВЗ имеют право учиться только в специальных организациях/классах/группах и доступ в обычные школы им закрыт. Когда работники образовательной организации узнают о том, что это не так, единственным выходом для себя они видят обучение такого ребенка на дому. Пересилить многолетний сегрегационный стереотип могут не все специалисты.

При аргументировании причин невозможности обучения ребенка с ОВЗ вместе со всеми остальными детьми в обычной образовательной организации педагоги чаще всего говорят о том, что заботятся таким образом о его благополучии: «домашнее обучение же один на один, родители радоваться должны, все внимание только ему одному»; «там программа будет легче, не будет лишних предметов, уроков не так много»; «да ей самой же в школе хуже будет, тут шумно, дети, они злые, будут (ее) обижать». Другие учителя признают, что не знают, как и чему учить ребенка, как создавать ему образовательные условия: «я никогда не работала с такими детьми, мне кажется, что я сделаю только хуже»; «не знаю, к кому обратиться за помощью, а дома, наверное, мама будет помогать»; «мы ему в школе ничего предоставить не можем, а дома все налажено уже, лучше мы к нему придем».

Нельзя также отметить и тот факт, что при изменении законодательства не проводилось никакой предварительной работы по формированию готовности педагогов к работе в радикально изменившемся образовательном пространстве, а ожидать от взрослых людей со сформированным социальным и профессиональным представлением изменения взглядов и поведения без предварительной работы – слишком оптимистично. Поэтому мы имеем также большую долю тех, кто перевод ребенка на обучение на дому объясняет своей неготовностью и нежеланием работать с данными категориями: «если бы я хотела с ними работать, я бы и работала в коррекционной школе»; «дайте мне спокойно доработать до пенсии, я не хочу еще новых проблем»; «я их боюсь, я никогда с такими людьми не сталкивалась, а это еще и дети».

По нашему опыту работы с педагогами образовательных организаций разного уровня, именно их неготовность является основной причиной открытых или скрытых отказов организовывать образовательное пространство для лиц с ОВЗ. Неготовность можно разделить на несколько направлений. В первую очередь – это психологическая неготовность. У педагогов выявляются неуверенность, страхи, проблемы с преодолением ситуаций неопределенности, опасение остаться без поддержки и решать все возникающие про-

блемы самостоятельно. К психологической же неготовности можно отнести и желание работников системы образования жалеть, опекать, защищать от окружающего мира особые категории детей. Очевидно, что это никак не соотносится с воспитанием самостоятельного, приспособленного к социальной жизни человека.

К сожалению, несмотря на то, что Закон существует уже достаточно давно, а на ФГОС НОО ОВЗ уже перешел весь уровень начального общего образования, доля работников, не имеющих базовых фактических знаний о требованиях и правилах организации обучения лиц с ОВЗ, остается ощутимой. Об инклюзивном образовании уже так или иначе слышали все, но на основании каких положений и документов формируется эта работа, знает все еще недостаточное количество представителей администрации образовательных организаций и педагогических работников. По данным мониторингового исследования показателей реализации ФГОС НОО ОВЗ и ФГОС ОУО за 2019 г., только 12,1% административных и педагогических работников образовательных организаций всех уровней имеют базовое образование, курсы повышения квалификации или переподготовки по программам коррекционного или инклюзивного образования. В 2018 г. этот показатель составлял 11,3%.

Третьим, и одним из важнейших аспектов неготовности является организационная неготовность. Законодательство, касающееся организации образовательного пространства лиц с ОВЗ, достаточно строго регламентирует требования и к архитектурным условиям, и к объемам учебной и воспитательной деятельности, и к количеству обучающихся, приходящихся на штатную единицу специалистов, обеспечивающих коррекционную работу. Реальность региональной системы образования не соотносится с требованиями законодательства по очень многим параметрам.

Например, в соответствии с нормативно-правовыми актами (порядками организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам дошкольного образования⁶, начального общего, основного общего и среднего общего образования⁷) штатная единица психолога должна приходиться на 7–20 обучающихся с ОВЗ, логопеда – на 5–12 обучающихся, дефектолога (в зависимости от специфики) – на 3–12 обучающихся. Таким образом, при примерном подсчете региональная система образования должна насчитывать более 600 штатных единиц педагогов-психологов, работающих только с детьми с ОВЗ, а также более тысячи штатных единиц логопедов, дефектологов. Согласно мониторингу, за 2019 г. в регионе выделено 670,2 штатных единицы психолога, 605,9 – логопеда, 268,3 – дефектологов разных специализаций. Стоит также отметить, что количество штатных единиц увеличивается: в 2018 г.

в регионе было 535,6 штатных единицы психолога, 557,4 – логопеда, 219,1 – дефектолога. При этом указанные специалисты работают не только с лицами с ОВЗ, например, у педагога-психолога большинство должностных обязанностей не связано с особыми категориями обучающихся и коррекционной работой, они обеспечивают общее сопровождение всех обучающихся.

Согласно положениям Закона, форму обучения и форму организации образовательного пространства выбирают и определяют родители. Вообще законодательство передало очень много решений относительно образовательной траектории ребенка под ответственность родителей. Но, как и среди педагогов, среди родителей тоже сильны устаревшие установки о функционировании системы образования. Продолжая разговор про обучение на дому, при разговоре с родителями выясняется, что они не хотели учить ребенка дома, некоторые были категорически против, но, тем не менее, предоставили не только необходимую медицинскую справку, но и написали заявление на перевод ребенка на обучение на дому. При вопросе, почему же все-таки перешли на такой вариант обучения, все родители признаются в том, что боялись отказа в приеме в школу, если они будут высказывать свое недовольство: «нам сказали, что в школу возьмут только при таком условии»; «мы боялись, что нас отчислят из школы, если мы не согласимся»; «мы решили не спорить, чтобы нас не отправили в коррекционную школу».

Консультации в целом очевидно демонстрируют неосведомленность родителей о современной системе образования, своих правах и обязанностях, о государственных образовательных гарантиях и требованиях к образовательному пространству. Понимание родителями нормативных требований к системе образования и направленность их на социализацию своих детей является важнейшим аспектом, так как именно на них лежит большинство решений. Родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся имеют преимущественное право на обучение и воспитание детей перед всеми другими лицами, а органы власти и образовательные организации оказывают помощь в воспитании детей, охране и укреплении их физического и психического здоровья, развитии индивидуальных способностей и необходимой коррекции нарушений их развития (ч. 1 и 2 ст. 44 Закона). В то же время большинство родителей продолжают пребывать в убеждении своего подчиненного и бесправного положения при попытке обеспечить обучение своего ребенка, его возможность находиться среди сверстников, посещать уроки и классные или общешкольные мероприятия. Часть родителей убеждены, что закон не имеет никакого отношения к реальности, поэтому нет смысла заявлять о своем недовольстве, а попытки отстаивать свои права ни к чему хорошему не

приведут: «ой, я что, не знаю [что ли], что это бесполезно»; «я решила не перечить, боюсь, что будут плохо к М. относиться, а она ведь даже пожаловаться не может»; «главное, что ходит [в детский сад], с детишками общается, я и тому рада, и это уже хорошо».

У многих родителей и семей, сталкивающихся с большим количеством проблем с получением различных социальных гарантий, на отстаивание своих прав в системе образования уже не имеется морального, физического и временного ресурса: «я как подумаю, что опять начинать [писать заявления, обращаться в различные инстанции], хочется плакать и руки опускаются»; «мне некогда этим заниматься, у меня работа, маленький [ребенок]»; «ведь нам это положено, почему я должна с боем выцарапывать».

В то же время некоторые родители сами испытывают желание не посещать занятия в здании образовательной организации и инициируют перевод ребенка на обучение на дому. Аргументация похожа на убеждения педагогов в том, что ребенку так будет лучше: «дома ей будет проще, а то в школе стесняться будет»; «нам тоже так удобно, ходить никуда не надо, все под присмотром»; «как оно еще в школе будет не понятно, пусть лучше дома». Вопросом социализации родители, как правило, не задаются. Родители детей, обучающихся по ценовым программам или программе интеллектуальных нарушений легкой степени, не считают этот аспект важным, полагают, что, когда ребенок вырастет, все выправится как-то само. Родители детей с тяжелыми и множественными нарушениями развития просто не видят в этом смысла, многие убеждены в «необучаемости» своих детей, в том, что никакой пользы от посещения организации не будет.

Нами уже неоднократно упоминалось, что препятствием к образованию обучающихся с ОВЗ совместно с нормативно-развивающимися сверстниками зачастую являются именно сформированные социальные нормы, установки и представления. Они не меняются вместе со сменой положений нормативно-правовых актов, для их изменения необходимо не только время, но часто и специальная работа, целенаправленные воспитательные мероприятия, в том числе и силами образовательных организаций. В направлениях воспитательной работы может быть выделен отдельный блок, посвященный формированию толерантного отношения к окружающим, инклюзивной культуры⁸.

Мониторинговые исследования за 2019 г. показывают, что инклюзивная культура среди всех субъектов образовательного процесса (работники образовательной организации, обучающиеся, родители) реализуется преимущественно в формате единичных мероприятий (40,2% организаций всех уровней), в 17% организаций проводят серию мероприятий, 2,8% выделяют эту работу как отдельное направление своей деятельно-

сти, 1,2% – как значимое направление. В 2018 г. единичные мероприятия провели 33,8% образовательных организаций, серию мероприятий – 19,7%, формирование инклюзивной культуры в качестве отдельного направления работы отметили 3,3% организаций, в качестве значимого – 1,3%. Отдельным мероприятием, формирующим толерантное отношение к лицам с ОВЗ, являются «Уроки доброты», инициированные общественными организациями и поддержанные тогда еще Министерством образования и науки Российской Федерации. Такие уроки в 2019 г. провели 66,5% образовательных организаций, при этом 6,6% из них отметили, что эти уроки проводятся не каждый год, а 2,9% – что они проводят их чаще. В 2018 г. это мероприятие провели 64,2% организаций. Очевидно, что такая работа не дает сиюминутного результата, на нее нужно не только определенное количество мероприятий, но и достаточно много времени.

Социализирующий потенциал системы образования для лиц с ОВЗ имеет очень высокий уровень. Его важность закреплена в основополагающих нормативно-правовых актах сферы образования. В то же время, как уже отмечалось, смена положений законов не меняет автоматически социальные нормы, убеждения и установки людей, которые в этом участвуют, в нашем случае – субъектов образования. Многие обучающиеся с ОВЗ и инвалидностью продолжают быть изолированы от сверстников, не имеют возможности общаться в естественной среде, взаимодействовать в рамках реализации образовательной программы, осваивать те личностные и метапредметные результаты, которые невозможно сформировать без контакта с другими людьми, без совместной деятельности, без общих интересов и прожитых ситуаций. Безусловно, возможность обучения на дому существует и должна существовать, но только в исключительном случае, а не в качестве удобного решения неуверенности и страхов родителей и педагогов.

С негативными установками педагогов и родителей также необходимо работать, потому что именно они определяют стратегии обучения детей и конкретные методы его организации, поэтому адекватный социализирующий эффект от образования возможен только тогда, когда родители и педагоги готовы его поддерживать и обеспечивать. К сожалению, если про целевую работу с педагогами и администрацией образовательных организаций мы можем говорить, то работа с родителями на данный момент не предусмотрена. В перспективе предполагается, что будут разработаны обучающие курсы для родителей, в том числе в онлайн формате, но это только перспектива, а принимать решения об образовательной траектории родители должны уже сейчас, и, естественно, они принимают их на основе имеющихся знаний (часто устаревших и ошибочных), установок и социальных норм.

Ожидается, что приведение организационных условий образовательной системы к законодательным требованиям также будет способствовать повышению реальной возможности социализации детей с ОВЗ в обычных условиях, однако даже по официальным планам эта деятельность завершится только в конце 2030 г. К этим организационным условиям относятся не только кадровая политика, приобретение учебников и постройка пандусов, но и создание психологически здоровой, благоприятной образовательной среды, где отличия не являются стигмой, а делают пространство богаче и интереснее. Для этого должны быть разработаны и реализованы различные программы и мероприятия по формированию инклюзивного пространства.

Несмотря на большое количество минусов и сложностей, можно смело утверждать, что динамика развития образовательного пространства (в том числе и социализирующего) имеет устойчивую положительную тенденцию. Это связано с постепенными организационными изменениями, реализацией различных государственных программ и национальных проектов в сфере образования, каждый из которых содержит положения, касающиеся условий для лиц с ОВЗ. Большая работа ведется с административными и педагогическими работниками, проводятся обучающие мероприятия, обеспечивается консультационное и методическое сопровождение, расширение представлений о различных методах работы с разными категориями детей, все большее участие проявляют общественные организации инвалидов, родительские организации и объединения, стимулирующие позитивные изменения, обучение педагогов, изменение их педагогических установок и мировоззрения. При всем этом рассчитывать на выраженный эффект социализации с целью получения возможности реализации концепции независимой жизни в среднесрочной перспективе мы считаем малореальным, так как системные и мировоззренческие изменения сферы образования всегда происходят с сопротивлением, так же как и убеждения людей, которые формировались десятилетиями и собственным образовательным опытом.

Примечания

- 1 См.: Кулагина Е. В. Социальная политика в отношении инвалидов в государствах благосостояния и России : переход к независимой жизни и инклюзии // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, вып. 10. С. 1944–1971.
- 2 См.: Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 3 См.: Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья : приказ Министерства образования и науки РФ от 19.12.2014 № 1598. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 4 См.: Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) : приказ Министерства образования и науки РФ от 19.12.2014 № 1599. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 5 См.: Васильченко А. Е., Кузнецова О. В. Особенности социализации детей с ограниченными возможностями здоровья // Наука и социум : материалы Всерос. науч. практ. конф. с междунар. участием (Новосибирск, 15 декабря 2018 г.) / отв. ред. Е. Л. Сорокина. Новосибирск : Изд-во АНО ДПО «СИПППСР», 2018. С. 23–24.
- 6 См.: Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам дошкольного образования : приказ Министерства образования и науки РФ от 30.08.2013 № 1014. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 7 См.: Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования : Приказ Министерства образования и науки РФ от 30.08.2013 № 1015. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 8 См.: Благуева Е. Н. Социокультурная инклюзия : дефиниции и позитивные отечественные практики // Вестн. культуры и искусств. 2019. № 3 (59). С. 74–77.

Образец для цитирования:

Петрович О. Г. Социализирующий потенциал региональной системы образования для лиц с ОВЗ: риски и точки роста // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 388–393. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-388-393>

Cite this article as:

Petrovich O. G. The Socializing Potential of the Regional Education System for People with Disabilities: Risks and Growth Points. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 388–393 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-388-393>

УДК 314.6

Роль многопоколенной московской семьи в условиях пандемии COVID-19: социологический анализ

Т. К. Ростовская, Д. П. Толмачев, Я. В. Шимановская

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, rostovskaya.tamara@mail.ru

Толмачев Даниил Петрович, аспирант, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва; руководитель, «Мой социальный центр» – Таганский, Москва, dan.tolmachev@gmail.com

Шимановская Янина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, Москва, ya1873@ya.ru

В рамках решения задач, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», одним из ключевых направлений в современных социальных исследованиях является изучение жизнедеятельности старшего поколения в структуре многопоколенной семьи. Особое значение уделяется роли многопоколенной семьи в решении актуальных проблем современной молодой семьи, а также воспитании младшего поколения россиян. В этой связи актуальным является анализ авторского регионального исследования «Жизнь многопоколенной семьи в условиях самоизоляции», проведенного под руководством проф. Т. К. Ростовской в 2020 г. в Москве.

Ключевые слова: многопоколенная семья, самоизоляция, взаимоотношения прародителей и детей, воспитание, семейные ценности.

Поступила в редакцию: 29.06.2020 / Принята: 17.08.2020 / Опубликована: 30.11.2020

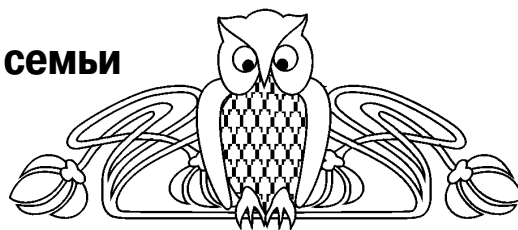
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Role of the Multi-Generational Moscow Family in the Context of the COVID-19 Pandemic: The Sociological Analysis

T. K. Rostovskaya, D. P. Tolmachev, Ya. V. Shimanovskaya

Tamara K. Rostovskaya, <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), 6 Fotieva St., korpus 1, Moscow 119333, Russia, rostovskaya.tamara@mail.ru

Daniil P. Tolmachev, <https://orcid.org/0000-0002-2401-5990>, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

(ISPR FCTAS RAS), 6 Fotieva St., korpus 1, Moscow 119333, Russia, dan.tolmachev@gmail.com

Yanina V. Shimanovskaya, <https://orcid.org/0000-0003-0282-1323>, Russian State Social University, 4 Wilhelm Pieck St., Moscow 129226, Russia, ya1873@ya.ru

As a part of the tasks provided by “The Decree of the President of the Russian Federation” dated 07.05.2018 No. 204 «On National Goals and Strategic Tasks for the Development of the Russian Federation in the Period up to 2024», one of the key directions in modern social research is the study of the life of the older generation in the structure of a multi-generational family. Special attention is paid to the role of the monogamous family in solving the current problems of the modern young family, as well as the upbringing of the younger generation of Russians. In this regard, the analysis of the regional study «The Life of Multi-generational Family in the Conditions of Self-isolation», conducted under the supervision of prof. T. K. Rostovskaya in 2020 in Moscow, is relevant.

Keywords: multi-generational family, self-isolation, relationships of ancestors and children, parenting, family values.

Received: 29.06.2020 / Accepted: 17.08.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-394-398>

В настоящее время на общенациональном уровне пропагандируется укрепление и развитие института благополучной российской семьи. В Стратегии национальной безопасности¹. Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, в качестве приоритетной цели обозначены «сохранение и преумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей», включая «семью, нормы морали и нравственности». В этой связи следует отметить особую роль многопоколенной семьи, которая оказывает огромное влияние на формирование устоев и жизненных ориентиров у молодых людей, на их взаимоотношение с родителями и прародителями, на психологическое и эмоциональное состояние и многое другое. Следует подчеркнуть, что на благополучную обстановку в семье влияют не только наличие стабильного социально-экономического положения членов семьи, но и характер содержания отношений между всеми членами многопоколенной семьи, особенно в период глобальных кризисных явлений.

В 2020 г. коронавирусная пандемия изменила жизнедеятельность людей во всем мире. Из-за пандемии многие семьи в России перешли на работу в удаленном режиме и даже оказались на вынужденном карантине в одном помещении. Человек, находящийся в условиях самоизоляции, естественно, испытывает тревогу из-за неизвестности, страх за свое здоровье и близких.

В то же время вынужденная самоизоляция может способствовать развитию и укреплению семейных отношений, снижению конфликтности в семьях и формированию позитивного общения внутри многопоколенных семей:

1) снижение конфликтности и решение различных семейных споров. Обычно взрослый член семьи большую часть времени проводит на работе, поэтому на общение с членами семьи у него не остается времени;

2) нормализация семейных взаимоотношений. В период пандемии все члены семьи находят общие интересы, участвуют в решении проблем членов семьи. Родители уделяют больше времени своим детям, появляется возможность понять причину конфликтов и возникших проблем, помочь решить ту или иную проблему. Появляется возможность простого семейного общения, что увеличивает взаимопонимание всех членов семьи;

3) возникновение благоприятного семейного эмоционального фона. При организации семейного досуга, при совместном времяпрепровождении все члены семьи чувствуют одобрение, любовь ближнего, что способствует формированию семейной близости и понимания. Это позволяет снижать эмоциональные нагрузки, формировать позитивный семейный образ жизни.

Вместе с тем ограниченное пространство, невозможность уединения, а также домашние обязанности могут привести к серьезным психологическим конфликтам и спровоцировать разводы. Условия самоизоляции до сих пор непривычны для многих: активные, разнообразные дни стали одинаковыми, а жизнь – будто «по расписанию». Сохранить гармонию в семье, найти время для уединения с самим собой, придумать детям новые развлечения – все эти задачи стали вдруг тяжело решаемыми. Увеличение дистанции между людьми, ощущение отчужденности усиливают переживания, а неизвестность создает особый нервный фон. В условиях самоизоляции мы эмоционально уязвимы. В то же время самоизоляция в период пандемии может стать и кризисом для семьи, привести к ее распаду. Невозможность услышать и понять друг друга, найти решение конфликтной ситуации, неумение общаться, особенно в кризисной, нестандартной ситуации, является острой проблемой семей во всем мире, и, как следствие, это служит причиной для роста разводов. Например, в Китае за один

месяц развелось более трехсот семейных пар, которые не смогли справиться с конфликтами и найти их решение.

В условиях самоизоляции возрастает роль многопоколенной семьи, которая, по мнению Т. К. Ростовской, «положительным образом может повлиять не только на поколение детей (мужей и жен) в отношении сохранения семьи, поддержания спокойного микроклимата в семье, нивелирования конфликтов, но и на поколение внуков, сохраняя преемственность, передавая традиционные ценности, что скажется на аксиологической картине мира в узком смысле и на будущем личности в широком»².

Исторически сложилось так, что именно бабушки и дедушки в традиционном обществе занимались воспитанием детей, сохраняя и передавая всю ту мудрость, опыт, историю и установки, которые были созданы и скоплены предыдущими поколениями³.

Таким образом, естественной и фактически единственной возможностью передачи ценностей и формирования основ воспитания в семье является многопоколенная семья⁴.

Можно отметить положительные качества многопоколенных семей:

– передача жизненного опыта от одного поколения к другому. Когда в одной семье проживают несколько поколений близких родственников, часто приходится проявлять терпимость и уважение к мнению старшего члена семьи. Учет мнения друг друга, умение слышать и слушать другого помогают сохранить доброжелательную атмосферу и мир в семье. Младшие поколения, дети и внуки, которые растут в многопоколенной семье, легче усваивают социальные роли, проще выстраивают отношения с различными людьми. Они могут выстраивать взаимодействие с людьми различного возраста, легче общаются со сверстниками, могут находить выход из трудных ситуаций, учитывая тот бесценный опыт, который им передали старшие члены семьи;

– сохранение и укрепление семейных традиций и ценностей. Старшие поколения передают свой опыт, семейные традиции и устои своей семье младшим, что способствует укреплению и сохранению многопоколенной семьи и ее традиций;

– любовь, внимание и забота всех членов семьи. В этом нуждаются все члены семьи, вне зависимости от возраста. Желание помочь друг другу, поддержать словом и делом присуще каждому члену семьи. Это немаловажный фактор стабильности и успешного функционирования семьи;

– распределение обязанностей и ответственности в семье. Жизненный опыт и способность решать возникающие проблемы старшими членами семьи зачастую становятся укрепляющими семейные отношения факторами. Помощь по хо-

зайству, в воспитании детей, организации семейных дел – это лишь небольшая часть обязанностей, которые берет на себя старшее поколение в многопоколенной семье.

Несмотря на положительные моменты, многопоколенные семьи сталкиваются и с определенными сложностями, особенно в период самоизоляции:

- трудности быта. Желание старшего поколения охватить своим вниманием все сферы бытовой жизни, распределение элементарных бытовых обязанностей зачастую становятся первоисточником конфликтных ситуаций в многопоколенной семье;

- разные взгляды на жизнь и решение проблем у старших и младших поколений в семье;

- трудности в распределении семейных ролей. Старшие и младшие поколения в семье не могут договориться и распределить социальные роли, утрачивается авторитет и значимость старших поколений перед младшими, теряется контроль и снижается доверие членов семьи друг к другу;

- отсутствие возможности приобретения детьми позитивного уникального опыта. Когда старшее поколение насаждает решение проблем, основанное на своем опыте, пытаясь предотвратить ошибки молодежи, это зачастую способствует утрате социальной адаптации молодежи и невозможности приобрести собственный, пусть и не совсем удачный жизненный опыт. Данная проблема зачастую присутствует в многопоколенных семьях;

- потеря самостоятельности младшим поколением, причиной чего является гиперопека, чрезмерная забота о детях. Это способствует снижению адаптации детей в социуме, более позднему усвоению определенных функций и более медленному их развитию;

- трудности воспитания. Особенности воспитания детей и прививаемых им ценностей разными поколениями в семье, предъявление в связи с этим разных требований способствуют подрыву авторитета родителей или более старшего поколения. Дети не понимают старших, что негативно сказывается на поведении подрастающего поколения.

Возвращаясь к роли межпоколенческих отношений в семье, следует подчеркнуть, что для ребенка кроме материальных благ крайне важны положительные эмоции и теплота между родителями и прародителями. Многие зарубежные и отечественные исследователи (Дж. Боулби, Э. Эриксон, К. Хорни, М. И. Лисина и др.) не раз отмечали, что именно родительская любовь дает ребенку веру в себя и, как следствие, более удачную реализацию в жизни. Однако современный ритм жизни далеко не всегда позволяет уделять достаточно внимания воспитанию, именно в этот момент на помощь вновь, как и в прошлом, приходят прародители. Сегодня роль бабушек и дедушек чрезвычайно важна, особенно когда по

каким-либо обстоятельствам молодые супруги с детьми проживают под одной крышей со старшим поколением, беря на себя в том числе и заботу о внуках⁵.

Именно данный вопрос, насколько сильно влияние современных прародителей на воспитание молодежи и как изменился формат взаимоотношений между поколениями во время вынужденной самоизоляции, и стал предметом нашего исследования.

Научно-методологической основой настоящего исследования явились концептуальные положения, изложенные в программных документах, связанных с реализацией государственной семейной, демографической политики в части укрепления и развития института благополучной многопоколенной российской семьи.

Основные использованные в работе методы – общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и специальные (анкетирование, опрос, контент-анализ).

Тема межпоколенческих взаимоотношений в семье в настоящее время приобретает особую актуальность. В первую очередь, необходимо отметить роль многопоколенной семьи в формировании и развитии института благополучной молодой семьи, модель которой утверждена Концепцией государственной политики в отношении молодой семьи в 2007 г. (Письмо Минобрнауки России от 08.05.2007 № АФ-163/06 «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи»). Рассматривая модель благополучной молодой семьи, Т. К. Ростовская обращает внимание на следующие критерии данной модели: «...юридическую оформленность супружеских отношений, полноту семьи (семья должна состоять из родителей и детей), экономическую обеспеченность, наличие условий для самореализации молодых супругов в различных сферах жизнедеятельности»⁶.

Крепкие семейные отношения внутри многопоколенной семьи, ее сплоченность позволяют каждому члену семьи чувствовать заботу и дают ощущение защиты.

Под определением «многопоколенная семья» в нашем исследовании понимается такой тип семьи, в которой наряду с родителями большое влияние на формирование личности подрастающего поколения оказывают и прародители (дедушки и бабушки). Немаловажный фактор, который также влияет на взаимоотношения внутри многопоколенной семьи, – осознанное самоопределение прародителей в отношении внуков. Фактически бабушка должна понимать, какую роль она играет в данном случае. Надо признаться, что часто старшее поколение старается оказать помощь в вопросах воспитания и поддержки. Именно этот факт является одним из фундаментальных в восприятии молодежью старшего возраста: если бабушка с удовольствием проводит время с внуками, она «положитель-

ный герой», если же по каким-то причинам она не готова взять на себя эти обязательства, то считается что ее социальная роль скорее отрицательна (О. В. Краснова⁷, Е. Я. Кулькова⁸).

Для того чтобы более детально понять, как изменилось взаимоотношение между прародителями и внуками во время самоизоляции, проанализируем результаты проведенного в 2020 г. авторского регионального исследования «Жизнь многопоколенной семьи в условиях самоизоляции». В опросе приняли участие 156 жителей города Москвы в возрасте от 50 лет и старше, из них 19% мужчин и 81% женщин. Из общего числа опрошенных 56% – в возрасте 61–70 лет, 24% – от 50 до 60 лет, 18% – от 71 до 80 лет и 2% – старше 80 лет.

По уровню образования 78% опрошенных имеют высшее образование, 12% – средне-специальное, 5% – ученую степень, 5% – среднее образование. Среди респондентов 52% проживают отдельно от детей и внуков, а 48% – в многопоколенной семье.

Анализируя результаты исследования, можно отметить, что 25% респондентов, проживающих отдельно от детей и внуков, ответили, что их близкие негативно восприняли ситуацию невозможности полноценного общения с прародителями из-за самоизоляции. При этом у 62% участников опроса близкие отнеслись к ней нейтрально и лишь у 13% невозможность полноценного общения вызвала позитивные эмоции; 84% опрошенных отмечают теплые взаимоотношения с детьми и внуками, 11% – скорее как безразличные, а 5% – как напряженные.

В своей обычной жизни 45% респондентов занимаются воспитанием внуков, еще 39% иногда уделяют этому вопросу внимание, оставшиеся 16% не уделяют времени воспитанию внуков. В период самоизоляции 61% опрошенных стали больше уделять времени внукам, оставшиеся 39% – уделяют столько же времени.

При оценке взаимоотношений в семьях в результате опроса выявлено, что 73% респондентов считают самоизоляцию хорошей возможностью улучшить отношения с детьми и внуками, 27% – так не считают. В период самоизоляции у 84% опрошенных не изменились отношения с детьми и внуками, у 13% они стали лучше и у 3% отношения ухудшились.

Как следствие самоизоляции для многопоколенных семей было отмечено, что 81% опрошенных не планирует сокращать общение с детьми и внуками после самоизоляции, 8% предполагают его сократить и еще 11% считают, что общение сократится естественным путем из-за занятости на работе. Особенно отмечается роль старших поколений в передаче жизненного опыта своим детям и внукам: 60% опрошенных считают важным, чтобы прародители воспитывали внуков, 40% – нет. По мнению 59% респондентов, передача семейных ценностей сильно зави-

сит от прародителей, 38% считают, что бабушки и дедушки не очень влияют на это, и еще 3% полагают, что от них вообще ничего не зависит. 72% респондентов считают, что от прародителей частично зависит благополучие детей и внуков с точки зрения традиционных ценностей, 24% – что зависит полностью и 4% – что не зависит вообще.

На вопрос о том, чем занимаются члены семьи в семьях во время самоизоляции, 83% опрошенных ответили, что занимаются домашними делами, 56% – читают, также 56% – смотрят кино или телевизор и еще 56% занимаются самообразованием, 25% опрошенных, помимо прочего, занимаются внуками и 15% продолжают работать.

В заключение отметим, что самоизоляция может оказать как положительное, так и негативное влияние на взаимоотношения внутри семьи. В данный момент каждой семье важно адаптироваться к новым условиям и понять, на что они способны, – это некий вызов, чтобы разглядеть себя, проверить свои навыки в предлагаемых условиях жизни.

Очевидно, что, несмотря на изменения социально-экономических факторов, общего стиля и ритма жизни общества, влияние старшего поколения до сих пор имеет большое значение в воспитании внуков. С другой стороны, общение с молодежью положительно влияет на ментальное здоровье стариков, мотивируя их к познанию и саморазвитию. До сих пор бабушки и дедушки являлись хранителями семейной истории и ценностей, передавая их из поколения в поколение. Как показали результаты исследования, несмотря на попытки изменить устои семьи, по мнению большинства людей старшего возраста, их присутствие в жизни внуков по-прежнему важно.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России»).

Примечания

- ¹ См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ² Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Влияние многопоколенной семьи на качество жизни россиян // Сбережение населения России : здоровье, занятость, уровень и качество жизни : сб. материалов общерос. науч.-практ. конф. «I Римашевские чтения». М. : ИП Вишняков А. В., 2018. С. 189.
- ³ См.: Яцмирская Р. С. Социальная геронтология : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.

- ⁴ См.: Пациорковский В. В. Многопоколенная семья – основа демографического развития // Россия и современный мир. 2008. № 3. С. 194–209.
- ⁵ См.: Карabanова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2005.
- ⁶ Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. С. 116. (Авторский учебник).
- ⁷ См.: Краснова О. В. Бабушки в семье // Социс. 2000. № 11. С. 108–116.
- ⁸ См.: Кулькова Е. Я. Изучение ролевых позиций в межпоколенной семье // Учен. зап. С.-Петербур. гос. ин-та психологии и социальной работы. 2007. Т. 8, № 2. С. 71–74.

Образец для цитирования:

Ростовская Т. К., Толмачев Д. П., Шимановская Я. В. Роль многопоколенной московской семьи в условиях пандемии COVID-19: социологический анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 394–398. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-394-398>

Cite this article as:

Rostovskaya T. K., Tolmachev D. P., Shimanovskaya Ya. V. The Role of the Multi-Generational Moscow Family in the Context of the COVID-19 Pandemic: The Sociological Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 394–398 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-394-398>

УДК [316.2:316.346.2](470+571)

Возрастные особенности женской предпринимательской активности (на примере женщин-предпринимателей Саратовской области)

М. Э. Елютина, С. В. Ситникова, Ю. А. Семенова

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elutina133@mail.ru

Ситникова Светлана Викторовна, доктор социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, skareva@yandex.ru

Семенова Юлия Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, semenofa@gmail.com

В статье рассматриваются возрастные особенности женской предпринимательской активности на примере женщин-предпринимателей Саратовской области. Логика работы выстраивается вокруг выявления возрастного профиля женского предпринимательства в Саратовском регионе, а также возрастной специфики ключевых составляющих женской предпринимательской активности. На основе анализа материалов количественного и качественного исследований составлен социально-демографический портрет женщины-предпринимателя и профиль ее деятельности, а также содержательно охарактеризованы возрастные особенности женской предпринимательской активности на примере женщин-предпринимателей Саратовской области. Для представителей старшей возрастной группы женщин-предпринимателей характерен вынужденный старт предпринимательской деятельности, возможность пролонгирования которой неразрывно связана с персональными характеристиками, присущими лидеру. Начало предпринимательской деятельности у представителей средней и младшей возрастных групп связано с накоплением человеческого и социального капитала, вхождением на рынок через доступную нишу. Для них в меньшей степени значимы протоколы и иерархии, а надежная система финансовой компенсации и возможность личностного роста являются для них значимыми мотивационными факторами.

Ключевые слова: женское предпринимательство, возраст, малый и средний бизнес, мотивация, риски.

Поступила в редакцию: 17.07.2020 / Принята: 10.08.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Age-Specific Features of Women's Entrepreneurial Activity (On the Example of Women Entrepreneurs in Saratov Region)

M. E. Elutina, S. V. Sitnikova, Yu. A. Semenova

Marina E. Elutina, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, elutina133@mail.ru

Svetlana V. Sitnikova, <https://orcid.org/0000-0003-2365-8780>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, skareva@yandex.ru

Julia A. Semenova, <https://orcid.org/0000-0001-6832-3795>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, semenofa@gmail.com

The article deals with age-specific features of women's entrepreneurial activity on the example of the women entrepreneurs in Saratov region. The logic of the work is built around the identification of the age profile of women's entrepreneurship, as well as the age specificity of the key components of women's entrepreneurial activity. On the basis of the analysis of quantitative and qualitative research materials, a socio-demographic portrait of a woman entrepreneur and the profile of her activities were drawn up, as well as age-specific features of women's entrepreneurial activity were described in detail. The representatives of the older age group of women entrepreneurs are characterized by the forced start of entrepreneurial activity, the possibility of prolongation of which is inextricably linked with the personal characteristics of the leader. The entrepreneurship of the middle and younger age groups is associated with the accumulation of human and social capital and entry into the market through the accessible niche. For them the protocols and hierarchies are less important but a reliable system of financial compensation and the possibility of personal growth present significant motivational factors.

Keywords: women entrepreneurship, age, small and medium business, motivation, risks.

Received: 17.07.2020 / Accepted: 10.08.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-399-406>

Актуальность данной темы связана со следующими содержательными моментами.

Во-первых, произошли существенные изменения в гендерной структуре предпринимательства в направлении увеличения предпринимательской активности женщин. Так, если в 1996 г. женщины составляли 12–15% от общего числа предпринимателей, то сегодня – 30–34%¹. Возникли новые моменты, связанные с особым способом переживания времени, ощущением «сжатия времени» в организации предпринимательской деятельности. Перед современными женщинами-предпринимателями особо остро встает задача совмещения своих семейных и трудовых обязанностей. Им свойственны высокая профессиональная нагрузка, сопряженная с выполнением бытовых функций и, как

следствие, катастрофическая нехватка времени. Логично предположить, что этот факт может накладывать негативный отпечаток на эффективность деятельности женщин в трудовой сфере. Однако на сегодняшний день сложилась неоднозначная ситуация. По результатам одних социологических исследований известно, что женщины-предприниматели оценивают собственный опыт сочетания домашних и производственных обязанностей положительно, они в целом, как и мужчины, удовлетворены своими возможностями в предпринимательстве²; по результатам других – более одной трети женщин отмечают, что проблемы высокой занятости домашними делами и наличие маленьких детей являются весомыми трудностями на пути к началу построения бизнеса.

Во-вторых, одним из катализаторов изменений сферы предпринимательства выступает тот факт, что представители старшей возрастной группы, имеющие хорошие показатели здоровья, либо продолжают предпринимательскую деятельность, либо, не покидая рынок труда, выбирают работу по найму и самозанятость, включая ее частный случай – предпринимательство. Существование по меньшей мере трех поколений в поле предпринимательства порождает конкуренцию, которая тем выше, чем более неравноценен опыт и уровень толерантности в отношении представителей иных возрастных групп. Причем с каждым новым поколением предпринимательская активность растет: по сравнению с началом 2000-х, когда только каждый двадцатый россиянин был вовлечен в предпринимательскую деятельность, сейчас каждый десятый житель России либо создает новый бизнес, либо уже является предпринимателем³.

В-третьих, учет наличия географического неравенства в России обуславливает важность исследования данной проблемы на региональном уровне, социокультурная специфика которого отражается на предпринимательской активности женщин.

Цель данной статьи – показать вариативность стартовых условий, ключевых составляющих женской предпринимательской активности в возрастном измерении на региональном уровне.

В крупном тематическом поле исследований предпринимательской деятельности значительное внимание уделяется исследованию гендерных особенностей в построении и ведении бизнеса. Изучая личные качества женщин, исследователи выявили, что наиболее выраженными оказались такие черты, как креативность, интуиция, желание приумножить капитал, минимальная склонность к риску и низкая, по сравнению с мужчинами, уверенность в себе⁴. О. Ф. Гефеле и О. В. Милюкова проанализировали личностные особенности женщин-предпринимателей. Было обнаружено, что для них характерны многовари-

антность личностной структуры, повышенный психологический темпоритм, высокий уровень работоспособности, изменения в оценке психологического возраста. Были выявлены значимые различия уровня субъективного контроля, мотивации к предпринимательской деятельности у женщин-предпринимателей и мужчин-предпринимателей малого бизнеса⁵.

О. С. Дейнека⁶ в своих работах выделяет три группы свойств, входящие в портрет предпринимателя: мотивационно-волевые (склонность к риску, ответственность, стремление бороться и побеждать, потребность в самореализации и общественном признании, выраженность мотива достижения успеха), коммуникативные (талант координатора усилий сотрудников, способность и готовность к терпимости в общении с другими людьми и в то же время способность идти против течения) и интеллектуальные (компетентность, комбинационный дар, развитое воображение, реальная фантазия, развитая интуиция, перспективное мышление). Конечно, данные характеристики описывают скорее идеального, нежели реального предпринимателя. Как наиболее важный, а точнее, необходимый выделяется мотивационно-волевой блок (склонность к риску, ответственность, стремление бороться и побеждать, потребность в самореализации и общественном признании, выраженность мотива достижения успеха). Женщины-предприниматели главным мотивом для занятия предпринимательской деятельностью называют возможность получения дополнительного дохода (37%) и потребность в самореализации (28%). Мужчины-предприниматели указывают на желание работать на себя (40%), обретение независимости (39%) и возможность увеличения уровня дохода (14%).

Интерес представляют исследования, посвященные как добровольной предпринимательской мотивации⁷, так и вынужденной, обусловленной отсутствием других возможностей зарабатывать на жизнь, кроме предпринимательства⁸. К факторам, определяющим недобровольное (мотивированное необходимостью) предпринимательство, относят: безработицу, плохие перспективы развития карьеры, неприемлемые условия труда, профессиональную неудовлетворенность, отсутствие учреждений по уходу за детьми. Л. Е. Душацкий⁹ предлагает выделять три группы доминирующих мотивов современных российских предпринимателей: деловые (потребность человека в определенном занятии или деле, позволяющем максимально задействовать творческие способности и самореализоваться), потребительские (связанные с двумя противоположными стремлениями – выжить и разбогатеть) и статусные (стремление выбиться в люди и приобрести властные полномочия). Рядом авторов (Brockhaus, Hisrich and Brush, Baker, Orhan and Scott, Alstete, Fox и др.) предлагается разделять «толкающие» и «тяну-

щие» факторы (push and pull factors) мотивации предпринимательской деятельности¹⁰. К толкающим факторам относится неудовлетворенность людей их теперешним положением (отсутствие работы, неудовлетворенность работой: заработной платой, возможностями карьерного роста, отсутствием гибкого графика и т. п.), что *вынуждает* их открыть свое дело. Тянущие факторы мотивации – это причины, *побуждающие* людей становиться предпринимателями, своего рода вознаграждение за предпринимательскую деятельность: независимость, самореализация, достижения, предпринимательский «драйв», денежный доход, социальный статус, власть. При этом желание индивида открыть свой бизнес обусловлено переплетением толкающих и тянущих (нужды и выбора) факторов мотивации, из них ключевыми, по данным зарубежных исследований (Hisrich and Brush, Lee-Gosselin and Grise и др.), являются стремление к независимости и к достижениям, а также (в основном для женщин) потребность в гибком графике труда¹¹.

По данным, подготовленным в рамках проекта Global Entrepreneurship Monitor (GEM)¹², по разряду мотивов предприниматели были разделены на три группы. В первую группу вошли те из них, кто в качестве основного мотива называют увеличение дохода (13,8%). Для представительниц второй группы главный мотив – независимость (19,8%). Третью группу составили те, кто используют возможности предпринимательства для поддержания дохода (49,5%). Фактически эта группа предпринимателей близка к предпринимателям «по необходимости». смешанную мотивацию имеют 16,9% предпринимателей, они не смогли точно определиться, что побуждает их к созданию своей компании и управлению ею. Предприниматели, мотивированные использованием возможностей для увеличения дохода и получением независимости в работе, образуют группу высоко притязательных предпринимателей. В целом три четверти респондентов в мире мотивированы возможностями. Данные GEM показывают, что по мере экономического развития уровень вынужденного предпринимательства снижается, в то время как добровольная мотивация и уровень высоко притязательного предпринимательства увеличиваются. В России в 2018 г. доля вынужденных предпринимателей составила 39,9%.

Отметим, что на фоне солидной разработанности социологии предпринимательства, растущего корпуса литературы по данной тематике наблюдается дефицит научного анализа возрастных особенностей женской предпринимательской активности. Наша статья направлена на заполнение данной лакуны. Как новое социально-экономическое явление женское предпринимательство, рассмотренное в возрастной перспективе, рождает вопросы. Каков его возрастной профиль? Какие экономические ниши

занимают женщины-предприниматели разного возраста? Какие факторы и условия обуславливают старт предпринимательской активности женщин, относящихся к разным возрастным группам? Каков их потенциал?

Для составления социально-демографического портрета женщин-предпринимательниц и профиля их деятельности в сентябре–декабре 2018 г. в Саратовской области был проведен формализованный опрос. Объем выборочной совокупности составил 349 человек (с учетом общей численности женщин-предпринимательниц 23 311 чел.¹³ из расчета доверительной вероятности в 95% с погрешностью ± 5). Основанием расчета квотно-стратифицированной выборки являлась информация о численности женщин-предпринимательниц по г. Саратову и Саратовской области и по типу предприятия (ИП или малое предприятие). По официальным данным, в сегменте среднего и крупного предпринимательства женщины не представлены.

С целью идентификации возрастных особенностей женского предпринимательства в январе–мае 2019 г. были проведены глубинные интервью (N = 34). Применен метод «снежного кома» (использовались личные контакты с теми, кто мог рекомендовать женщин-предпринимательниц). Опрашивались женщины-предпринимательницы г. Энгельса и г. Саратова. Для анализа респонденты были разделены по возрасту на три группы: молодой возраст (до 35 лет), средний (36–50 лет), старший возраст (51 год и старше). Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы). В качестве методологии исследования были использованы принципы интерпретативной социологии.

Анализ модальных значений результатов статистики формализованного опроса 2018 г. позволил получить социально-демографический портрет женщины-предпринимательницы. Средний возраст опрошенных составил 38 лет при минимальном 19 и максимальном 63 года. Представительниц среднего поколения (30–55 лет) было 76,2%, младшего (19–29 лет) – 20,3%, старшей возрастной группы (56–63 года) – 3,4%. Более 70,0% женщин, ведущих предпринимательскую деятельность, состоят в браке и имеют детей. От общей совокупности 70,2% женщин-предпринимательниц имеют высшее образование. Уровень жизни большинства (51,6%) опрошенных можно условно назвать средним – «Без труда можем покупать вещи длительного пользования»; ниже среднего – «Доходов хватает только на питание и одежду» – 22,9%, уровень бедности отмечают 1,4% опрошенных. Уровень выше среднего определили почти 17% как возможность без труда совершать дорогие покупки. Не имеют вообще никаких материальных затруднений 5,2% респондентов. Самым популярным мотивом на-

чала женщинами предпринимательской деятельности является интерес к делу. Почти 40% опрошенных женщин мотивированы именно этим. Желание быть независимой (28%) и наличие необходимого капитала (21%) также в числе популярных мотивов бизнес-деятельности. Для 18% это было жизненной необходимостью, связанной с отсутствием работы.

Оценивая данные о характеристиках предприятий, отметим тот факт, что большая часть женского бизнеса в Саратовской области представляет мелкий сегмент (64,5%). Формой собственности большинства «женских» предприятий является индивидуальное предпринимательство (84,8%). Численность сотрудников большинства предприятий не превышает 15 чел. Более 70,0% женщин осуществляют деятельность в рамках микропредприятий. От 15 до 50 чел. в штате имеют 16,3% предприятий, от 51 до 100 чел. – 6,9%, от 100 до 250 чел. – 3,2%, до 1000 чел. – 0,9% и свыше 1000 чел. – 0,9% предприятий. Рейтинг сфер, в которых осуществляют экономическую деятельность женщины-предприниматели Саратовской области, возглавляют розничная торговля, сфера бытовых услуг, швейное, текстильное производство, гостиничный и ресторанный сервис. Реже представлены оптовая торговля, сфера оздоровительных услуг, социальные и здравоохранительные услуги, финансовые, риэлторские услуги, производство пищевых продуктов. Объем годового оборота большинства (79,7%) предприятий не превышает 120 млн руб., при этом территория охвата деятельности ограничена локальным рынком – пределами своего города или поселка.

Таким образом, женщина-предприниматель в Саратовской области – представительница среднего возраста, состоящая в браке, имеющая детей, оценивающая уровень благосостояния своей семьи как средний, имеющая высшее образование. Бизнес ее, как правило, представляет мелкий сегмент в сфере розничной торговли и бытовых услуг, реализуемых на локальном рынке региона. Независимо от принадлежности к определенной возрастной группе женщины-предприниматели, по нашим данным, работают в традиционных для женской занятости отраслях (салоны красоты, реализация продуктов питания, текстиля, одежды, обуви, игрушек, канцтоваров).

Анализ результатов качественного исследования 2019 года позволил выделить ряд содержательных моментов.

Мотивы вступления в предпринимательскую деятельность

По результатам нашего исследования, вариативность мотивов вступления в предпринимательскую деятельность связана с контек-

стуальными особенностями начала данной деятельности, с профессиональными стратегиями накопления капитала и борьбы за позицию в поле предпринимательства. Представители младшей возрастной группы медленнее входили и погружались в предпринимательскую деятельность, как бы предварительно примеряя на себе эту роль. Респонденты отмечали наличие некоего предварительного периода, связанного с накоплением информации, опыта, ресурсов, с «прощупыванием» собственных ощущений: понравится или нет. Многие в течение некоторого времени работали по найму или занимались фрилансом. Соответственно, в этот период формировалась и мотивация, ориентированная на возможность «не зависеть от работодателя», «формировать свой рабочий график самостоятельно», «получать удовольствие от результата». Для начала деятельности были использованы, как правило, заемные средства, крупных вложений, по их мнению, не требовалось:

Р.: Изначально была подработка на выходных. Все мне понравилось и пришла идея, чтобы сделать эту подработку постоянной моей работой, потому что именно эта работа приносит мне не только деньги, но и удовольствие (26 лет).

Нередко этот вид деятельности является семейным делом, предполагающим особый период формирования человеческого и социального капитала, а также подготовку к конкуренции с другими акторами рынка:

Р.: Учась в университете, я уже знала, чем буду заниматься. Получив диплом, я окончила курсы для тех, кто начинает свой бизнес. Конечно, не обошлось без помощи моих родных и близких, они направляли меня, делились своим опытом, поддерживали и морально, и материально, за что им огромное спасибо (29 лет).

Дело обстоит таким образом, что на ранних возрастных этапах личный доход стартует с достаточно высокого уровня. Этим объясняется в определенной степени тот факт, что среди достигательных мотивов в этой группе доминирует мотив «интересная работа», «возможность реализовать себя», «престиж сферы деятельности»:

Р.: Я работала визажистом в студии у другой девушки и в какой-то момент все обязанности ведения этой студии переключились на меня, так как она переехала в другой город. У меня уже был опыт, я уже знала какое помещение сниму, были идеи, как дальше двигаться в этом направлении. И я приняла решение о том, чтобы развивать это дело. Никакого капитала не было ни у меня, ни у моих родителей. Я убедилась свою знакомую и запустили наш первый проект на двоих. В тот момент я хотела только одного – заниматься любимым делом и никакой коммерческой выгоды в этом у меня точно не было на начальных этапах (22 года).

Начало деятельности представительниц среднего возраста осуществлялось в более

жестких условиях. В качестве главных мотивов прихода в предпринимательскую деятельность респонденты назвали «сложную жизненную ситуацию», обусловленную материальными трудностями, разводом, невозможностью продолжать жить по устоявшимся правилам:

Р.: Побудил меня заняться предпринимательством развод. Супруг был бизнесменом. После развода стало резко не хватать денег, а дочь надо было растить, в принципе жить. Я открыла ИП. И с небольшого капитала открыла первый небольшой магазин в торговом центре. Арендовала маленький уголок, где стала продавать привезенные вещи. Сначала в малых количествах, потом дела пошли довольно успешно. Я открыла второй магазин. Сейчас я владею восемью магазинами (38 лет).

Помимо сложной жизненной ситуации, респонденты среднего возраста отметили в качестве мотива «личные планы, стремление реализовать свои способности, знания»:

Р.: Мне всегда хотелось открыть зоомагазин, иметь свое дело. Начинала я с продаж через знакомых, друзей, групп в социальных сетях, так как это возможность прощупать почву практически без затрат на аренду. В дальнейшем, когда я поняла, что дела идут неплохо, зарегистрировала ИП, арендовала небольшие помещения для магазина. Выбрала эту сферу по причине любви к животным. Я много знаю и постоянно интересуюсь новостями в этой области (41 год).

Мотивация предпринимателей старшего возраста непосредственно связана с личностными характеристиками, фиксирующими набор черт лидера. Это и понятно, если учесть контекст начала их предпринимательской активности: риски в условиях перемен и новых перспектив. В сложные 90-е гг. XX в. женщина часто становилась опорой и основным кормильцем в семейном хозяйстве. Предпринимательство для нее – способ адаптации к новым условиям жизни, к внешним экономическим изменениям:

Р.: Первые действия предприняла в 1992 году. Решила попробовать свои силы в предпринимательской сфере. Выходили новые законы о предпринимательстве. Веяло большими переменами в обществе. Было интересно. Присутствовал азарт (60 лет);

Р.: Предпринимательством занимаюсь с 1992 года. Начала после закрытия предприятия, распада профсоюзной организации, где я работала председателем профкома. Закрывали деревообрабатывающий цех, станки 1936 года я выкупила, привезла в г. Энгельс, где катастрофически нуждались в пиломатериалах для ремонта крыши школ Энгельса и Энгельского района (62 года).

Отметим, что на этапе старта «вынужденное предпринимательство» воспринималось женщинами, как правило, негативно, но по прошествии лет они получили определенные бонусы от са-

мозанятости, обрели уверенность в своих силах. Поэтому отношение к своему бизнесу не просто положительное, это отношение – «сродни отношению к своему ребенку»:

Р.: Мой бизнес приносит неплохой доход и поэтому это главная мотивация не бросать это дело, и я полностью могу обеспечивать себя и свою семью, а значит, я все правильно сделала. У меня замечательная работа, команда, слаженный коллектив. Мне кажется, что моя жизнь очень изменится, если они исчезнут из нее... (59 лет).

Представители данной возрастной группы – последнее по-настоящему советское поколение, и их отношение и предпочтения в стиле работы отражают в значительной степени менталитет советской системы. Это проецируется на предпринимательскую активность и проявляется в большом уважении к порядку и протоколу, предпочтении структурированной и узко определенной среды и акценте на сильные профессиональные знания, личные отношения и связи. Эти женщины создавали свой бизнес, преодолев огромные риски, трудноизмеримые препятствия, связанные не только со знаниями и умениями, но и с мужеством, смогли обеспечить его развитие, тем самым продемонстрировали высокую степень адаптации к быстро меняющимся условиям.

Субъективное восприятие собственной деятельности

Выявлено, что более критичные оценки дают представительницы старшего поколения:

Р.: Ожидала прогнозы лучшие. Сейчас бизнес уходит на нет, замучили налоги, пенсионные отчисления, НДС 20%. Подорожание пиломатериала, электричества, газа, бензина, железнодорожный тариф на перевозку пиломатериала. Отдыха нет ни у меня, ни у членов моей семьи. За бизнесом надо следить, обслуживающий персонал содержать, вовремя все оплачивать, кредиты дают (65 лет).

Для представителей среднего возраста характерны эффекты смещения в фокусе оценки своей деятельности на внешние обстоятельства:

Р.: На данный момент, в связи с санкциями и довольно тяжелым ведением бизнеса в нашей стране, могу сказать, что мой бизнес не упал. Это уже хорошо (38 лет).

Гораздо чаще характеризуют свой бизнес как успешный представительницы младшей возрастной категории. Типичный ответ:

Р.: Сейчас бьюти индустрия достаточно востребована, так как девушка даже в войну захочет быть красивой, постриженной, с ухоженными ноготками, с бровками. Бьюти индустрия единственная, ну, не единственная, а одна из немногих, которая будет жить всегда и будет актуальна всегда. То есть ей уделяется больше

внимания, это стало модно, все тянутся, особенно девочки, потому что для девушек это творчество, это удовольствие и потребность (22 года).

Для развития бизнеса в нестабильном обществе, с их точки зрения, нужны «амбиции и нестандартные решения». Специфика возрастных оценок обусловлена, на наш взгляд, как когнитивными компетенциями, которые задействуют респонденты в своих действиях, так и особенностями развития региональных рынков. В Саратовской области ситуация такова, что сфера производства становится убыточной. Высокий уровень информатизации влечет за собой адаптацию к новым технологиям розничных продаж, что в свою очередь требует временных и финансовых затрат. Востребованная сфера услуг в индустрии красоты появилась уже в новых социально-экономических условиях с учетом сформированных потребностей клиентов и на базе современных коммуникативных платформ. Индустрия красоты активно развивается, бизнес, связанный с бьюти-товарами и услугами, находит потребителя и становится востребованным. С точки зрения респондентов, в настоящее время это самый предпочтительный вариант для начала своего бизнеса. Во-первых, бьюти-индустрия всегда востребована: женщины готовы жертвовать на красоту значительную часть своего бюджета. Во-вторых, занятие в этой сфере воспринимается как перформативная форма феминности, в ней есть все предпосылки для того, чтобы «почувствовать себя комфортно, заявить и реализовать свои интересы и способности». Бизнес на красоте, по мнению респондентов, «является прекрасной возможностью реализовать себя, при этом зарабатывая достойные деньги». Женщины ведут также бизнес в сфере общепита, открывают гостиницы, занимаются торговлей. Активно развивается в Саратовской области цветочный (цветочные салоны и магазины) и танцевальный (танцевальные школы) бизнесы, в которых работают преимущественно женщины.

Восприятие рисков

В качестве ключевых рисков предпринимательской активности респонденты назвали следующие: «коррупция», «конфликт правил, навязанных сверху, и реакция на них снизу», «взаимодействия с государственными контрольно-надзорными и правоохранительными органами», «спекуляция».

Представители старшей возрастной группы указали на риски, которым подверглись в 90-е гг. Их можно номинировать как «давление стремительных перемен», включающее риск для жизни, угрозу безопасности семьи и близких:

Р.: Риски – вовремя не дать зарплату рабочим, потерять детей, рэкет, угрозы, откаты, крыши, страх за свою жизнь (много было угроз

отобрать дело), вовремя не расплатиться с поставщиками (65 лет).

Для женщин-предпринимателей младшей возрастной группы главными рисками оказались: недостаток средств, потеря деловой репутации.

В качестве одного из ключевых рисков женщины-предприниматели всех без исключения возрастных групп назвали «острую необходимость в государственной поддержке малого бизнеса, поскольку недостаток оборотных средств не позволяет развиваться»:

Р.: Самая большая трудность, я думаю, в развитии малого и среднего бизнеса – недостаток денежных средств для развития этого бизнеса, а в этом все. Это большие ставки кредитований и кабальные условия. Если бы наше государство все же рассмотрело и давало на развитие хотя бы до трех лет беспроцентные кредиты или с минимальной ставкой до трех %, я думаю, что было бы больше желающих развивать и делать нашу страну более успешной, а самое главное обеспечивать людей новыми рабочими местами, ведь сегодня это очень большая проблема (60 лет).

Респонденты обращали внимание на необходимость разных форм государственной поддержки: разнообразных программ, правовой и инвестиционной политики, системы образовательных услуг. Одним из ключевых моментов успешной деятельности, по их мнению, является «оптимально выстроенная система отношений между бизнесом, локальным сообществом и местными властями».

Респонденты средней и младшей групп в качестве рискогенного фактора назвали негативное отношение к их деятельности со стороны супруга. Можно предположить, что это связано с тем, что занятие замужней женщиной бизнесом ведет к росту ее независимости и самостоятельности (в том числе финансовой), усилению ее лидерских позиций в семье и одновременно предполагает уход от традиционной роли хозяйки, «хранительницы очага», иногда невыполнение «женских» функций в рамках домашнего хозяйства в связи с занятостью, что отрицательно воспринимается супругом.

Оценка перспектив и дальнейшее планирование

Здесь наблюдается возрастная специфика. Женщины-предприниматели старшей возрастной группы в этом вопросе исходят из оценки ситуации в целом, учитывая факторы изменения бизнес-климата, препятствия и выгоды текущего бизнеса:

Р.: Большие профессиональные планы на будущее, есть такая идея немножко, как муж говорит, переобуться в другое направление бизнеса. На сегодняшний момент мы это все просчитываем и надеемся, что это у нас получится (54 года).

Они склонны к константному поведению и считают, что использование традиционных методов способствует стабилизации бизнеса. Представители младшей и средней возрастных групп исходят, главным образом, из перспектив собственной жизни, выразили готовность инвестирования в саморазвитие:

Р.: Уехать хочу на моря, к примеру, в Болгарию. То есть там, где красивые люди, красивые внутри люди. Шикарные города, шикарный вид, условия, да, чтобы был приём друзей в доме своём. Эх, там бы вот развернуться со своим бизнесом (36 лет).

Респонденты младшей возрастной группы рассматривают свою половую принадлежность в качестве ресурса, который помогает, по их мнению, «найти правильную модель экономического поведения и решить свои проблемы».

Таким образом, учитывая результаты нашего исследования, сделаем выводы.

1. Возрастной профиль женщин предпринимателей в Саратовской области включает следующие содержательные моменты: представительница среднего возраста, состоящая в браке, имеющая детей, высшее образование. Бизнес ее, как правило, представляет мелкий сегмент в сфере розничной торговли и бытовых услуг, реализуемых на региональном рынке. Надежная система финансовой компенсации является для нее значимым мотивационным фактором.

2. Женщины-предприниматели разных возрастных групп имеют свои стартовые особенности, различаются структурными возможностями. Эффективное включение женщин-предпринимателей младшей группы осуществлялось, главным образом, через уже проложенные ниши с использованием ресурсов родных и близких. В качестве важных мотивов включения в предпринимательскую активность они назвали: возможность быть самостоятельной, свободной и независимой в принятии решений, причем, что немаловажно, не только в сфере труда, но и в личной жизни, получать удовольствие от результата. Они предпочитают уделять меньше внимания протоколам и иерархиям. Диапазон стартовых условий представителей среднего возраста более разнообразный, соответственно, и мотивация к предпринимательской активности определяется разными стремлениями: к самореализации, к самостоятельному распоряжению прибылью, к финансовому благополучию. В появлении мотивации к предпринимательской активности среди некоторых представителей средней возрастной группы свою роль также играют разочарования в построении семейной жизни и последующий за этим развод. Для представителей старшей возрастной группы характерна, как правило, вынужденная предпринимательская активность, которая по мере развития становится личностно выстраданной.

3. Деятельность молодых женщин-предпринимателей менее устойчива не только по причи-

не отсутствия опыта, но и в связи с еще не до конца сформированной системой ценностей и предпочтений. Деловая активность может прерываться, может поменяться профессиональная траектория. Представительницы старшей возрастной группы обладают сформировавшимся, приносящим регулярный доход, относительно устойчивым бизнесом, поэтому, прежде чем что-либо предпринять, они тщательно просчитывают возможные эффекты от изменений.

4. Молодые женщины-предприниматели более оптимистичны в отношении перспектив развития собственного бизнеса, чем женщины среднего и старшего возрастов.

Примечания

- 1 См.: *Мальшевская Ю. Ю.* Особенности формирования социальной группы «Женщины-предприниматели» (на материалах Республики Бурятия) // Социально-политические науки. 2013. № 4. С. 26–32.
- 2 См.: *Абросимова О. В.* Возможности современной женщины в сфере предпринимательской деятельности // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 105.
- 3 См.: *Мой бизнес.* Вып. № 1. 13.12.2019 // РБК+ : [сайт]. URL: <https://plus.rbc.ru/issue/5da966f67a8aa95e3ba06163> (дата обращения: 02.07.2020).
- 4 См.: *Корсун Т. А.* Развитие женского предпринимательства в России на современном этапе // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2016. Т. 22, № 9. С. 110. DOI: 10.21209/2227–9245-2016-22–9-106-114
- 5 См.: *Гефеле О. Ф., Милюкова О. В.* Гендерные различия мотивационной сферы предпринимателей малого бизнеса // Современная наука : теоретический и практический взгляд : материалы VI Международ. науч.-практ. конф. / науч. ред. И. А. Рудакова. М. : Перо, 2016. С. 110–113.
- 6 См.: *Дейнека О. С.* Экономическая психология : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000.
- 7 См.: *Segal G., Borgia D., Schoenfeld J.* The motivation to become an entrepreneur // International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. 2005. Vol. 11, № 1. P. 42–57. DOI: <https://doi.org/10.1108/13552550510580834>
- 8 См.: *McClelland E., Swail J., Bell J., Ibbotson P.* Following the pathway of female entrepreneurs : A six-country investigation // International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. 2005. Vol. 11, № 2. P. 84–107. DOI: <https://doi.org/10.1108/13552550510590527>
- 9 См.: *Душацкий Л. Е.* Ценностно-мотивационные доминанты российских предпринимателей // Социс. 1999. № 7. С. 91–95.
- 10 См.: *Чурикова А. Е.* Российские директора в поисках управленческой стратегии : социально-психологический анализ // Проблемы экономической психологии : в 2 т. / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. Т. 2. М. : Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. С. 229–266.
- 11 См.: *Bobrowska, S., Conrad, H.* Discourses of Female Entrepreneurship in the Japanese Business Press – 25 Years and Little Progress // Japanese Studies. 2017. Vol. 37, iss. 1. P. 1–22.

DOI: <https://doi.org/10.1080/10371397.2017.129347> ;
Folkman S., Lazarus R. Manual for Ways Coping Questionnaire. Palo Alto, CA : Consulting Psychologist Press, 1988.

[gsom.spbu.ru/files/folder_17/otchet_fin_rgb.pdf](https://www.gsom.spbu.ru/files/folder_17/otchet_fin_rgb.pdf) (дата обращения: 20.05.2020).

¹² См.: Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства Россия 2018/2019». URL: <https://>

¹³ Согласно официальным данным Сарстата на сентябрь 2018 г. Данные получены по официальному запросу авторов.

Образец для цитирования:

Елютина М. Э., Ситникова С. В., Семенова Ю. А. Возрастные особенности женской предпринимательской активности (на примере женщин-предпринимателей Саратовской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 399–406. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-399-406>

Cite this article as:

Elutina M. E., Sitnikova S. V., Semenova Yu. A. The Age-Specific Features of Women's Entrepreneurial Activity (On the Example of Women Entrepreneurs in Saratov Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 399–406 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-399-406>

УДК 316.346.3

Геронтное общение: социолингвистический взгляд на проблему

И. В. Темаева

Темаева Ирина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры логопедии и психолингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tiv27@mail.ru

В статье раскрываются особенности трансформации речи пожилых людей, связанные с изменениями как биологического, так и социального характера. Рассмотрены стереотипы восприятия возраста, эйджизм как практика в общении с пожилыми людьми, «вторичный детский лепет». Выделены практические рекомендации, направленные на снятия барьеров при взаимодействии с пожилым человеком, отмечена актуальность их применения в сфере социального обслуживания данной категории граждан.

Ключевые слова: геронтология, коммуникация, пожилой возраст, социальная работа, социолингвистика, геронтное общение.

Поступила в редакцию: 05.08.2020 / Принята: 15.08.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Herontic Communication: A Sociolinguistic Look at the Problem

I. V. Temaeva

Irina V. Temaeva, <https://orcid.org/0000-0002-5215-7101>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tiv27@mail.ru

The article reveals the features of the speech transformations of the elderly people associated with the changes in both biological and social characters. The stereotypes of age perception, ageism as a practice in communicating with the elderly, «secondary babbling» are considered. The practical recommendations aimed at removing barriers in interaction with an elderly person and their relevance in the field of social services for this category of citizens are highlighted.

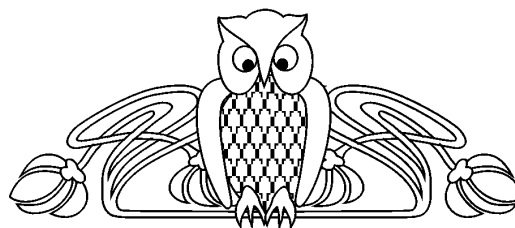
Keywords: gerontology, communication, old age, social work, sociolinguistics, gerontic communication.

Received: 05.08.2020 / Accepted: 15.08.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-407-411>

Новое столетие ознаменовано ростом доли пожилых людей в общей популяции всего мира, наблюдается увеличение продолжительности жизни человека. Демографические изменения, отмеченные в мире, прежде всего в экономически развитых странах, отражены в таких выражениях, как «сидящее общество» или «седое

цунами»¹. При этом Российская Федерация не является исключением, и за достаточно короткое время из демографически молодого государства превратилась в старое. Так, по расчетам ООН, доля лиц от 60 лет и старше в общей численности населения в 2015 г. составила 20,0%, в 2025 г. – 23,9%, в 2050 г. – 28,8%. По усредненному прогнозу Росстата, в Российской Федерации доля лиц старше трудоспособного возраста увеличится за период с 2016 по 2025 г. с 24,6 до 27,0% и составит 39,9 млн чел.², что приведет к усилению демографической нагрузки на население трудоспособного возраста, на социальные службы и, конечно же, на социальных работников. Данная тенденция формирует новые задачи и цели перед государством и обществом, направленные на обеспечение потребностей представителей старшего поколения. Важным связующим звеном в этой цепочке выступает способность «говорить» на одном языке с представителями геронтологической группы, в которой слушать, слышать и понимать пожилого человека – это значимые индикаторы процесса оказания помощи. В связи с этим появляется необходимость актуализации знаний в области социолингвистики, которая демонстрирует особенности языковых изменений у представителей старшего возраста, так как работа с пожилыми людьми, когда некоторые из них могут оказаться в сложных жизненных ситуациях (одиночество, изоляция, смерть близких, отсутствие социальной поддержки и общения и др.), требует особого подхода и ресурсов. Предложенные автором рекомендации могут быть использованы в структурах, обслуживающих население, так как заказчиками услуг могут выступать пожилые клиенты.

На современном этапе существуют единичные исследования, посвященные изучению особенностей состояния речи в позднем возрасте, среди них выделяются лингво-когнитивные аспекты геронтологического преобразования личности³, проблемы внутренней и межпоколенческой коммуникации⁴, социолингвистические аспекты общения с представителями третьевозрастной группы⁵, геронтологическая лингвистика⁶ и особенности письменной речи у пожилых⁷. Малоизученным остается вопрос о специфике языка и общения представителей позднего возраста, который чаще рассматривается с психологического, психотерапевтического или сугубо лингвистического ракурсов на материале ино-

странных языков и диалектов. В условиях вузов отмечается тенденция, когда специалистов не готовят к работе с представителями третьевозрастной группы по речевому и коммуникативному сопровождению. Становится очевидной необходимость восполнения недостатков практического и теоретического знания в изучении специфики речи пожилых людей, что мотивировало автора к обращению к данной теме.

Возраст человека на протяжении всей истории человечества является одним из основных факторов, определяющих социальные роли и статусы, общественные ожидания. Возраст неразрывно связан со становлением, а в дальнейшем и постепенным распадом речи. Отмечается языковая экспликация возрастных изменений личности, которая затрагивает процесс восприятия окружающей действительности. Языковая картина мира является продуктом речемыслительной деятельности человека, а речь становится зеркалом процессов, происходящих во внутреннем мире личности.

Рассматривая понятие «пожилой возраст», можно отметить, что он включает в себя различный спектр личностных особенностей, таких как социальные, психологические и физиологические. Они выступают следствием естественных изменений в возрастном статусе личности, что напрямую связано с биологическими процессами организма и определяет необходимость приспособления к данным явлениям. Среди отмеченных трансформаций важное место занимают коммуникативные и речевые мутации, что актуализирует поиск дополнительных ресурсов для адаптации личности и социума к данным изменениям.

Пожилые люди обладают целым комплексом качеств и индикаторов, которые им приписываются в обществе как представителям геронтологической группы. Одними из них выступают коммуникативные практики, среди которых – стиль и тема общения, особенности установления контакта, социальный статус и характер поведения, возможность продолжать трудовую деятельность, семейное положение, рекреационные предпочтения. При этом пожилой человек по-прежнему ассоциируется в социуме с источником знаний, опыта, хранителем традиционных

ценностей. Общество характеризуется наличием социокультурных нормативов в отношении представителей различных возрастных групп, но именно люди третьего возраста все чаще подвергаются дискриминации по возрастному признаку, в отношении них отмечаются негативные установки, которые заключаются в навязывании ярлыков, стигм, описывающих их как немощных, ущербных, доживающих свое время, носителей отживших ценностей и традиций и, что особенно актуально в рамках данной статьи, не способных понимать информацию, передаваемую обычным для более молодых людей способом. В результате чего сообщение должно быть упрощено на несколько уровней, включая содержание, словарный запас, синтаксис и даже фонетику. Способы общения с пожилыми людьми в научной литературе отмечаются как «упрощенный перечень» или «дегенеративность ввода»⁸, что, на наш взгляд, усиливает проблему эйджизма, увеличивает дистанцию между поколениями, разрывает преемственность и целостность бытия. Данные трансформации наблюдаются и в невербальном общении с пожилым человеком.

В зарубежной литературе обращается внимание на схожесть характеристик речи, адресованных старикам и маленьким детям, и используются термины «вторичный детский лепет» или «старческая речь»⁹. В отечественной литературе, по данным К. Качоровски-Брей, используются термины «старческая речь», язык старости, речь людей старшего поколения, геронтное общение, речь/коммуникация пожилых людей¹⁰. Из данных терминов становится очевидным, что речь представителей третьего возраста может ассоциироваться с детской речью (таблица), которая по своему содержанию и оформлению может быть невнятной, мало развернутой, аграмматичной, так и восприниматься исходя из стереотипов о старости, среди которых трудности понимания и воспроизведения информации, ее запоминания.

Сравнивая упрощенные лингвистические признаки речи в детском и пожилом возрастах, можно отметить реверсивность явления, которая проявляется в первом случае разворачиванием, а во втором – угасанием функции. Данная особенность пожилого возраста ставит собеседников

Упрощенный перечень лингвистических признаков в детском и пожилом возрастах

Детский возраст	Пожилой возраст
Зарождение речи восходит к первому крику, затем вокализации, слоги, первые слова и фразовая речь.	Выбор простых и общеупотребительных слов, частое использование детского словаря, модификации произношения, выражения и предложения простой структуры.
Первоначальное использование слов и звукоподражаний простой структуры.	Частые повторы, медленный темп речи и частые паузы
Появление звуков, различных по акустическим и артикуляционным признакам.	Ограниченный круг тем бесед, при обращении к старшему использование имени или псевдонима
Постепенное угасание языка жестов и мимики, активное использование предложений.	Ограниченный зрительный контакт, социальная дистанция в виде близкого/далекого расстояния, касания.
Лавинообразное наращивание словаря, активное усложнение языка	Язык жестов и мимики актуализируется

в неравные положения, что вводит в практику явление, которое носит название «доброжелательная конспирация»¹¹, представляющая собой адаптацию общения к лингвистическим особенностям говорящего. Наблюдается ситуация, когда участник беседы проявляет «дружелюбие» и облегчает речь, исходя из коммуникативных особенностей и характеристик представителя позднего возраста. Неуместное применение доброжелательной конспирации может вызывать у пожилого человека ощущение неравенства и дискриминации и, как следствие, реакцию противодействия. С. Рузметов также подчеркивает, что пожилой человек может болезненно принимать в свой адрес жестовую коммуникацию¹².

Отмечая особенности письменной речи пожилых людей, Н. Лантюхова выделяет следующие: грамматика сохраняется практически полностью; снижается синтаксическая сложность текста (особенно после 75 лет), при этом возрастает лексическая сложность; уменьшается разнообразие в построении синтаксических структур; сокращается объем текста; возрастает количество ошибок, связанных с неправильным построением предложения¹³. Мы подчеркиваем, что такие исследования являются единичными и, как правило, представлены у зарубежных лингвистов, поэтому для более точного понимания состояния письменной речи у пожилых людей необходимо дополнительное изучение корпуса текстов.

Большинство пожилых людей, особенно находящихся на надомном обслуживании, испытывают коммуникативный дефицит, «синдром дискommunikации», в результате которого социальный работник превращается для пожилого клиента в единственный источник взаимодействия с внешним миром, в посредника между прошлым и настоящим, что в очередной раз подчеркивает необходимость увеличения ресурсности социального работника и владения им специфичным инструментом общения с пожилым человеком. Изучение языковой трансформации позволяет отслеживать процессы, происходящие в результате возрастных изменений, что может быть отражено в портрете стареющего человека, одна из частей которого – языковая, представляющая собой речевые маркеры пола, возраста, социальной принадлежности, образа мышления, социальной роли, опыта. Анализ портретных составляющих пожилого человека позволяет понимать их лингвистическую специфику, а значит, и учитывать при взаимодействии. Именно эти знания могут облегчать процесс обслуживания пожилых людей, должны трансформироваться в инструментарий в работе социального работника и иных специалистов.

Специфика общения с пожилым человеком требует от нас восприятия информации, которая касается определенного круга тематических направлений. Так, И. Стернин отмечает, что в ре-

чевом общении людей третьего возраста особый интерес вызывают такие вопросы, как стандартный круг собственных интересов, константная тематика бесед, коммуникативные традиции¹⁴. К темам, к обсуждению которых представители старшего поколения могут охотно вступать, относят беседы о прошлом, взаимоотношениях поколений, пенсионном обеспечении, социальной поддержке, вековых традициях народа, чистоте языка и т.д. Опираясь на существующие исследования интересов пожилых граждан, ниже мы приводим спектр тематических разговорных направлений пожилых людей.

Беседы о прошлом. Такой тип респондентов концентрирует внимание на своем жизненном опыте, умозаключениях, знаниях, которые были получены в результате жизненного пути. Повествование является автобиографичным и пронизывается сугубо личной историей. Как правило, это темы о супругах, детях, ближайших родственниках, работе, друзьях. При повествовании респондент испытывает чувство грусти и сожаления об ушедшем.

Политическое искусство. Пожилые респонденты размышляют о политическом устройстве государства, деятельности политических лидеров как нынешних, так и прошлых, оценивают эффективность действующей власти, политических реформ. Такая тема отличается повышенной эмоциональностью, заряженностью от процесса проявления гражданской позиции.

Дачный досуг. Размышления о способах ухода за растениями, деревьями, возвращении семян, урожае и его переработке. Обмен мнениями, опытом, иногда и продуктами деятельности является как способом самореализации, так и средством пополнения продовольственной корзины, времяпрепровождения.

Пенсионное обеспечение, продовольственная корзина и коммунальные платежи. Размер пенсии, ее индексация – это одна из центральных тем, также имеет место ориентирование в ценах на товары и услуги, качество товаров, скидки, ассортимент; повествования «о путешествиях» за продуктами, отличающихся подходящей ценой. Обсуждение коммунальных платежей носит, как правило, отрицательный окрас, постоянное повышение тарифов вызывает чувство дискомфорта и раздражения, не устраивает качество предоставляемых услуг.

Размышления о настоящем и будущем. Среди тем выделяются эпидемиологическая обстановка в мире и стране, школьное образование и ЕГЭ, дистанционное обучение, перспективы страны и будущего поколения.

Содержание тематических бесед пожилых людей подчеркивает их заинтересованность в разнообразных аспектах социальной жизни. При этом внутрисемейное общение становится важным источником удовлетворения коммуникативных потребностей пожилого человека, в ре-

зультате чего речь членов семьи оказывает существенное влияние на проникновение новейших заимствований, неологизмов, порой и сленгизмов в словарный запас пожилого родственника.

По мнению С. Донера и Ю. Жемчужниковой, важнее, чем говорить, – это быть услышанным. Часть бытия пожилого человека учит нас слушать, возраст учит нас слушать¹⁵. Действительно, в пожилом возрасте данный процесс приобретает специфические черты, которые связаны с тем, что выход на пенсию приводит к ограничению деловых контактов, повзрослевшие дети часто покидают родителей, многие пожилые люди становятся вдовцами или вдовами, вследствие чего лишаются постоянного семейного общения, могут возникать сложные жизненные обстоятельства (стихийные бедствия, военные конфликты). Все это не только уменьшает интенсивность общения, но и формирует определенную специфику взаимоотношений в пожилом возрасте. В связи с этим, по результатам сотрудничества международной организации помощи пожилым (HelpAge International) и специалистов в области предоставления помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, актуализируется программа тренировочных упражнений для лиц, работающих с пожилыми людьми¹⁶. На наш взгляд, данная программа может выступать в качестве ресурса социальных работников, обслуживающих пожилых клиентов. Сформулируем основные постулаты общения с представителями третьевозрастной группы исходя из программы.

1. Использование навыков активного слушания. Когда человек чувствует, что его слушают и что его мысли и чувства были поняты и приняты, возрастает доверие между оказывающим и принимающим помощь.

2. Практика неосуждения. В процессе общения с пожилым человеком важно не преломлять переданный им опыт сквозь призму собственного, не демонстрировать оценку поступков и действий.

3. Эмпатия. Когда мы сочувствуем, то ставим себя на место другого человека, что способствует пониманию эмоционального состояния собеседника и демонстрации этого понимания.

4. Эффективное использование вопросов. Важно с помощью вопросов демонстрировать пожилому собеседнику понимание его повествования, поэтому в процессе общения необходимо задавать альтернативные и наводящие вопросы, которые могут помочь глубже разобраться в своей проблеме.

5. Двигаться от общего к частному – стимулировать другого человека говорить более конкретно. Полезно задать вопрос, который уточнит, что человек подразумевает, когда говорит о чем-то в общих чертах.

Перечисленные правила общения позволяют не только качественно повысить эффективность общения с пожилыми людьми, но и оказывать

поддержку в трудных жизненных ситуациях, способствуя продлению активной старости.

Таким образом, изучив социолингвистический ракурс на проблему геронтового общения, можно сделать следующие выводы.

Социолингвистический взгляд на проблему изучения речи пожилых людей недостаточно представлен в отечественных исследованиях. При этом отмечается, что геронтологическая лингвистика – это важный аспект в составлении целостного портрета пожилого человека, так как она проясняет взгляд на внутреннюю структура языка, принципы порождения и восприятия речи, особенности существования языка исходя из возраста и социального положения. Для описания речи пожилых людей используются различные термины, в том числе «вторичный детский лепет», который указывает на ее сравнение с состоянием речи ребенка. Это подчеркивает наличие стереотипов в отношении пожилых людей, таких как немощность, ущербность, неспособность понимать информацию, передаваемую обычным способом, что укореняет практики эйджизма.

У представителей третьевозрастной группы отмечаются: специфика состояния речи, которая проявляется в употреблении простых, распространенных слов и предложений, замедленном темпе и частых паузах; ограниченный зрительный контакт; особенность социальной дистанции; актуализирование языка жестов и мимики. Среди значимых тем общения – круг интересов, коммуникативные традиции, беседы о прошлом, взаимоотношениях поколений, пенсионном обеспечении, социальной поддержке, вековых традициях народа, чистоте языка и др. Учитывая специфику состояния речи пожилых, особенности восприятия информации, выделены практические рекомендации, направленные на снятие барьеров при взаимодействии с пожилым человеком, среди которых техника активного слушания, практика неосуждения, эмпатия, использование вопросов, движение от общего к частному. Отмечена актуальность применения данных рекомендаций в сфере социального обслуживания данной категории граждан.

Примечания

¹ См.: *Kielar-Turska M. Wprowadzenie // Starość. Jak ją widzi psychologia. Krakow : Akademia Ignatianum in Krakow, Wydawnictwo WAM, 2016. S. 15.*

² См.: Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р // Минтруд России : [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (дата обращения: 10.07.2020).

³ См.: *Бахмет О. В. Языковая актуализация оценки геронтологических преобразований личности (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.*

- ⁴ См.: Барсуков В. Н. Барьеры социальной интеграции старшего поколения в контексте проблемы межпоколенческих коммуникаций // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 5. С. 214–230. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.14
- ⁵ См.: Качоровска-Брей К., Милевски С. Социолингвистические аспекты общения с пожилыми людьми // Системная психология и социология. 2017. № 4 (24). С. 65–75.
- ⁶ См.: Рузметов С. А. О лингвистическом образе представителя старшего поколения // Иностранные языки в Узбекистане. 2019. № 4 (27). С. 28–36. DOI: 10.36078/1570168169
- ⁷ См.: Лантюхова Н. Н. Синтаксические особенности письменной речи лиц пожилого и старческого возраста // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2017. № 27. С. 24–26.
- ⁸ Качоровска-Брей К., Милевски С. Указ. соч. С. 69.
- ⁹ См.: Kemper S., Vandeputte D., Rice K., Cheung H., Gubar-chuk J. Speech adjustments to aging during a referential communication task // Journal of Language and Social Psychology. 1995. Vol. 14. P. 40–59.
- ¹⁰ См.: Качоровска-Брей К., Милевски С. Указ. соч. С. 69.
- ¹¹ См.: Namysłowska I. Kontakt terapeutyczny z osobą chorą na schizofrenię // Postępy Psychiatrii i Neurologii. 2006. № 15 (3). S. 137–141.
- ¹² См.: Рузметов С. А. Указ. соч. С. 33.
- ¹³ См.: Лантюхова Н. Н. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁴ См.: Стернин И. А. Общение со старшим поколением. 4-е изд., испр. Воронеж : Истоки, 2013. С. 5.
- ¹⁵ См.: «Живые диалоги». URL: <https://Institute.svendoehner.rus> (дата обращения: 15.07.2020).
- ¹⁶ См.: Комли М. Учиться слушать = Learning to listen : Азбука общения для работающих с пожилыми людьми / Help Age International. М. : РАНДЕВУ-АМ, 1999.

Образец для цитирования:

Темаева И. В. Геронтное общение: социолингвистический взгляд на проблему // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 407–411. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-407-411>

Cite this article as:

Temaeva I. V. Herontic Communication: A Sociolinguistic Look at the Problem. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 407–411 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-407-411>

УДК 316.354:351/354

Субъективное благополучие и трудовая вовлеченность сотрудников старшего возраста: гендерный аспект

И. С. Леонова

Леонова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, irina_leonova@list.ru

Представлены результаты эмпирического исследования субъективного благополучия мужского и женского персонала старшего возраста производственных и медицинских компаний с разной включенностью в инновационные процессы (ординарные и инновационные компании). Субъективное благополучие рассмотрено как эмоциональный регулятор трудовой деятельности, показатель социально-психологического возраста и детерминанта личностной трудовой вовлеченности. Показано, что трудовая вовлеченность существенно выше, а субъективное благополучие персонала статистически значимо лучше в инновационных компаниях. Выявлена гендерная и профессиональная специфика субъективного благополучия. Сформулированы подходы к оптимизации управления.

Ключевые слова: персонал, хронологический возраст, социально-психологический возраст, организационная культура, усталость, субъективное благополучие.

Поступила в редакцию: 02.06.2020 / Принята: 22.08.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Subjective Well-Being and Labor Involvement of Senior Employees: Gender Aspect

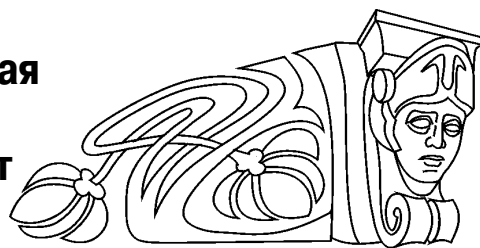
I. S. Leonova

Irina S. Leonova, <https://orcid.org/0000-0001-5892-0801>, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia, irina_leonova@list.ru

The results of the empirical study of the male and female senior personnel's subjective well-being in manufacturing and medical organizations with different involvement in innovative processes (ordinary and innovative companies) are presented. The subjective well-being is considered as an emotional regulator of labor activity, the indicator of the socio-psychological age and determinant of personal labor involvement. It is shown that labor involvement is significantly higher and the subjective well-being of the employees is statistically significantly better in the innovative companies than in the ordinary ones. The gender and professional specificity of the subjective well-being is revealed. The approaches to management optimization are formulated.

Keywords: personnel, chronological age, socio-psychological age, organizational culture, fatigue, subjective well-being.

Received: 02.06.2020 / Accepted: 22.08.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-412-418>

Пенсионная реформа открывает новые возможности продолжения трудовой деятельности для людей старших возрастов. Однако общество в целом негативно восприняло повышение пенсионного возраста¹. Но даже если человек старшего возраста решил продолжать трудовую деятельность или тем более найти новую работу, это будет сделать совсем непросто. Известно, что в настоящее время более 80% российских работодателей признают, что в кадровой практике присутствует возрастная дискриминация. Трудности сохранения рабочего места и получения нового россияне начинают испытывать с 40–45 лет, женщины острее, чем мужчины². И это при нехватке рабочей силы, тогда как в странах Европы и США выход на пенсию происходит с 65 лет. Таким образом, в современной России люди теряют до 20 лет возможности реализации себя в трудовой деятельности.

Не только в России, но и в развитых странах живы возрастные стереотипы, в соответствии с которыми работники старших возрастов не интересны работодателям, тем более в высокотехнологичных сферах занятости. Вот только неполный список возрастных стереотипов: сопротивление организационным изменениям; невосприимчивость нового из-за отсутствия гибкости; снижение мотивации труда и низкий уровень вовлеченности в трудовой процесс; усталость, часто хроническая; консерватизм, а следовательно, потеря способности к обучению в результате снижения интеллекта; потеря автономии; нежелание брать на себя личную ответственность; подверженность стрессу; болезни. Есть и позитивные черты: готовность к согласию, надежность и лояльность, а также опыт. Персонал старшего возраста более терпим к условиям трудовой деятельности, что тоже немаловажно. В отношении женщин стереотипы еще жестче. Женщины приносят в работу компании больше ненужной эмоциональности, они более, чем мужчины, ориентированы на межличностные отношения в ущерб деловым, более консервативны³. К позитивным чертам относят женскую предрасположенность к некоторым профессиям, как правило, относимым к классу «человек-человек», большую, чем у мужчин, к работе в усло-

виях монотонии⁴. В целом негативных характеристик больше. Более того, стереотипы влияют на самого человека, и он сам уже находит у себя проявления стереотипов⁵.

В последние годы вместе со старением населения растет интерес общества к старшим возрастам, и все больше проводится исследований, раскрывающих специфику старения человека. Показана относительность хронологического возраста и интерактивный характер старения, в детерминации которого значительную роль играют как субъективные факторы, такие как мотивация сохранять активность, здоровье, молодость, так и контекстные факторы национальной культуры, традиции семьи, организационные условия⁶.

Желание людей продолжать трудовую деятельность в любом возрасте зависит от многих материальных, социальных, психологических факторов. Одним из наиболее значимых представляется субъективное благополучие/неблагополучие, являющееся эмоциональным регулятором любой деятельности, в том числе трудовой⁷. Особенно действие этого фактора значимо в новой экономике, для которой требуется персонал, готовый к инновациям, лично вовлеченный в трудовой процесс, проявляющий ответственность и инициативу, развивающийся вместе с трудовым процессом, принимая на себя ответственность за самообучение⁸.

Чтобы у человека возникло желание продолжать трудовую деятельность, получать новые профессиональные знания и осваивать новые технологии, нужны не принуждение, а соответствующие эмоциональные регуляторы. На макроуровне необходимо внедрение целенаправленной геронтологической социальной политики, а на микроуровне нужны инновации в области управления персоналом⁹. Не случайно сопротивление персонала становится все более острой проблемой для менеджмента. Нежелание продолжать трудовую деятельность означает низкий уровень субъективного благополучия (СБ) в трудовой деятельности. Под СБ понимается эмоциональная оценка удовлетворенности жизнью в целом или ее конкретными сферами, в том числе трудовой деятельностью. Ключевой составляющей СБ применительно к трудовой деятельности является ориентация на прогрессивные технологические и организационные изменения на фоне позитивных эмоций, связанных с трудом.

Важной задачей в исследовании СБ как эмоционального регулятора является поиск и выявление его индикаторов в трудовой деятельности, в том числе у сотрудников разного возраста и гендерной принадлежности в условиях организационных изменений. Это объясняется тем, что люди разного возраста имеют специфические потребности, и, следовательно, детерминация СБ в потребностных аспектах может различаться у разновозрастного женского и мужского пер-

сонала. Особо негативным фактором, влияющим на положение людей старшего возраста на рынке труда, являются стереотипные представления о консерватизме людей старшего поколения и их психологической неготовности к прогрессивным изменениям.

Половина (51%) опрошенных россиян заявили, что перестали работать по достижении пенсионного возраста. Среди причин, по которым они оставили работу, чаще всего называются состояние здоровья, физическая и психологическая усталость (58% опрошенных). Это – индикаторы явного субъективного неблагополучия. Другая часть хотела бы получать пенсию, но продолжать работать, чтобы поддержать уровень своих скромных доходов, т.е. исходя из сугубо утилитарных мотивов, что тоже нельзя отнести к проявлению субъективного благополучия. Изменение позиции граждан в отношении пенсионной реформы будет зависеть от смысловой увязки продолжения трудовой деятельности и субъективного благополучия. В то же самое время, например, в Германии участие людей старшего возраста в трудовой деятельности за десять лет (2004–2013) удвоилось¹⁰. Исследования показывают, что участие людей старших возрастов в трудовой деятельности благотворно сказывается не только на самочувствии и здоровье самого работника, но и на экономическом развитии страны¹¹.

В настоящее время в России продолжают сосуществовать компании, чья технологическая и организационная культура застряли в прошлом веке¹², и компании, успешно входящие в новый технологический уклад. На тех и других работают мужчины и женщины разного возраста, в том числе старшего. Это открывает возможность исследования СБ персонала на предмет субъективного благополучия/неблагополучия и его ценностной готовности к инновационным изменениям в разных организационных условиях.

Проведено исследование с целью определения особенности СБ работников старших возрастов в организационных условиях предприятий с разной включенностью в инновационные процессы.

Подобраны производственные и медицинские компании с разной включенностью в инновационные процессы с использованием методов анализа доступной корпоративной документации и экспертных оценок, сделанных представителями Нижегородской ассоциации промышленников и предпринимателей.

Респонденты: 254 сотрудника: 140 инженеров (50% мужчин и 50% женщин), 100 врачей (75% женщин и 25% мужчин), 14 менеджеров. Женщины старше 50 лет, мужчины старше 55 лет. Респонденты примерно в равном соотношении являются сотрудниками высокотехнологичных инновационных компаний (производственного предприятия (ИП) и частной медицинской

клиники (ИМ)) и сотрудниками ординарного производственного предприятия (ОП) и муниципальной клиники (ОМ) с многолетними трудностями модернизации, менеджмент которых пытается преодолеть отставание компаний и вывести их в новый инновационно-рыночный формат развития.

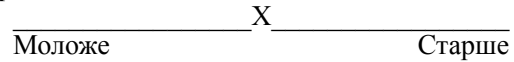
Методы: метод диагностики организационной культуры и ценностных организационно-культурных предпочтений К. Камерона и Р. Куинна¹³, метод личностных самоидентификаций М. Куна и Т. МакПартленда для оценки личностной вовлеченности в трудовую деятельность¹⁴, шкала стресса Р. Кесслера¹⁵, авторская анкета самооценки субъективного благополучия, сочетающая вопросы и прямое шкалирование.

Примеры вопросов анкеты. Вопрос 2. Трудовой процесс и организационное взаимодействие могут по-разному влиять на чувство усталости. Кроме того, у каждого есть какая-то работа по дому, занятия, не связанные с трудовой деятельностью. Отметьте на шкалах, насколько Вы обычно устаете в разных аспектах своей деятельности:

- 2.1. Трудовой процесс:
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
- 2.2. Организационное взаимодействие:
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
- 2.3. Домашняя работа:
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10.

Вопрос 7. На сколько лет Вы чувствуете себя на работе: старше или моложе своего хронологического возраста? Запишите число на шка-

ле, исходя из того, что X – ваш хронологический возраст

Результаты и их анализ. Данные табл. 1 показывают, что есть существенные различия в организационных условиях ординарных и инновационных предприятий независимо от сферы бизнеса.

Различия в представленности компонентов организационной культуры (ОК) статистически значимы по всем показателям в промышленных и по значительной части показателей в медицинских компаниях. Принципиальным отличием ОК в ординарных медицинских компаниях является устойчивое доминирование ценностными и меньшая выраженность иерархии, но в ранговой оценке они очень близки между собой. И в медицинских, и в производственных ординарных компаниях доминируют ценности отношений и иерархии, и им статистически значимо уступают деловые и инновационные ценности. В культуре инновационных компаний существенно менее выражены ценности отношений и статистически значим приоритет инновационности. Но если в производственных силен деловой (рыночный) компонент ОК, то в медицинских преобладает иерархический. Оценки женщин и мужчин очень близки. Гендерная специфика не проявляется в производственных компаниях. В медицинских можно видеть, что мужчины в ординарных

Таблица 1

Организационная культура и организационные ценности персонала ординарных и инновационных производственных и медицинских компаний, баллы

Пол / Предприятие	Ценности организационной культуры (ОК)											
	клановые			инновационные			рыночные			иерархические		
	Ф	П	W	Ф	П	W	Ф	П	W	Ф	П	W
ОПж	27	40	**	15	15	–	19	16	–	39	29	*
ИПж	17	24	*	22	30	*	32	32	–	29	14	**
U	*	*		*	**		*	**		*	*	
ОПм	24	35	*	14	16	–	21	19	–	39	31	*
ИПм	17	22	T	26	31	*	33	34	–	29	16	*
U	*	*		**	**		**	**		*	**	
ОМж	35	43	**	17	19	–	16	17	–	32	21	*
ИМж	23	29	*	25	33	*	28	20	*	24	18	*
U	*	**		**	*		*	–		*	–	
ОМм	33	40	*	15	24	*	18	21	–	34	15	**
ИМм	23	25	T	23	29	*	24	23	*	30	23	T
U	*	**		*	T		T	–		T	*	

Примечание. ж – женщины, м – мужчины; Ф – фактическое, П – предпочтительное состояние ОК; U – критерий Манна – Уитни; W – статистическая значимость различий по критерию Вилкоксона; * – $p \leq 0.05$; ** – $p \leq 0.01$, T – тенденция; прочерк – статистически значимые различия отсутствуют.

компаниях больше видят деловой компонент, а женщины – клановый. Эти различия проявляются как тенденции и не достигают уровня статистической значимости.

Более интересным представляется вопрос о ценностных предпочтениях персонала ординарных и инновационных компаний. Данные табл. 1 показывают безусловное стремление персонала старшего возраста ординарных компаний, независимо от гендерной принадлежности, усилить клановый компонент ОК до абсолютной доминанты над всеми остальными ее составляющими. У персонала инновационных компаний тоже есть эта тенденция, но она проявляется в существенно меньшей степени. Если в ординарных компаниях желателен уровень приоритета ценностей отношений от 35 до 43%, и у врачей в большей мере, чем у инженеров, то в инновационных компаниях желательный уровень составляет от 22 до 29%, и опять у врачей это стремление выше, чем у инженеров. О чем свидетельствует это факт? О значительно более высоком субъективном благополучии персонала старшего возраста в ординарных компаниях. Люди пытаются найти психологическую защиту в силе межличностной солидарности. И это в условиях, когда менеджмент пытается вывести компании на инновационно-рыночный путь развития. Можно видеть, что персонал ординарных компаний не желает усиления инновационности. Только врачи-мужчины желали бы существенно усилить инновационность, но их – меньшинство, а женщины-врачи хотели бы даже уменьшить инновационность. Таким образом, можно видеть явные тенденции к сопротивлению инновационным изменениям в ординарных компаниях, что вполне соответствует стереотипным характери-

стикам персонала старшего возраста, в первую очередь женского.

В инновационных компаниях ситуация принципиально иная. Их персонал старшего возраста, независимо от типа бизнеса и гендерной принадлежности, ценностно готов к инновационным изменениям и поддерживает их, желая усиления в диапазоне от 29 до 33%. Еще одна заслуживающая внимания тенденция инновационных компаний состоит в том, что персонал желает ослабления иерархического компонента, но не в пользу кланового, а в пользу делового, что свидетельствует о настрое персонала инновационных компаний на конкуренцию, в том числе и внутреннюю. Это, безусловно, повышает жизнеспособность компаний.

Более детальные представления о СБ персонала старшего возраста можно составить, анализируя данные табл. 2. СБ персонала старшего возраста существенно лучше в организационной культуре инновационных компаний.

Это следует из того, что и мужчины, и женщины чувствуют меньшую усталость, осуществляя трудовую деятельность в этом типе организационных отношений, все различия статистически значимы: диапазон усталости от организационных отношений в инновационных компаниях составляет от 3.1 до 4.0 баллов, в то время как в ординарных компаниях этот диапазон составляет от 4.4 до 6.2 балла. Кстати, наиболее уставшими чувствуют себя мужчины-врачи, именно те, кто согласен с менеджментом в необходимости усиления инновационности. Это – важный факт, особенно ярко свидетельствующий о том, что в самом управлении изменениями есть большие проблемы, порождающие у персонала чувство субъективного благополучия. И

Таблица 2

Субъективное благополучие персонала старшего возраста в условиях организационной культуры разного типа, баллы

Пол / Предприятие	Актуальные проф. самоидентификации	Перспективные проф. самоидентификации (5 лет)	W	Усталость			Самооценка возраста	Самочувствие в коллективе	Стресс
				в труде	в организ. отношениях	от домашней работы			
ОПж	1.0	0.4	*	4.8	5.2	4.8	-5.9	-2.2	2.6
ИПж	1.5	1.3	–	4.7	4.0	4.6	-6.2	4.0	1.4
У	*	*		–	*	–	–	**	**
ОПм	1.25	0.8	T	5.0	4.9	3.2	8.8	1.5	2.4
ИПм	1.7	1.5	–	4.5	3.1	4.1	-7.4	3.5	1.5
У	**	*		–	*	–	**	*	*
ОМж	1,4	0,8	*	5.5	4.4	3.5	-3.5	2.6	2.5
ИМж	2,3	2,0	–	5.0	3.7	3.2	-3.9	4.4	1.9
У	*	*		T	*	–	–	**	*
ОМм	1.3	1.0	T	5.7	6.2	3.4	5.6	2.5	2.3
ИМм	2.5	2.5	–	5.2	3.5	3.3	-3.2	5.4	1.5
У	*	**		T	**	–	**	*	*

Примечание. Условные обозначения см. табл. 1.

это при незначительных различиях в усталости от самого труда и от домашней работы, хотя тенденция большей усталости врачей отмечается.

Статистически значимо различается в лучшую сторону самочувствие в трудовом коллективе, причем особенно сильно у женского персонала в производственной ординарной компании (-2.2 балла). У мужчин средняя оценка самочувствия в коллективе составляет 1.5, тоже очень низкий показатель, на уровне отдельных респондентов он также имеет отрицательные значения. Это, видимо, объясняется большей межличностной солидарностью и взаимной поддержкой сопротивления менеджменту в медицинских компаниях, имеющих, как отмечалось, существенно более выраженные ценности отношений. В целом же различия инновационных и ординарных компаний колеблются от -2.2 до 2.6 балла в ординарных и от 3.5 до 5.4 балла в инновационных.

Те же тенденции прослеживаются в самооценке возраста. Результаты самооценки возраста мужчинами показывают, что мужчины инновационных компаний чувствуют себя моложе своего хронологического возраста, а ординарных – существенно старше. Есть профессиональные различия. У врачей эти различия проявляются мягче: если инженеры-мужчины ординарной компании чувствуют себя старше на 8,8 года, то врачи-мужчины только на 5,6 года. Мужчины-инженеры инновационной компании чувствуют себя на 7,4 года моложе, а мужчины врачи – на 3,2 года. Возможно, большая близость оценок хронологического возраста и возрастной самооценки у мужчин-врачей объясняется их более критичной профессиональной осведомленностью.

Самооценки возраста женщинами принципиально отличаются от мужских. Независимо от сферы бизнеса женщины демонстрируют более молодой возраст, хотя сами показатели так же, как и у мужчин, более выражены у женщин-инженеров, чем у женщин-врачей. Но все же в инновационных компаниях женщины чувствуют себя моложе, чем в ординарных, хотя различия не достигают статистической значимости.

Таким образом, в ординарных компаниях и по возрастной самооценке, и по психологическому самочувствию в трудовом коллективе обнаружены статистически значимые различия между мужчинами и женщинами. Мужчины оценивают себя значительно старше, но и значительно более благополучными в разновозрастном трудовом коллективе, хотя, безусловно, это относительное качество психологического самочувствия и только в сравнении с коллегами-женщинами своей организационной культуры.

Подводя итог анализа, можно видеть значимый эффект лучшего СБ персонала инновационных компаний. Он проявляется в большей трудовой вовлеченности – характеристике, входящий

в перечень возрастных и гендерных стереотипов. Данные свидетельствуют, что трудовая вовлеченность как женского, так и мужского персонала существенно выше в инновационных компаниях, причем не только на момент исследования, но и на пятилетнюю перспективу. Большая часть и женского, и мужского персонала, работающих в ординарных компаниях, в пятилетней перспективе статистически значимо сокращают личностную вовлеченность, и без того невысокую, в отличие от персонала инновационного предприятия. Внутри одной ОК на момент исследования мужчины и женщины не различаются по личностной вовлеченности в трудовой процесс. Средние показатели у мужчин несколько выше, чем у женщин, но статистической значимости эти различия не достигают. Однако если рассмотреть ожидаемую вовлеченность через пять лет, то на ординарном предприятии мужчины готовы работать в значительно большей мере, чем женщины, что в полной мере соответствует культурным стереотипам.

Более полный анализ различий в ценностной готовности и большей личностной вовлеченности в трудовой процесс персонала инновационных и ординарных компаний можно сделать, если учесть уровень стресса, переживаемого персоналом этих компаний. Данные табл. 2 свидетельствуют о статистически значимых различиях в уровне стресса инновационных и производственных компаний независимо от сферы бизнеса и гендерной принадлежности. Тем не менее особенно высокий уровень стресса характерен для женщин. Это вполне согласуется с научными данными о большей подверженности женщин стрессу и еще раз возвращает к данным о желании женщин максимизировать клановый компонент ОК, чтобы обрести психологически комфортное самочувствие в складывающихся организационных условиях. Стресс закономерно снижает СБ и вызывает желание прекратить работу, как только сложатся благоприятные обстоятельства, например достижение пенсионного возраста.

Если обратиться к выявлению причин таких существенных различий в СБ персонала ординарных и инновационных предприятий и неудач менеджмента в достижении целей инновационного развития, то приходится констатировать, по крайней мере, на уровне вполне обоснованной гипотезы, что проблемы коренятся в реализуемых в компаниях подходах к управлению персоналом.

Менеджмент ординарных компаний идет административным путем, о чем свидетельствуют существенно более высокие показатели иерархичности ОК. Такой тип управления снижает уровень субъективного благополучия. Он порождает стресс, особенно у женщин. Стресс закономерно вызывает чувство усталости, плохое самочувствие, воспринимаемое как давле-

ние возраста, снижение желания продолжать трудовую деятельность. И менеджмент добивается результатов, противоположных поставленным целям. Таким образом, достижение целей пенсионной реформы и инновационного развития связано с одними и теми же изменениями в управленческих подходах: смещение акцента в управлении с иерархического на деловой; контроль стресса и субъективного благополучия в целом; поддержание позитивного психологического климата, опосредованного обеспечением высокой производительности и качества труда; принятие необходимости понимания гендерных различий в управлении.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Исследование показало продуктивность использования таких показателей субъективного благополучия, как ценностная готовность к инновационным изменениям, уровень переживаемого стресса, усталость от организационных условий и самооценка социально-психологического возраста.

2. Подтверждено, что инновационные и ординарные компании имеют разные типы организационной культуры.

3. Субъективное благополучие персонала старшего возраста, независимо от гендерной принадлежности, лучше в ОК рыночно-иерархического типа с выраженным инновационным компонентом, чем в иерархически-клановой ОК ординарных компаний. В медицинской сфере различия проявляются ярче, чем в производственной сфере, так же, как и перспективная приверженность профессии, за исключением возрастной самооценки женщин. Стресс переживается сильнее женщинами, независимо от класса профессий.

4. В организационной культуре ординарных компаний, особенно в медицинских, более выражены гендерные различия не в пользу женского персонала: они менее, чем мужчины, разделяют инновационные ценности, менее вовлечены в трудовую деятельность на момент исследования и на перспективу, плохо чувствуют себя в разновозрастном трудовом коллективе в условиях организационных изменений, укрепляя возрастные и гендерные стереотипы.

5. Субъективное благополучие и готовность к продолжению трудовой деятельности в условиях инновационных изменений, проявляющиеся в трудовой вовлеченности, зависят не столько от возраста и гендерной принадлежности, сколько от организационных условий компаний. Эти данные свидетельствуют о том, что гендерное равенство и принятие пенсионной реформы связано с инновационным развитием компаний, способствующим повышению субъективного благополучия персонала.

6. Достижение целей инновационного развития связано с изменением доминирующей в

настоящее время административной моделью управления. Ее реализация сопряжена с высоким стрессом даже у тех категорий персонала, которые были бы готовы поддержать инновационные изменения, она ведет к росту клановых ценностей, снижению субъективного благополучия персонала.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00910).

Примечания

- 1 См.: О пенсионном возрасте и отношении к идее его повысить // ФОМ. 04 июня 2018. URL: <https://fom.ru/posts/14043> (дата обращения: 21.01.2020).
- 2 См.: Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 29–40. DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.3
- 3 См.: Бегина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Гендерные стереотипы современной провинциальной молодежи : опыт социологического измерения // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 19–29. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.2
- 4 См.: Staudinger U. M. Images of Aging : Outside and Inside Perspectives // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. 2015. Vol. 35, № 1. P. 187–209. DOI: <https://doi.org/10.1891/0198-8794.35.187>
- 5 См.: Kornadt A. E. Do Age Stereotypes as Social Role Expectations for Older Adult Influence Personality Development? // Journal of Research in Personality. 2016. Vol. 60. P. 51–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2015.11.005>
- 6 См.: Захарова Л. Н., Леонова И. С., Мартыанова Т. В. Гендерные проявления социально-психологического возраста персонала предприятий с организационной культурой разного типа // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 7. С. 107–117.
- 7 См.: Linley P. A., Maltby J., Wood A. M., Osborne G., Hurling R. Measuring Happiness : The Higher Order Factor Structure of Subjective and Psychological Well-Being Measures // Personality and Individual Differences. 2009. Vol. 47, iss. 8. P. 878–884. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.07.010>
- 8 См.: Fossen F., Sorgner A. Mapping the Future of Occupations : Transformative and Destructive Effects of New Digital Technologies on Jobs // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, № 2. P. 10–18. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.10.18
- 9 См.: Петрова Ж. В. Профессионально-трудовая занятость пенсионеров : геронтологическое направление социальной политики // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 156–160. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-156-160
- 10 См.: Fasbender U., Deller J., Wang M., Wiernik B. M. Deciding Whether to Work After Retirement : The Role of the Psychological Experience of Aging // Journal of Vocational Behavior. 2014. Vol. 84, iss. 3. P. 215–224. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2014.01.006>

- ¹¹ См.: *Johnson J. K. M., Sakisian N., Williamson J. B.* Using a Micro-Level Model to Generate a Macro-Level Model of Productive Successful Aging // *The Gerontologist*. 2015. Vol. 55, iss. 1. P. 107–119. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/gnu089>
- ¹² См.: *Путин В. В.* Нам нужна новая экономика // *Ведомости*. 2012. 30 января. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения: 19.01.2020).
- ¹³ См.: *Cameron K. S., Quinn R. E.* Diagnosing and Changing Organizational Culture. Based on the Competing Values Framework. 3rd ed. San Francisco : Jossey-Bass, 2011.
- ¹⁴ См.: *Kuhn M. H., McPartland T. S.* An Empirical Investigation of Self-Attitudes // *American Sociological Review*. 1954. Vol. 19, № 1. P. 68–76.
- ¹⁵ См.: *Kessler R. C., Andrews G., Colpe L. J., Hiripi E.* Short Screening Scales To Monitor Population Prevalence and Trends in Non-Specific Psychological Distress // *Psychological Medicine*. 2002. Vol. 32, iss. 6. P. 959–976. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0033291702006074>

Образец для цитирования:

Леонова И. С. Субъективное благополучие и трудовая вовлеченность сотрудников старшего возраста: гендерный аспект // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 412–418. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-412-418>

Cite this article as:

Leonova I. S. Subjective Well-Being and Labor Involvement of Senior Employees: Gender Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 412–418 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-412-418>

УДК 316.356.4

Правовая грамотность студенчества различных типов специальности (на примере г. Саратова)

А. Ж. Айменов, Н. В. Шахматова

Айменов Айдар Жамбулович, преподаватель кафедры экономики и права, Университет дружбы народов имени академика А. Куатбекова, Чимкент, Республика Казахстан, zhambul_ukgu@mail.ru

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, директор Центра региональных социологических исследований, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nadezhdashakhmatova@yandex.ru

По результатам социологического исследования методом анкетирования, проведенного в 2020 г., раскрыт неоднозначный, противоречивый характер и средний уровень правовой грамотности студентов, поскольку преобладающее большинство молодых людей лишь поверхностно ознакомлены со своими гражданскими правами и особенно обязанностями. Молодые люди в большей степени позиционируют право как нечто регламентирующее их дозволенность, а не как механизм, регулирующий их поведение посредством определенных рамок. При этом уровень самооценки правовой грамотности студентов, особенно технической специальности, выше реального среднего показателя. Перспективы развития правовой грамотности студентов напрямую зависят от интенсификации и разнообразия социально-правовых интеракций, от рационализации их жизненного мира в целом. Во многом степень правовой лояльности студентов будет зависеть от уровня их вовлеченности в правовую коммуникацию. Значительный потенциал повышения уровня правовой лояльности студентов видится в популяризации и распространении правовых знаний, повышении их востребованности реальными жизненными практиками. Следует усилить курс юриспруденции в рамках общеобразовательной образовательной подготовки, а также резко расширить круг соответствующих просветительских программ различного уровня.

Ключевые слова: студенчество, правовая грамотность, права и обязанности студентов, правовые практики.

Поступила в редакцию: 17.08.2020 / Принята: 20.08.2020 / Опубликована: 30.11.2020

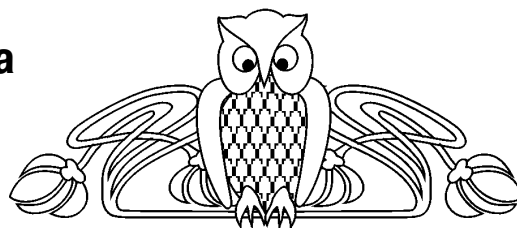
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Students' of Various Types of Specialty Legal Literacy (On the Example of Saratov)

A. J. Aymenov, N. V. Shakhmatova

Aidar J. Aymenov, <https://orcid.org/0000-0002-5852-4152>, A. Kuatbekov University of Friendship of Nations, 32 Tole Bi St., Shymkent 160012, Republic of Kazakhstan, zhambul_ukgu@mail.ru

Nadejda V. Shakhmatova, <https://orcid.org/0000-0003-2413-1534>,

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nadezhdashakhmatova@yandex.ru

The sociological survey conducted in 2020 revealed the ambiguous, contradictory nature and average level of legal literacy of students, since the prevailing majority of young people are only superficially acquainted with their civil rights and, especially – responsibilities. Young people more positioned the law as a mechanism for regulating their permissiveness rather than as a mechanism regulating their behavior within a certain framework. At the same time, the level of self-assessment of legal literacy of students, especially of technical specialties, is higher than the real average. The prospects for the development of legal literacy of students directly depend on the intensification and diversity of social and legal interactions and on the rationalization of their life world, as a whole. In many ways, the degree of legal loyalty of students will depend on the level of their involvement in legal communication. The significant potential to increase the level of right-wing loyalty of students is seen in the promotion and dissemination of legal knowledge and increasing their demand by real life practices. The course of jurisprudence should be strengthened within the framework of general educational training, as well as the range of relevant educational programs at various levels should be expanded.

Keywords: students, legal literacy, students' rights and responsibilities, legal practices.

Received: 17.08.2020 / Accepted: 20.08.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-419-425>

Правовое, гражданское общество может быть жизнеспособным только тогда, когда его члены имеют высокий уровень правовой грамотности, свободны в своем выборе и могут самостоятельно отвечать за свои действия. Актуальность социологического исследования правовой грамотности студентов обусловлена тем, что именно эта передовая часть молодежи является важным фактором развития всех сфер жизни общества, определяя в значительной степени его перспективы. Более того, формирование правовых ценностей гражданина России является важной частью воспитательного процесса, становления профессиональной позиции молодой личности¹.

В настоящее время назрела проблема социализации молодых людей, адаптации к работе в рыночных условиях, умения ориентироваться на современном рынке труда и знать свои права. Если в дорыночный период молодому специалисту достаточно было иметь минимум правовых

знаний, то сегодня увеличение степеней свободы и повышение уровня личной ответственности предполагают более широкий спектр юридических компетенций. Вместе с тем наблюдается противоречивость тенденций изменения правовой культуры, выражающаяся в развитии правового нигилизма, что негативно отражается на социальной ценности права и его реализации в повседневной и профессиональной деятельности молодежи, студентов². Однако качественно новые социальные процессы, протекающие в обществе и связанные с трансформацией правовой грамотности, имеют слабую социологическую фиксацию. Именно поэтому повышение правовой грамотности студентов является актуальным требованием образовательно-воспитательного процесса в вузах и требует исследовательского внимания.

Правовая культура – это особое социальное явление, качественное правовое состояние личности, группы и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям³. Она является условием обеспечения свободы и безопасности личности, прав человека, его правомерной деятельности, правовой защищенности⁴. Для нас важно, что степень и характер ее развития в ходе социализации молодой личности отражает уровень правовой грамотности, осознание индивидуумом правового знания, под которым понимается совокупность знания основных законов, фундаментом которых является Конституция⁵.

Правовая грамотность – это общее знакомство с правовыми основами государства, видами, правами и нормами, регулирующими отношения людей на основе закона. С позиций социологии правовая грамотность – это сформированная способность человека взаимодействовать в демократическом сообществе, проявляющаяся в наличии у него знания институциональной организации общества, принципов построения его законодательной базы, критичности мышления, осознания своих прав, умения действовать обдуманно и законопослушно, делать свой выбор и нести ответственность за его последствия, освоения языка правовой коммуникации, опыта участия в демократических процедурах.

Исходя из этого, в 2020 г. было проведено социологическое исследование методом анкетирования по вероятностной квотной выборке. Было опрошено 420 студентов Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А. (СГТУ) (51,0%) и Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (СГУ) (49,0%). В опросе принимали участие респонденты в возрасте от 18 до 27 лет; 96,0% – бакалавры, 4,0% – магистры; 53,3% студентов обучаются по техническим специальностям, 46,5% – по гуманитарным. Студенты в возрасте от 18 до 20 лет составили 65,0%, от 21 года и старше – 35,0%.

По половой принадлежности 50,5% – девушки, а 49,5% – юноши. Только учатся 60,5% студентов, совмещают учебу и работу – 39,5%.

В ходе исследования было важно выделить и оценить информационный компонент, который включает в себя: знания о правах и обязанностях; оценочный аспект, адекватное отношение к праву; регулирующий момент, отражающий субъективные установки на правовое поведение; когнитивный аспект, проявляющийся в чувстве незаменимости правомерного поведения; организационный ракурс, включающий структурирование деятельности и поведения студентов относительно государственных и общественных правовых институтов.

Опрос показал, что 93,5% студентов, особенно СГТУ (96,1%), полагают, что знание прав человека необходимо. При этом «технари» это мнение разделяют несколько чаще гуманитариев (соответственно 95,3 и 91,4%). Однако 6,5% считают, что нужно ограничиться лишь правами, которые имеют значение в сфере своих интересов. Такое мнение чаще разделяют студенты СГУ (9,2%), особенно – представители гуманитарных наук (8,6% против 4,7% «технарей»). Это свидетельствует об определенной степени прагматизма и мозаичности правовых представлений студенческой молодежи.

По мнению студенчества, право выполняет важные социальные функции в обществе. Так, 85,5% опрошенных, особенно студентов СГУ (87,8%), отметили, что право регулирует повседневное поведение людей; 61,5% респондентов указали, что право упорядочивает экономические отношения. Особенно на этом настаивали студенты СГТУ (66,7% против 61,5% по выборке). Они чаще других указывали на такую функцию права, как расширение кругозора индивидов (43,1%). Студенты СГУ чаще отмечали формирование общечеловеческих ценностей (60,2% против 55% по выборке) и укрепление политического строя общества (45,9% против 42%). При этом студенты технических специальностей больше подчеркивали важность правового регулирования повседневного поведения людей, экономических отношений, укрепления политического строя и расширения кругозора (табл. 1), студенты-гуманитарии чаще отмечали важность регулирования поведения людей и формирования у них общечеловеческих ценностей.

Контрольный вопрос о том, для чего нужно знать свои права (табл. 2), показал, что 81,5% студентов полагают, что им это необходимо для уверенности в собственной безопасности. Особенно на этом настаивали студенты СГТУ (82,9%), студенты гуманитарии (83,9%). Указали на то, что это важно для развития гражданского общества в стране, 66,0% опрошенных. Об этом чаще других говорили студенты СГУ (66,3%) и представители технических специальностей (66,4%). О том, что это – в интересах общества, отмечали

Таблица 1

Мнение студентов о социальных функциях права, % по положительным ответам по каждой функции

Социальные функции права	Тип специальности		По выборке
	техническая	гуманитарная	
Регулирует поведение людей	83,2	88,2	85,5
Упорядочивает экономические отношения	66,4	55,9	61,5
Формирует общечеловеческие ценности	48,6	62,4	55,0
Расширяет кругозор	47,7	36,6	42,5
Закрепляет политический строй общества	47,7	35,5	42,0

Таблица 2

Мнение студентов о значимости права, % по положительным ответам по каждой категории

Для чего необходимо знание права	Тип специальности		По выборке
	техническая	гуманитарная	
Для уверенности в своей безопасности	79,4	83,9	81,5
Для развития гражданского общества в стране	66,4	65,6	66,0
Для выполнения запросов общества	34,6	37,6	36,0

36,0% студентов, особенно гуманитарии (37,6%). Здесь следует заметить, что большинство студентов (64,0%) не согласились с этой общественной значимостью права, видимо, не придавая большого значения данной социальной функции для всего общества. Между тем праворегулятивная функция, направленная на обеспечение устойчивого, слаженного, динамичного и эффективного функционирования всех элементов правовой системы и общества в целом, создает гарантию на стабильность функционирования всего общества. Недооценка этого момента провоцирует у молодежи правовой нигилизм, низкий уровень законопослушности.

Студентам было предложено оценить свои знания права (табл. 3). Только 11,5% опрошенных (в СГТУ – 13,7%) заявили, что отлично знают основные права и могут применить это знание на практике. Среди представителей технической специальности таких в два раза больше – 15,9%. Подавляющее большинство (63,5%) ответили, что уверенно знают свои основные права, иногда могут применить на практике. Таковых было несколько больше среди студентов-гуманитариев (64,5%), что демонстрирует средний уровень правовой грамотности. Однако каждый пятый признался в больших пробелах своих

правовых знаний и неумении их применить на практике. Таковых больше было выявлено среди студентов СГУ (27,6%) и гуманитариев (29,0%), которые, видимо, более критичны в своей самооценке правовой грамотности.

Контрольный вопрос показал, что 79,5% студентов, особенно представителей технических специальностей (84,1%), заявляют о своем знании законов, защищающих права индивидов. Однако каждый пятый (среди гуманитариев каждый четвертый) признался в отсутствии таких правовых знаний, что показывает низкий уровень правовой грамотности студентов.

Было важно узнать, насколько студенты осведомлены о своих обязанностях, гражданских правах (табл. 4). Эта конкретизация показала, что 94,5% студентов (среди представителей технических специальностей – 97,2%) знают о праве на свободу и личную неприкосновенность, 93,0% – о праве на образование (среди представителей технических специальностей – 94,4%), 92,0% – о праве на жизнь. Большинство студентов знают также о праве на частную собственность (88,5%), на тайну переписки, телефонных переговоров (87,5%), на медицинскую помощь (82,0%), на неприкосновенность жилища (70,5%), на выплату заработной платы, возмещение вреда, информа-

Таблица 3

Субъективная оценка студентами различных типов специальности своих правовых знаний, % по положительным ответам по каждой категории

Субъективная оценка знаний своих прав	Тип специальности		Итого
	техническая	гуманитарная	
Отлично знаю свои основные права и могу применить на практике	15,9	6,5	11,5
Уверенно знаю свои основные права, иногда могу применить на практике	62,6	64,5	63,5
Знаю кое-что, но не могу применить на практике	21,5	29,0	25,0
Итого	100,0	100,0	100,0

цию об условиях труда (69,0%), на социальное обеспечение (66,0%), на благоприятную окружающую среду (58,0%). Однако только 29,5% (среди гуманитариев – 32,7%) указали на право участия в отправлении правосудия. Можно предположить, что с этим правом студенты почти не встречались в своей повседневной жизни.

Основной формой реализации права является закон, который выступает как абсолютная, единая для всех и при любых обстоятельствах норма. Убеждение в необходимости, полезности, целесообразности законов и иных правовых актов, внутреннее согласие с ними являются характерными чертами правовой грамотности личности, когда закон предстает в качестве высшей ценности, что продемонстрировали ответы студентов. Среди известных студентам законов (табл. 5) чаще всего назывались Конституция РФ (94,0%), Гражданский кодекс (84,9%), Закон о защите прав потребителей (81,3%), Трудовой

кодекс (78,9%), Семейный кодекс (66,3%). Несколько реже упоминался Закон о свободном передвижении (56,0%), Закон об основных гарантиях прав ребенка в РФ (56,0%), Кодекс об административных нарушениях (51,8%). Менее другим студентам известны Закон РФ об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан (47,6%), Закон о порядке выезда из РФ и въезда в РФ (42,8%) и Жилищный кодекс (39,8%). Видимо, это связано с тем, что студенты реже сталкиваются с данными законами в повседневной обыденности. При этом самооценка знаний представителей технических специальностей почти по всем законам выше, чем у студентов-гуманитариев.

Для определения степени сформированности правовой грамотности необходимо было определить уровень правосознания через призму обязанностей. Практически все студенты считают, что знают все (51,5%) или некоторые

Таблица 4

Права, известные студентам различных типов специальности, % по положительным ответам по каждой категории

Конкретные права	Тип специальности		Итого
	техническая	гуманитарная	
На свободу и личную неприкосновенность	97,2	91,4	94,5
На образование	94,4	91,4	93,0
На жизнь	91,6	92,5	92,0
На частную собственность	91,6	84,9	88,5
На тайну переписки, телефонных переговоров	90,7	83,9	87,5
На медицинскую помощь	86,9	76,3	82,0
На неприкосновенность жилища	71,0	69,9	70,5
На выплату заработной платы, возмещение вреда, информацию об условиях труда	70,1	67,7	69,0
На социальное обеспечение	67,3	64,5	66,0
На благоприятную окружающую среду	57,9	58,1	58,0
На участие в отправлении правосудия	32,7	25,8	29,5

Таблица 5

Законы, известные студентам различных типов специальности, % по положительным ответам по каждой категории

Известные студентам законы	Тип специальности		Итого
	техническая	гуманитарная	
Конституция РФ	95,7	92,0	94,0
Гражданский кодекс	87,0	82,4	84,9
Закон о защите прав потребителей	84,8	77,0	81,3
Трудовой кодекс	84,8	71,6	78,9
Семейный кодекс	65,2	67,6	66,3
Закон о свободном передвижении	62,0	48,6	56,0
Закон об основных гарантиях прав ребенка	51,1	62,2	56,0
Кодекс об административных нарушениях	54,3	48,6	51,8
Закон об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан	53,3	40,5	47,6
Закон о порядке выезда из РФ и въезда в РФ	44,6	40,5	42,8
Жилищный кодекс	39,1	40,5	39,8

(47,5%) свои обязанности. К ним они относят необходимость соблюдать Конституцию РФ и законы (94,9%), уважать права и свободы других лиц (92,9%), обязанность родителей заботиться о детях (86,8%), платить законно установленные налоги (86,3%), получать основное общее образование (84,8%), сохранять природу (81,7%), заботиться о сохранении исторического и культурного наследия (79,2%), защищать отечество (72,6%). Однако сравнительный анализ показал, что студенты в большей степени осведомлены о своих гражданских правах, нежели об обязанностях. Это может свидетельствовать о том, что молодые люди чаще всего ассоциируют право именно со своими правами и свободами, т. е. личными целями, интересами, возможностями. При этом осведомленность молодых людей о своих обязанностях имеет заметно более низкие показатели.

Основными источниками информации о правовых аспектах повседневной деятельности для студентов выступает Интернет. На это указали 68,0% студентов, чуть больше – студентов СГТУ (68,6%). При этом «технари» прибегают к интернет-информации чаще (73,8%). Видимо, поиск нужной информации существенно облегчают специализированные компьютерные правовые базы, которые дают возможность в короткие сроки найти необходимую документацию, а также ознакомиться с судебной практикой по интересующему вопросу, комментариями экспертов к законам.

На втором месте то, что они помнят со школы (58,5%). Это особенно свойственно гуманитариям (65,6%). Постигают право по учебникам и учебным пособиям 53,0% студентов, особенно гуманитарии (55,9%). Только 34,0% студентов читали тексты законов (среди «технарей» – 34,6%), что показывает невысокий уровень качества получаемой правовой информации. Другими источниками правовой информации для студентов являются родители (32,0%), сверстники (24,0%), телевидение (13,0%), мероприятия в вузе (13,0%), газеты, журналы (8,5%), радио (3,5%). Причем среди представителей технических специальностей больше тех, кто ориентирован на родителей, телевидение и различные мероприятия, среди гуманитариев больше тех, кто ориентирован на прессу. Таким образом, далеко не все источники правовой информации, используемые студентами, способны предоставить профессиональную полную правовую информацию, что провоцирует отрывочность и фрагментарность правовых знаний.

Полагают, что чаще всего права человека нарушаются в повседневной жизни, 84,0% студентов, особенно представители технических специальностей (86,0%), 11% считают, что это чаще происходит на работе. Только 5,0% (среди гуманитариев 7,5%) склонны обнаруживать нарушения прав человека в учебных процессах. Однако

в реальности большинство студентов (66,0%) с этим не имели дела. С ситуациями нарушения прав личности сталкивались лишь 34,0%, студенты технических специальностей – несколько чаще – 36,4%.

Правовая грамотность студентов предполагает не только ценностно-правовые ориентации и установки, она является детерминантом поведения личности, отражает их готовность использовать правовые нормы на основе убежденности в их полезности и целесообразности. Конкретизация показала, что каждый третий студент (в СГТУ – 46,9%) сталкивался с нарушениями права на личную неприкосновенность; 23,4% – встречались с проблемой нарушения прав потребителей; 16,2% студентов, особенно СГТУ (18,8%), имели ситуации с нарушением трудового права, 14,7% – с ограничением передвижения; 14,1% студентов (в СГТУ – 16,7%) не могли реализовать свое право на обращение в государственные и муниципальные органы; 13,2% опрошенных полагают, что имели дело с нарушением их прав на окружающую среду; 12,5% студентов (в СГУ – 17,6%, в СГТУ – почти в 3 раза меньше) отметили случаи нарушения их права на получение медицинской помощи. Кроме того, респонденты припомнили ситуации с нарушениями их прав на тайну переписки, на образование (по 9,4%) и на социальные выплаты (3,3%, в СГУ – 8,8%). При этом студенты технических специальностей чаще упоминали нарушения их прав на личную неприкосновенность, нарушения в трудовой сфере, в сфере передвижений, обращения к органам власти, тайны переписки и образования. Студенты-гуманитарии чаще жаловались на нарушения прав потребителей, а также в сферах окружающей среды, медицинской помощи и социальных выплат.

Говоря о правовых практиках, только каждый второй студент (среди гуманитариев – 58,1%) знает, куда можно обратиться в ситуации нарушения их прав: 51,4% (среди гуманитариев – 54,7%) обратились бы в полицию, 28,2% – в другие организации (министерство образования, комитеты по защите прав человека, потребителей и проч.). Среди гуманитариев таковых больше – 32,7%. За защитой обратились бы в суд 27,2% (среди «технарей» таковых 29,4%), 26,0% – в прокуратуру, 17,5% – к адвокатам, 9,7% (среди «технарей» – 11,8%) – в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ).

Однако в реальности случаи обращения в правозащитные органы происходили лишь у 16,5% опрошенных. Таким образом, можно констатировать, что правозащитная активность студентов находится на низком уровне. Из них 12,1% (преимущественно гуманитарии – 13,3%) получили необходимую помощь и полностью удовлетворены работой правозащитных органов; 30,3% студентов этой категории (преимущественно представители технических

специальностей – 38,9%) получили помощь, но лишь частично удовлетворены работой правозащитных институтов, увидели много недочетов. Большинство участников опроса (57,6%) не получили помощи и потому не удовлетворены работой правозащитных органов. Особенно часто об этом говорили гуманитарии (66,7%). Очевидная для студентов взаимосвязь правовой грамотности и повседневной жизнедеятельности обуславливает социологическую проблематизацию характера интеракции граждан и юридических институтов на уровне обыденности. В частности, речь идет о непосредственных контактах с представителями правопорядка, доступности юридических услуг, объективности судов, обязательности исполнения судебных решений, профессионализме юристов, их приверженности профессиональной этике и проч. Студентством отрицается легитимность правоприменительной практики, которая не ориентирована на достижение социальной справедливости в интересах личности, социальной группы, большинства населения.

Контрольный вопрос показал, что 69,5% студентов (среди представителей технических специальностей – 75,7%) полагают, что защита прав граждан в нашей стране работает плохо, права граждан нарушаются, необходимо все менять. В то же время 29,0% опрошенных (среди гуманитариев – 36,6%) считают, что защита прав наших сограждан работает стабильно, но нужно внести некоторые изменения в работу правозащитников. Только 1,5% студентов уверены, что с защитой прав все работает стабильно, не нужно ничего менять. Таким образом, выявился высокий уровень максимализма и нигилистичности студентов в отношении к правозащитным институтам в нашей стране.

В ходе опроса была смоделирована ситуация с нарушением прав человека (табл. 6). Выяснилось, что 27,0% студентов, преимущественно из СГТУ (28,0%), пройдут мимо такой ситуации и промолчат, что свидетельствует о низком уровне правовой активности и недоверии к правоохранительным органам. Низкий уровень доверия к правоохранительным органам, что отражено в низких показателях обращения к ним за помощью, объясняется во многом тем, что для респондентов характерен сегодня преобладающий страх и ощущение беззащитности перед

ними, неверие в законность, в возможности суда и прокуратуры наказать виновных в произволе. Прибегнут к помощи правоохранительных органов 35,0% студентов, преимущественно – гуманитарии (38,7%), вступятся и попытаются объяснить неправомерность и недопустимость такой ситуации 37,5%, среди последних больше представителей технических специальностей (40,2%).

Среди мер по повышению правовой грамотности, по мнению студентов, на первом месте находится необходимость более подробного изучения права в школах и вузах (57,1%), на втором – более активное информирование молодежи на различных бесплатных курсах, вузовских мероприятиях, с помощью СМИ (45,5%), на третьем месте – изменения в законодательстве в контексте более четкого прописывания прав человека (26,0%).

Таким образом, выявлен неоднозначный, противоречивый характер и средний уровень правовой грамотности студентов, поскольку большинство молодых людей лишь поверхностно ознакомлены со своими гражданскими правами и особенно обязанностями. Молодые люди в большей степени позиционируют право как нечто, регламентирующее их дозволенность, а не как механизм, регулирующий их поведение посредством определенных рамок. При этом уровень самооценки правовой грамотности студентов, особенно технической специальности, выше реального среднего показателя. При этом предполагаемые и реальные правовые практики студентов находятся на низком уровне.

Перспективы развития правовой грамотности студентов напрямую зависят от интенсификации и разнообразия социально-правовых интеракций, от рационализации их жизненного мира в целом. Во многом степень правовой лояльности студентов будет зависеть от уровня их вовлеченности в правовую коммуникацию. Значительный потенциал повышения уровня правовой лояльности студентов видится в популяризации и распространении правовых знаний, повышении их востребованности реальными жизненными практиками. Следует усилить курс юриспруденции в рамках общеобязательной образовательной подготовки, а также резко расширить круг соответствующих просветительских

Таблица 6

Реакция студентов различных типов специальности на правовые нарушения, % по типам специальности

Что вы предпримите, если при вас будут нарушены чьи-то права	Тип специальности		Итого
	техническая	гуманитарная	
Пройду мимо, буду молчать	28,0	26,9	27,5
Позову на помощь правоохранительные органы	31,8	38,7	35,0
Вступлюсь, объясню, что так делать нельзя	40,2	34,4	37,5
Итого	100,0	100,0	100,0

программ различного уровня. Для повышения уровня правовой грамотности недостаточно простого юридического информирования студентов. Требуется система мер по воспитанию их гражданственности, достижению ими состояния социальной зрелости, приданию юридическим нормам статуса императива.

Примечания

- ¹ См.: *Шамьенова Г. Р.* Принципы формирования правовой культуры в рамках реализации воспитательной работы со студентами в современном вузе // *Правовая культура*. 2020. № 1 (40). С. 95–106.
- ² См.: *Грандоня К. А.* Тенденции развития правовой

культуры в условиях глобализации // *Правовая культура*. 2018. № 2 (33). С. 34–35.

- ³ См.: *Куликова А. В.* Проблемы формирования правовой культуры населения России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2005.
- ⁴ См.: *Рогатых Д. А., Бекишев Ю. А.* Правовая грамотность молодежи как основа формирования правовой культуры // *СКИФ. Вопросы студенческой науки*. 2016. № 1. С. 31–35.
- ⁵ См.: *Кольжанов И. В., Харламов С. О.* Правовая грамотность молодежи и ее воспитание на современном этапе // *Комсомол в судьбах разных поколений страны : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Орел, 20 мая 2018 г.)*. Курск : ЗАО «Университетская книга», 2018. С. 57–59.

Образец для цитирования:

Айменов А. Ж., Шахматова Н. В. Правовая грамотность студенчества различных типов специальности (на примере г. Саратова) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 419–425. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-419-425>

Cite this article as:

Ayumenov A. J., Shakhmatova N. V. The Students' of Various Types of Specialty Legal Literacy (On the Example of Saratov). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 419–425 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-419-425>

УДК 316.74:2

Современные объяснительные модели религиозной конверсии: ограничения и эвристические возможности

Е. И. Уфимцева

Уфимцева Екатерина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ufim75@mail.ru

Статья посвящена обзору зарубежных теорий религиозной конверсии. Обозначаются междисциплинарный характер и степень изученности феномена религиозной конверсии в зарубежном и российском научных дискурсах. Дается характеристика теоретических моделей религиозной конверсии, представленных в рамках позитивистской, интерпретативной и интегративной парадигм религиозной конверсии. Рассматриваются основные теоретические положения зарубежных теорий религиозной конверсии. Обозначаются теоретико-методологические ограничения и эмпирические возможности теоретических моделей религиозной конверсии для изучения религиозной конверсии в современном российском обществе.

Ключевые слова: религиозная конверсия, религиозное обращение, теоретические модели религиозной конверсии.

Поступила в редакцию: 03.08.2020 / Принята: 20.08.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Modern Explanatory Models of Religious Conversion: Limitations and Heuristic Possibilities

E. I. Ufimceva

Ekaterina I. Ufimceva, <https://orcid.org/0000-0002-0164-2430>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ufim75@mail.ru

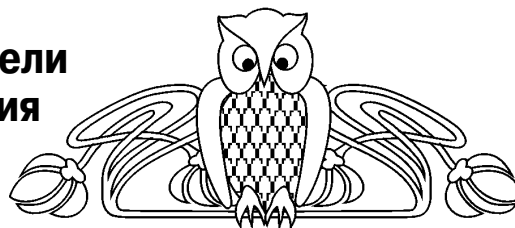
The article is devoted to the review of foreign theories of religious conversion. The interdisciplinary nature and degree of studying the phenomenon of religious conversion in foreign and Russian scientific discourses are identified. The theoretical models of religious conversion presented in the framework of positivist, interpretive and integrative paradigms of religious conversion are described. The main theoretical positions of foreign theories of religious conversion are considered. The theoretical and methodological limitations and empirical possibilities of theoretical models of religious conversion for the study of religious conversion in modern Russian society are outlined.

Keywords: religious conversion, theoretical models of religious conversion.

Received: 03.08.2020 / Accepted: 20.08.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-426-437>

Феномен религиозной конверсии (религиозного обращения) находится в поле зрения исследователей уже более века. В качестве отправной точки научного изучения религиозной конверсии принято считать работу У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта»¹ 1902 г., в которой исследователь на многочисленных примерах переживания религиозного опыта осуществляет поиск психологических закономерностей и механизмов этого процесса религиозной конверсии. Возникший первоначально в сфере психологии интерес к этой теме со временем распространился на сферы философии, антропологии, социологии. На современном этапе проблема религиозной конверсии носит междисциплинарный характер. В поле изучения социологии религиозная конверсия попадает в 1960-х гг., постепенно становясь одним из самых популярных объектов изучения в американской, английской, немецкой социологии². Как отмечает А. А. Игнатъев, за последнюю четверть XX в. феномен религиозной конверсии стал тематическим центром социологии религии³, что послужило формированию отдельного направления социологии конверсии в 1990-х гг. Социологический подход к религиозной конверсии, фокусирующий внимание на изучение религии как социального процесса, включает: 1) характеристику социальной ситуации (на макро- и микроуровнях), в рамках которой осуществляется религиозная конверсия; 2) выявление социальных факторов, влияющих на возникновение религиозной конверсии и на степень ее успешности; 3) стадии процесса религиозной конверсии; 4) анализ последствий для верующих их входа в новую религиозную среду⁴.

За более чем вековой период европейские и американские ученые, не ограниченные идеологическим табуированием, издали около 300 научных работ, посвященных проблеме религиозной конверсии⁵. В зарубежной науке сложилось несколько научных парадигм и теорий религиозной конверсии. Анализ имеющихся подходов к изучению религиозной конверсии представлен в работах российских исследователей Л. А. Ардашевой, А. С. Астаховой, И. С. Булановой, Т. В. Дорофеевой, И. П. Ипатовой, А. И. Любимовой. Наиболее полное и системное изложение зарубежных теорий религиозной конверсии осуществлено В. Б. Исаевой. Предваряя обзор имеющихся в зарубежном научном дискурсе теоретических моделей религиозной конверсии, следует заметить, что зарубежные исследовате-

ли, концептуализируя данный процесс, описывают именно феномен изменения (трансформации, смены) религиозной принадлежности (религиозной идентичности) индивида, при котором происходит отказ от одной системы религиозных верований и образцов поведения в пользу другой. Свое исследовательское внимание они обращают преимущественно на выявление основных мотивов религиозной конверсии и социальных факторов, способствующих этому процессу.

Как указывает В. Б. Исаева, имеющиеся концепции религиозной конверсии можно дифференцировать в соответствии с тремя традиционными для социологии научными парадигмами: позитивистской, интерпретативной и интегративной⁶. Основная научная дискуссия, отражающая различие указанных подходов, касается вопроса преимущественного влияния на процесс религиозной конверсии: исходит ли оно от личности – субъекта конверсионного процесса, или от социальных групп, общностей, институтов. Первая парадигма исследования религиозной конверсии, именуемая в социологии конверсии как «традиционная» («старая», «классическая»), исследует и описывает влияние социальных структур на поведение конвертита. В. Б. Исаева относит к данной парадигме две теоретические модели религиозной конверсии – «модель социальных связей» и «ресурсную модель». Вторая парадигма, называемая «активистской» («новой», «современной»), в фокусе внимания содержит личностные смыслы, мотивы конвертитов. В рамках второй парадигмы В. Б. Исаева выделяет три концептуальных модели конверсии – «ролевою», «коммуникативную», «интенциональную». Интегративная парадигма религиозной конверсии стала ответом на активную критику классических подходов и предложила идею комплексного анализа структурных и субъектных параметров религиозной конверсии. В рамках интегративной парадигмы В. Б. Исаева рассматривает три концепции религиозной конверсии – «междисциплинарную», «рыночную» и «биографическую».

Исторически первой социологической концепцией религиозной конверсии стала «модель социальных связей» (у Т. В. Дорофеевой «процессная модель»⁷), разработанная Дж. Лофландом и Р. Старком в 1965 г. Исследователи предложили рассматривать процесс религиозной конверсии как процесс отказа от одной картины мира в пользу другой, который происходит по мере распада имеющихся социальных отношений индивида и его интеграции в новую систему социальных отношений. Главная конверсионная роль в «модели социальных связей» отводится структурным взаимодействиям: во-первых, первоначальному фактору религиозного обращения – депривации, которая переживается конвертитом как результат изначальных взаимодействий; во-вторых, формированию эмоциональных и

интерактивных связей с адептами религиозной организации. В. Б. Исаева указывает, что данная модель имеет определенные недостатки: она не объясняет, почему индивид совершает выбор новой картины мира, какими смыслами для него определяется этот выбор; игнорирует роль предшествующей социализации; объясняет вхождение в религиозное сообщество эмоциональностью и иррациональностью⁸.

Принимая во внимание имеющиеся недостатки концепции религиозной конверсии Дж. Лофланда и Р. Старка, с нашей точки зрения, можно выделить некоторые ее теоретико-методологические ресурсы. Во-первых, исследователи указывают на процессуальный и поступательный характер религиозной конверсии, тем самым отмечая возможность выявления определенных этапов данного процесса. Во-вторых, они выделяют ядро личностных изменений в процессе религиозной конверсии – изменение индивидуальной картины мира. В-третьих, они определяют пусковой мотивационный фактор религиозной конверсии – депривацию индивида. В-четвертых, не только указывают на значимость социальных связей индивида с религиозной группой в процессе религиозной конверсии, но и акцентируют внимание на эмоциональном содержании этих связей и интенсивности индивидуальной коммуникации с религиозной группой. Все указанные узловые идеи «модели социальных связей», с нашей точки зрения, представляют собой значимые теоретические основания для эмпирического исследования религиозной конверсии.

Результатом дальнейшей концептуализации религиозной конверсии стала концепция Р. Старка и У. Бейнбриджа, обозначенная В. Б. Исаевой как «ресурсная модель» (у Т. В. Дорофеевой «теория рационального выбора»). В своей теории религиозного обращения исследователи сделали акцент на идее депривации индивида, определив депривацию в качестве главного побуждающего механизма религиозной конверсии. Длительное и остро переживаемое отсутствие каких-либо значимых ресурсов в жизни индивида (символических, материальных, социальных, психологических) предопределяет его поиск источников этих ресурсов или желание компенсировать их отсутствие в символической форме. По логике исследователей, в поисках необходимых ресурсов индивид обращается к религиозным организациям, которые компенсируют его недостаток своими символическими, материальными, социальными, психологическими ресурсами по мере присоединения к ним. Так как мотив поиска конвертитом депривационных компенсаторов определяется исследователями в качестве ведущего в процессе религиозной конверсии, когнитивная составляющая данного процесса уходит на второй план. Исследователи констатируют, что присоединение к религиозной организации не всегда сопровождается когнитивными изменениями – сменой картиной

мира, и предлагают рассматривать религиозную конверсию как аффилиацию – двусторонний процесс, подразумевающий, с одной стороны, вступление индивида в религиозную группу, с другой – рекрутирование этого индивида религиозным сообществом⁹. При этом в качестве основного фактора аффилиации обозначается возникновение дружеских отношений конвертита с адептами религиозной организации.

Основная критика «ресурсной модели» религиозной конверсии касается абсолютизации прагматического и аффилиационного характера религиозного выбора и нивелирования собственно религиозных смыслов обращения. Принимая во внимание критику указанных аспектов концепции религиозного обращения Р. Старка и У. Бейнбриджа, нам представляется необходимым указать методологически полезные идеи данной концепции. С нашей точки зрения, важной для изучения эмпирических случаев религиозной конверсии является идея, что депривация личности как чувство лишения определенных ресурсов формирует индивидуальный мотивационный базис конверсионного процесса. Соответственно, личностные мотивы религиозной конверсии могут быть различны и включать как религиозные, так и не религиозные смыслы. В качестве не религиозных могут выступать психологические (желание эмоциональной близости, поиск групповой поддержки), социальные (обретение/повышение социального статуса, профессиональная мобильность), материальные смыслы (материальная и финансовая помощь). При этом можно предположить, что в социальной практике возможны случаи, когда конвертит руководствуется либо религиозными мотивами обращения, либо не религиозными, а также и теми, и другими в различном их сочетании. Выявленный Р. Старком и У. Бейнбриджем мотивационный плюрализм религиозной конверсии является теоретическим основанием для, во-первых, изучения возможного спектра мотивационных случаев религиозной конверсии, во-вторых, для выявления связи индивидуальной мотивационной составляющей религиозной конверсии с социальными условиями; в-третьих, для описания трансформационных процессов мотивационной составляющей религиозной конверсии. Необходимо также отметить, что Р. Старк и У. Бейнбридж указали на особую важность социальных связей в процессе религиозной конверсии. Они обратили внимание на тот факт, что люди могут становиться адептами религиозной группы не вследствие личного религиозного поиска, а по причине дружеских отношений с теми, кто присоединился к группе по религиозным мотивам. Важно также, что Р. Старк и Бейнбридж обозначили необходимость учета макросоциальных факторов религиозной конверсии, среди которых они выделили социальный статус традиционной религиозной организации в обществе¹⁰.

Как отмечает В. Б. Исаева, общей характеристикой интерпретативных (понимающих) моделей религиозной конверсии, разработанных на основе феноменологической социологии и символического интеракционизма, является акцентуация индивидуальной активности в процессе религиозной конверсии¹¹. В рамках понимающей парадигмы конвертит рассматривается как инициативный и рефлексивный субъект религиозной конверсии, а религиозная конверсия – как свободный и осознанный личностный акт и выбор. Одной из таких моделей является «ролевая модель» религиозной конверсии, которая разрабатывалась Д. Бромли, Р. Балчем, Дж. Ричардсоном, Р. Стросом, Э. Шумпом. Представители «ролевой модели», с одной стороны, сохраняют приверженность теоретической позиции Р. Старка и У. Бейнбриджа, определяя религиозную конверсию как процесс аффилиации, т. е. группового присоединения. С другой стороны, они иначе интерпретируют роль конвертита в процессе религиозной конверсии, подчеркивая активный и поисковый характер его поведения. В «ролевой модели» эффективность религиозной конверсии зависит как от группы, так и от конвертита. В рамках «ролевой модели» религиозная конверсия рассматривается как процесс взаимодействия между конвертитом и религиозной группой, в результате которого конвертит осваивает роль адепта соответствующей религиозной организации. Представители «ролевой модели» исследуют, что предпринимает конвертит, чтобы стать адептом религиозного сообщества. Р. Балч обратил внимание на то, что конвертиты учатся религиозному поведению, подражая адептам религиозного сообщества¹². Через освоение роли адепта происходит социализация конвертита в религиозном сообществе, знакомство и принятие им новой картины мира, системы ценностей. В «ролевой модели» когнитивные изменения конвертита являются следствием его поведенческих изменений, его интеграции в религиозное сообщество. Так, С. Уилсон на примере обращенного в движении ашрам йоги, а Д. Престон на конвертитах в дзен показали, что поведенческие изменения конвертитов происходят до того, как они усваивают особенности верований¹³. Отказавшись от идеи конкретных этапов религиозной конверсии индивида, Д. Бромли и Э. Шумп предложили пять обязательных ее компонентов: предопределяющие факторы, интерес конвертита к религиозной группе, участие в деятельности организации, активное взаимодействие с религиозной группой, религиозная принадлежность. Индивидуальные особенности компонентов религиозной конверсии формируют индивидуальную «конверсионную карьеру» – понятие, введенное Дж. Ричардсоном для обозначения индивидуальной истории взаимодействия конвертита с религиозным сообществом¹⁴. С точки зрения В. Б. Исаевой, ключевым параметром

процесса религиозной конверсии в «ролевой модели» выступает категория интереса конвертита к религиозной группе¹⁵. Она противопоставляет категорию интереса категории девиации, считая, что именно индивидуальные интересы стимулируют взаимодействие конвертита с религиозной группой и определяют его выбор. Поэтому В. Б. Исаева предлагает рассматривать интерес как субъектный элемент механизма религиозной конверсии. По ее мнению, знание социальных уловий возникновения интереса субъекта к религиозной группе может позволить объяснить сам феномен религиозной конверсии.

«Ролевая модель» не лишена методологических ограничений, из которых основными являются: отсутствие исследовательского внимания к факторности социокультурного контекста конверсии, упущение мотивационного содержания конверсии, акцентуация аффилиационного значения конверсии в ущерб исследованию ее когнитивного значения для индивида, игнорирование механизма формирования религиозной принадлежности в процессе конверсии. Имеющие место ограничения «ролевой модели» религиозной конверсии не лишают ее эмпирических возможностей, к которым, с нашей точки зрения, можно отнести следующие.

Во-первых, как нам представляется, «ролевая модель» не противоречит позитивистским моделям, а дополняет их в вопросе понимания роли личности в процессе религиозной конверсии. Она дополняет позитивистски обозначенный спектр отношений конвертита и религиозного сообщества (объект-субъектные отношения) субъект-объектными и субъект-субъектными видами отношений. Из чего следует, что отношения между конвертитом и религиозным сообществом в рамках отдельных эпизодов (периодов) конверсионной карьеры индивида могут строиться по-разному, и в контексте конверсионной карьеры один вид отношений может сменяться другим. Структурные и динамические особенности отношений конвертита и религиозного сообщества, по нашему мнению, будут определять индивидуальные особенности личной конверсионной карьеры.

Во-вторых, важным вкладом «ролевой модели» в изучение феномена религиозной конверсии является дифференциация этапности и параметровости этого процесса. Указанное разграничение позволит при изучении эмпирических случаев религиозной конверсии осуществить сравнительный анализ параметров религиозной конверсии на тех или иных ее этапах.

В-третьих, значимым достижением «ролевой модели» является акцентуация статусно-ролевого аспекта религиозной конверсии, что позволяет, с одной стороны, определить аффилиационную цель этого процесса – обретение индивидом статуса адепта религиозной организации, с другой стороны, выделить способ достижения

этой цели – освоение роли адепта религиозной организации. На эмпирическом уровне это позволит сосредоточить исследовательское внимание на выявлении и описании статусных и ролевых характеристик адепта изучаемой религиозной организации, на описании практик освоения ролевого поведения адепта, на определении значения и роли участников конверсии в процессе освоения этих практик.

В-четвертых, «ролевая модель» дополняет «модель социальных связей», показывая, что социализация в религиозное сообщество может иметь не только когнитивно-поведенческую направленность, но и поведенческо-когнитивную. В индивидуальном случае конверсия может осуществляться как в направлении от когнитивных изменений к изменению поведения, так и, наоборот, от изменения практики к изменению мировоззрения и системы ценностей. Эмпирическое изучение направленности конверсии в индивидуальных случаях позволит не только выявить и описать разные модели религиозной конверсии с учетом специфики ее направленности, но и выделить факторы, определяющие вектор этой направленности.

«Коммуникативная модель» религиозной конверсии, основанная на феноменологическом и интеракционистском базисе, разрабатывалась в трудах ученых Т. Лукмана, А. Мосса, Р. Мэчеллика, Д. Сноу, К. Стэплесса, Б. Тэйлора, Р. Травизано, Б. Ульмера, М. Хайрича. В отличие от предыдущих моделей, коммуникативный подход актуализирует не аффилиационный, а когнитивный аспект религиозной конверсии, предлагая сместить фокус исследовательского внимания на трансформацию мировоззрения конвертита. В рамках «коммуникативной модели» религиозная конверсия определяется как процесс радикального изменения «я-концепции» (идентичности), обусловленного принятием нового «дискурсивного универсума» – системы интерпретаций повседневной реальности. Для объяснения основной причины отказа индивида от одной картины мира в пользу другой представители «коммуникативной модели» используют понятие «биографический кризис». М. Хайрич интерпретирует «биографический кризис» как ситуацию, в которой индивид переживает противоречие между собственными представлениями о реальности и объективными обстоятельствами, которые не могут быть игнорированы¹⁶. Выходом из возникшей ситуации является поиск новой интерпретативной системы, которая способна ликвидировать возникшие противоречия. Переживаемый конвертитом религиозный опыт оценивается им как событие, обнаруживающее возможный способ и средства решения возникших противоречий. Таким образом, в «коммуникативной модели» субъективным основанием пускового механизма религиозной конверсии выступает «биографический кризис», «точкой

впечатления» (П. Стромберг применяет термин для обозначения момента установления связи между индивидом и новым мировоззрением) – переживание религиозного опыта, а сама религиозная конверсия происходит в мировоззренческой плоскости.

Склонность конвертитов осмысливать свою конверсионную биографию в терминах «до» и «после» религиозного опыта позволила исследователям выделить три стадии этого процесса: 1) предконверсионный жизненный опыт, который часто интерпретируется конвертитам как, с одной стороны, негативный, неудовлетворительный, проблемный, с другой стороны, подготовительный к процессу конверсии; 2) индивидуальное переживание религиозного опыта, рассматриваемого как ключевое биографическое событие и поворотное событие конверсии; 3) постконверсионный жизненный опыт, описываемый в оценочных суждениях подлинности, истинности, позитивности. Биографический путь до и после переживания религиозного опыта контрастируется конвертитом, обращается внимание на радикальное изменение мировоззрения и образа жизни после переживания религиозного опыта, прежние мировоззрение и идентичность рассматриваются как неверные, значимые с точки зрения конвертитов элементы прежней биографии реинтерпретируются с учетом нового принятого дискурсивного универсума. Данный феномен в социологии конверсии получил название «биографической реконструкции», которая, с точки зрения представителей «коммуникативной модели», представляет собой не только значимый индикатор конверсии и «конверсационной риторики» (вербальные модели и стратегии самопрезентации конвертитов), но и сам механизм радикального изменения идентичности индивида.

Биографическая реконструкция становится возможной вследствие знакомства конвертита с конверсионным нарративом религиозного сообщества. Конверсионный нарратив религиозного сообщества представлен письменными и устными текстами. Знакомясь с конверсионным нарративом, конвертит переписывает индивидуальную биографию в свете новой веры. Как указывает К. Мафра, религиозное обращение представляет собой усвоение конвертитом религиозного предания, импонирующего религиозного сообщества¹⁷. Осваивая это предание, конвертит устанавливает смысловые связи между своей индивидуальной биографией и преданием, встраивая предание в повествование о своей жизни. Таким образом, коллективный религиозный опыт становится частью индивидуального биографического опыта конвертита. Конверсионный нарратив, конверсационная риторика и биографическая реконструкция, с позиции представителей «коммуникативной модели», являются структурными элементами религиозной

конверсии. Их функция, по мнению Б. Ульмера, заключается в том, чтобы объективировать субъективно пережитый религиозный опыт, интерпретировать его как основную причину религиозной конверсии, подтвердить статус адепта¹⁸. С нашей точки зрения, конверсионный нарратив, конверсационная риторика и биографическая реконструкция не только объективируют субъективно пережитый религиозный опыт, но и субъективируют исторический коллективный опыт религиозной общности, тем самым формируя религиозную идентичность конвертита.

Значимость конверсионного нарратива в структуре религиозной конверсии определяет направленность «коммуникативной модели» на изучение вербальных стратегий презентации религиозного опыта. Более того, конверсионный нарратив становится основным объектом исследования в «конверсионной модели» как способ формирования новой религиозной идентичности.

«Коммуникативная модель» религиозной конверсии так же, как и остальные модели, имеет свои методологические ограничения и возможности. Во-первых, вследствие исследовательской центрированности на вербальных стратегиях репрезентации религиозной конверсии, с нашей точки зрения, в «коммуникативной модели» происходит смещение фокуса научного анализа. Место процесса религиозной конверсии в его объективной данности занимает процесс индивидуального субъективного конструирования в сознании конвертита образа религиозной конверсии. Естественно, что доступ к объективности проходит через субъективность восприятия, однако субъективное восприятие и объективная реальность не одно и то же. Во-вторых, с нашей точки зрения, абсолютизация роли конверсационной риторики в структуре религиозной конверсии неоправданна. Конверсационная риторика может рассматриваться как один из структурных элементов религиозной конверсии, но в связи с другими ее элементами: конверсионными практиками, конверсионной коммуникацией, конверсионными отношениями и связями. Конверсионные практики и конверсионные взаимодействия в той же степени, что и конверсационная риторика, могут рассматриваться как способы легитимации статуса адепта религиозной организации. Также необходимо учитывать, что значение конверсационной риторики в разных религиозных традициях будет различным. Если в протестантских деноминациях, новых религиозных движениях конверсационная риторика (особенно в публичной трансляции) имеет большое значение и действительно выступает способом публичного признания конвертита адептом религиозной организации, то, например, в православной традиции конверсионная риторика может получить свое выражение только в исключительных случаях, например в процессе интер-

вьюирования конвертита. С нашей точки зрения, основным способом легитимации статуса адепта в православной традиции будет религиозная практика. В-третьих, мы согласны с В. Б. Исаевой в том, что «коммуникативная модель» рассматривает религиозную конверсию достаточно узко – в биографическом контексте, оставляя за скобками исследования ее социокультурную составляющую¹⁹. В-четвертых, «коммуникативная модель», вводя категорию религиозного опыта, применяет понятие «конверсия» как ко всему процессу личностной трансформации, так и к событию непосредственного переживания религиозного опыта. Следует отметить, что подобная неоднозначность использования данного понятия встречается не только у представителей «коммуникативной модели» и способствует терминологической путанице. С нашей точки зрения, чтобы избежать этого, необходимо уже на этапе теоретического анализа разграничить как сами социальные факты конверсии и переживания религиозного опыта, так и их определения.

Несмотря на указанные ограничения «коммуникативной модели», она обладает рядом значимых для эмпирического исследования и интерпретации его результатов возможностями. Ценность «коммуникативной модели» религиозной конверсии заключается не только в том, что она стремится выявить субъективные причины и механизмы религиозного поиска, объяснить изменение приверженности субъекта дискурсивному универсуму, описать трансформацию мировоззрения конвертита. «Коммуникативная модель» дополнила аффилиационные модели, рассматривающие конверсию как изменение структуры социальных связей, когнитивным аспектом изучения, акцентируя внимание на личностных изменениях конвертита: смене мировоззрения, отношения к себе и окружающему миру, характерологических изменениях. На современном этапе исследований религиозной конверсии когнитивная и аффилиационная составляющие данного процесса рассматриваются как основания для дифференциации двух основных форм конверсии, у разных исследователей получивших различные названия: символической и социальной (Д. Бромли), конверсии и аффилиации (Г. Гурен), конверсии и альтернативы (М. Вольраб-Сар). С нашей точки зрения, когнитивную и аффилиационную составляющие религиозной конверсии нужно рассматривать не в противопоставлении, а в дополнении друг другу, что, во-первых, позволяет описывать данный процесс в целостности его социально-психологических составляющих, во-вторых, определить мировоззренческие и коммуникационные изменения конвертита как базовые критерии религиозной конверсии. Также «коммуникативная модель», вводя категорию «биографический кризис», дополняет предыдущие модели в определении пускового механизма конверсии.

Таким образом, пусковым механизмом данного процесса могут быть не только личностная депривация, интерес личности, но и биографический кризис. Очень важным достижением «коммуникативной модели», по нашему мнению, является выявление значимого структурного элемента процесса религиозной конверсии – субъективного переживания религиозного опыта. Наличие этого компонента позволяет дифференцировать религиозную конверсию и отличать ее от иных видов и форм группового присоединения или аффилиации. «Коммуникативная модель» предлагает также фундаментальные критерии религиозной конверсии, имеющие очень важное эмпирическое значение. Такими критериями являются конверсационная риторика и биографический нарратив «реконструктивного типа», т. е. содержащий в себе биографическую реконструкцию. Наличие такого критерия позволяет на субъективном уровне идентифицировать конвертита и состоявшийся в его биографическом опыте процесс конверсии.

«Интенциональная модель» религиозной конверсии, разработанная Дж. Даутоном, представляет собой концепцию, стремящуюся к интеграции аффилиационного и когнитивного понимания данного процесса. Она предлагает рассматривать религиозную конверсию как субъективный десятиступенчатый процесс ассимиляции новых верований и новых практик, происходящий под влиянием как субъективных, так и объективных факторов. Пусковым механизмом религиозной конверсии в «интенциональной модели» выступает разочарование индивида в общих ценностях и образцах поведения; социальными факторами – ослабление привычных социальных отношений и связей, формирование эмоционально позитивных социальных отношений и связей с религиозной группой; личностными факторами – материальные и моральные инвестиции в деятельность религиозной группы; результатом – трансформация картины мира и идентичности ввиду накопления опыта религиозной принадлежности.

Сосредоточиваясь на выявлении субъективных и объективных факторов конверсии, «интенциональная модель» опускает смысловую составляющую конверсионного процесса. Так же, как и другие модели, она остается методологически нечувствительной к анализу социокультурных условий религиозной конверсии. Вместе с тем она дополняет имеющийся теоретико-методологический базис исследований религиозной конверсии новыми положениями. Во-первых, данная модель указывает не только на аксиологические и социальные причины религиозной конверсии, но и на собственно религиозные. Во-вторых, к достоинствам модели относится рассмотрение опыта участия в религиозной деятельности группы как необходимого фактора когнитивных изменений лично-

сти конвертита. Трансформация идентичности конвертита происходит в результате накопления такого опыта.

«Междисциплинарная модель», «рыночная модель» и «биографическая модель» религиозной конверсии представляют интегративную парадигму в социологии конверсии и характеризуются комплексным подходом к описанию данного феномена. «Междисциплинарная модель» (у Т. В. Дорофеевой «интегративная модель») религиозной конверсии была разработана Л. Рэмбо на базе антропологических, психологических и социологических исследований. Как указывает Л. П. Ипатова, религиозная конверсия в рамках данной модели рассматривается как комплексный процесс формирования религиозной идентичности, включающий семь последовательных этапов: контекст, кризис, поиск, встречу, интеракцию, религиозную принадлежность, последствия²⁰. Описывая категорию «контекста», Л. Рэмбо указывает на факторность общих микро- и макросоциальных условий в процессе религиозной конверсии. Макроуровень включает политическое, социальное, экономическое и религиозное измерение, микроуровень – внутреннюю мотивацию, опыт и устремления. Взаимообусловленность макро- и микросоциальных факторов биографического контекста конвертита создают определенные предпосылки для переживания им состояния аксиологического кризиса – утраты им значимости имеющихся ценностных ориентаций. Переживание субъектом аксиологического кризиса является пусковым механизмом религиозной конверсии и мотивирует его на активный поиск иного дискурсивного универсума. Стадии «интеракции» предшествует стадия «встречи» с проповедником. На стадии «интеракции» происходит взаимодействие конвертита и адептов религиозной группы, в процессе которого конвертит знакомится с религиозными практиками, усваивает роль адепта и религиозную риторику. Стадия «приверженности» является ключевой, так как на этой стадии конвертит делает сознательный выбор: быть или нет адептом религиозной группы. Последствиями выбора религиозной принадлежности являются принятие власти группы, биографическая реконструкция и мотивационное переформулирование.

Как указывает В. Б. Исаева, междисциплинарная модель религиозной конверсии Л. Рэмбо критиковалась за всеохватность и эмпирическую неопределенность²¹. Л. Рэмбо допускает, что «кризис», который мотивирует субъекта к религиозному поиску, может быть политическим, социальным, религиозным и т. д., что предполагает различные траектории интерпретации механизма и логики развития религиозной конверсии. При этом «междисциплинарная модель» описывает трансформацию идентичности конвертита как последовательную очередность определен-

ных социальных событий, социальных фактов, не объясняя смыслового значения этих фактов для конвертита и мотивации его личностного выбора. Необходимо отметить, что, несмотря на имеющиеся методологические ограничения, «междисциплинарная модель» Л. Рэмбо обрела значительную популярность среди исследователей религиозной конверсии за счет ее эмпирической универсальности и возможности применения в различных социокультурных контекстах. Также нам представляется важным, что «междисциплинарная модель» указывает на тот факт, что конвертит на определенном этапе религиозной конверсии совершает сознательный выбор присоединения к религиозной группе. Из чего следует, что конвертит является не пассивным, а активным участником религиозной конверсии.

Авторами «рыночной модели» религиозной конверсии являются американские социологи У. Бейнбридж, Р. Старк, Р. Финке. Содержание «рыночной модели» составляет теория рационального выбора религии, уходящая корнями в теорию социального обмена Г. Хоманса и П. Блау. Основная идея «рыночной модели» заключается в том, что религиозное поведение и отношения индивидов строятся на основе экономических принципов обмена. Поэтому для формулирования своей концепции исследователи вводят такие понятия, как «рынок религиозных товаров и услуг», «религиозная экономика», «ассортимент религиозных товаров», «религиозные вкусы и предпочтения», «религиозный капитал», «религиозная конкуренция», «религиозный спрос», «религиозное предложение», «религиозные издержки», «религиозная прибыль».

Религиозная конверсия в рамках «рыночной модели» понимается как совершаемый индивидом рациональный выбор религиозных товаров и услуг определенной религиозной организации, обусловленный его религиозными вкусами и предпочтениями, а также имеющимся на религиозном рынке ассортиментом религиозных товаров и услуг, предлагаемых конкурирующими между собой религиозными организациями. В качестве значимых факторов религиозной конверсии в «рыночной модели» выделяются: религиозная свобода и религиозный плюрализм в обществе, динамика торгового предложения религиозных товаров, положение религиозной организации в религиозной экономике страны и ее «культурная политика», религиозный и социальный капитал конвертита. Религиозная свобода и религиозный плюрализм в обществе рассматриваются как базовые предпосылки возможности формирования рынка религиозных организаций и, соответственно, возможности осуществления личностного выбора религиозной организации. Динамика торгового предложения религиозных организаций обеспечивает наличие, объем и разнообразие ассортимента религиозных товаров и услуг и, следовательно, также влияет на лич-

ностный выбор религиозной организации. С точки зрения представителей «рыночной модели», потребности индивидов, которые могут удовлетворять религиозные организации, остаются неизменными, но могут меняться возможности удовлетворения этих потребностей. В конкурентной борьбе будут выигрывать религиозные организации, способные сформировать более выгодное предложение для религиозного потребителя. Положение религиозной организации в религиозной экономике страны, по мнению представителей «рыночной модели», характеризует степень различия ценностей и социальных норм религиозной организации и общества, в котором действует данная организация.

М. Гурен использует понятие «культурная политика» для определения стратегии соотношения ценностей и социальных норм религиозной организации с ценностями и социальными нормами общества²². Исследователь считает, что «культурная политика» может использоваться как средство в конкурентной борьбе с другими религиозными организациями за религиозного потребителя и, соответственно, выступать значимым фактором религиозной конверсии. Религиозный капитал рассматривается как совокупность знаний и навыков в религиозной сфере, приобретаемых в процессе религиозной социализации индивида. Социальный капитал определяется как совокупность социальных связей с значимыми другими. Обозначая факторность религиозного и социального капитала, представители «рыночной модели» утверждают, что при выборе религии индивиды руководствуются мотивами приращения имеющихся у них религиозного и социального капитала. Соответственно, сохранение приверженности традиционной для общества религии будет присуще тем субъектам, которые уже имеют, выражаясь терминологией «рыночной модели», значительный капитал религиозных знаний и умений, а также эмоционально значимых социальных отношений и связей на счету в банке соответствующей религиозной организации. И наоборот, для тех, у кого отсутствует религиозный капитал, а принадлежность религиозной группе формальна, будет свойствен выбор нетрадиционных для данного общества религиозных организаций.

В. Б. Исаева указывает несколько оснований, по которым критикуется «рыночная модель» религиозной конверсии, а именно: исключительно инструментальная трактовка рациональности религиозного выбора и игнорирование его ценностных, эпистемологических и биографических оснований; трактовка религиозной свободы и плюрализма как единственного условия религиозной конверсии; учет только религиозной экономики в качестве макросоциальных факторов религиозной конверсии и игнорирование политических и собственно экономических факторов; отсутствие четкого определения ре-

лигиозной конкуренции; акцентирование исследовательского внимания только на религиозном предложении ввиду признания постоянности религиозного спроса; религиозная конверсия рассматривается без учета жизненного опыта конвертита, его биографической ситуации, определяющей его личный религиозный выбор²³. Следует также добавить, что интерпретация религиозной конверсии как способа получения некой материальной и социальной выгоды будет применима только в тех случаях религиозной конверсии, когда конвертиты стали адептами, получив желаемое. К ситуациям, когда конвертиты не обрели той пользы или выгоды, которые изначально мотивировали их присоединение к религиозной группе, но несмотря на это стали адептами религиозной группы, интерпретация религиозной конверсии, предлагаемая «рыночной моделью», не будет применима.

В то же время, с нашей точки зрения, «рыночная модель» предлагает ряд методологически значимых для изучения религиозной конверсии идей. Во-первых, данная концепция предлагает не односторонний (субъективный или структурный), а комплексный подход к пониманию религиозной конверсии, рассматривая его не только как процесс активного религиозного поиска конвертита и не только как результат религиозного институционального влияния на индивида, а как процесс взаимодействия личности и социальных институтов в религиозной сфере и результат этого взаимодействия. Тем самым «рыночная модель» выражает идею сочетания индивидуальных и социальных условий религиозной конверсии.

Во-вторых, «рыночная модель» выделяет основные параметры личностных и социальных условий религиозной конверсии. К параметрам личностных условий она относит: религиозные потребности конвертита; характер принадлежности конвертита к религиозной группе, выражающийся в наличии религиозной веры, степени религиозной образованности, интенсивности религиозной практики и религиозных взаимодействий, эмоциональной вовлеченности в деятельность и отношения религиозной группы; религиозные предпочтения и вкусы конвертита. Основные параметры социальных условий религиозной конверсии, разработанные «рыночной моделью», можно распределить по трем уровням: микросоциальному, мегасоциальному и макросоциальному. К микросоциальным условиям религиозной конверсии будут относиться условия религиозной социализации индивида, определяющие объем и содержание его религиозного и социального капиталов. Несмотря на то что в рассматриваемой концепции условия религиозной социализации не конкретизируются, важно, что они определяются как значимые в процессе религиозной конверсии. К мегасоциальным условиям религиозной конверсии можно отне-

сти «культурную политику» религиозной организации, adeptом которой становится конвертит в процессе конверсии. Макросоциальные условия будут включать особенности религиозной экономики страны: особенности государственного регулирования религиозной сферы общества, организационную структуру религиозной сферы общества. Изучение указанных параметров, с нашей точки зрения, позволит объяснить причинность и характер эмпирических случаев религиозной конверсии.

В-третьих, несмотря на то что мы солидарны с исследователями, критикующими «рыночную модель» за инструментальную трактовку рациональности религиозного выбора и утверждающими, что религиозный выбор отличается от выбора товара и услуг, нам представляется целесообразным признать, что конвертиты могут руководствоваться инструментальной рациональностью, т. е. материальной и социальной пользой (выгодой), в процессе религиозной конверсии. Таким образом, спектр мотивационной базы пускового механизма конверсии может быть расширен и включать: социальную депривацию, биографический кризис, аксиологический кризис, личностный интерес, религиозные потребности и личную пользу (выгоду).

«Биографическая модель» религиозной конверсии, разработанная немецкой исследовательницей М. Вольраб-Сар²⁴, представляет собой попытку совместить структурно-функциональный и интерпретационный подходы к изучению религиозной конверсии. Исследователь указывает, что специфика религиозного дискурсивного универсума заключается в различении трансцендентного и имманентного. Обращение индивида к религиозной модели интерпретации действительности, согласно позиции М. Вольраб-Сар, происходит вследствие возникшей субъективной необходимости символической реинтерпретации кризисного биографического опыта: имманентная ситуация, спровоцировавшая жизненный кризис, переосмысливается конвертитом в контексте признания трансцендентного значения сложившихся обстоятельств. Религиозная конверсия становится способом решения жизненного кризиса посредством его символической реинтерпретации в контексте религиозного дискурсивного универсума. В качестве основных этапов религиозной конверсии М. Вольраб-Сар выделяет: символическое переосмысление проблемы; признание проблемы в группе; нахождение новой формы решения проблемы; отстранение от старого контекста, в котором проблема возникла. По мнению исследователя, религиозная конверсия имеет функциональное значение как для конвертита, так и для религиозной группы, adeptом которой он становится, а также для общества в целом. В связи с этим она различает три уровня функциональной значимости религиозной конверсии: биографический, групповой и

социокультурный. По мнению М. Вольраб-Сар, задачи социологии конверсии сводятся к выявлению данных функций.

«Биографическая модель», как и другие модели религиозной конверсии, имеет свои теоретико-методологические ограничения. Как утверждает В. Б. Исаева, структурно-функциональный анализ религиозной конверсии на групповом и социетальном уровнях возможен только в стабильных социальных системах²⁵. Поэтому он не может быть применим для исследований, проводимых в российском социальном контексте. По этой же причине, считает В. Б. Исаева, не может быть применим предлагаемый М. Вольраб-Сар метод объективной герменевтики, который ориентирован на выявление латентных структур действия, формируемых социальным окружением. Ограничение использования метода объективной герменевтики при изучении религиозной конверсии в трансформирующемся обществе она объясняет тем, что он не учитывает субъективности действия, возрастающей в данном типе общества. В. Б. Исаева также считает, что понимание кризиса, представленное в «биографической модели», нерелевантно для исследования конверсии в контексте переходного общества, так как, в отличие от категории «интерес», категория «кризис» не способна показать вариативность рациональности действующих субъектов. По этой же причине неспособность российской исследовательницы критикует абсолютизацию в «биографической модели» символической рациональности, указывая на необходимость учета всех имеющихся типов рациональности, определяющих религиозный выбор конвертита. Выделяемые М. Вольраб-Сар макросоциальные предпосылки религиозной конверсии, имеющие место в обществах западноевропейского типа, согласно позиции В. Б. Исаевой, также не могут быть применимы при изучении религиозной конверсии в российском обществе.

Мы можем согласиться с критической позицией В. Б. Исаевой лишь отчасти. Действительно, ограничение мотивационной составляющей религиозной конверсии рамками «биографического кризиса» оставляет за скобками исследования все остальные побудительные импульсы данного процесса и лишает анализ мотивационной составляющей религиозной конверсии его предметной объемности и разносторонности. «Биографический кризис» можно рассматривать как альтернативный побудительный фактор религиозной конверсии наряду с «социальной депривацией», «аксиологическим кризисом», «личностным интересом», «религиозными потребностями» и личной пользой (выгодой). Критика В. Б. Исаевой относительно абсолютизации символической рациональности в «биографической модели», с нашей точки зрения, является необоснованной. Наоборот, данное положение биографической концепции

М. Вольраб-Сар нам представляется ключевым в изучении религиозной конверсии. Ей удалось определить смысловое ядро религиозной конверсии, что позволяет отличить данный вид конверсии от других видов: философского, политического, субкультурного. М. Вольраб-Сар выявила, что когнитивную основу религиозной конверсии составляет символическая трансформация жизненного опыта личности – символическая реинтерпретация жизненного опыта в контексте религиозного дискурсивного универсума. Эта трансформация, с нашей точки зрения, происходит не за счет замещения имманентных смыслов происходящих событий трансцендентными, а за счет дополнения, обогащения имманентных значений биографического опыта трансцендентным смыслом/содержанием. При этом, как нам представляется, этот опыт не обязательно должен быть кризисным. Он может быть таковым при определенных социально-психологических условиях, но может быть частью биографической повседневности.

Также нельзя признать обоснованным утверждение В. Б. Исаевой, что структурно-функциональный анализ на групповом и социальном уровнях может осуществляться только в социально стабильных системах, доказательством чего являются социологические исследования современного российского общества (относимого В. Б. Исаевой к обществу, переживающему «всестороннюю социальную трансформацию»), проводимые с применением структурно-функционального методологического инструментария. Структурно-функциональный подход позволяет рассматривать религиозную конверсию субъекта в системе его социальных связей микро- и макросоциальных уровней, тем самым, с одной стороны, исследовать функциональную значимость этих связей в процессе религиозной конверсии субъекта, а с другой стороны, анализировать последствия религиозной конверсии в личностной и социальной перспективах, определяя функциональность религиозной конверсии. Что касается социокультурных особенностей, имеющих место в обществах западноевропейского типа и по-своему влияющих на специфику религиозной конверсии, то они, по нашему мнению, отчасти могут быть учтены при изучении религиозной конверсии в российском контексте, признавая, что современное российское общество переживает состояние «догоняющей модернизации» в соответствии с социокультурными стандартами общества западно-европейского типа и сталкивается с теми же социальными последствиями процесса модернизации, в том числе в религиозной сфере, что и общества западно-европейского типа.

В подтверждение своих доводов мы хотели бы остановиться на анализе еще одной концепции религиозной конверсии, которая не была отражена в работе В. Б. Исаевой, – концепции

французского социолога религии Д. Эрвьё-Леже, представленной в работе С. В. Трофимова²⁶. Данную концепцию можно определить, как «динамичную модель» религиозной конверсии, поскольку, согласно исследовательской позиции Д. Эрвьё-Леже, религиозную конверсию следует рассматривать как специфический процесс построения религиозной идентичности индивида в условиях макросоциальных изменений в религиозной сфере, происходящих в современном обществе²⁷. К этим изменениям исследователь, прежде всего, относит: секуляризацию общественных отношений, в том числе в образовательной и корпоративной сферах; кризис институтов церкви и семьи, игравших в традиционном обществе ведущую роль в передаче знаний и ценностей последующим поколениям; явление религиозного рынка; разрыв культурной традиции, влияющий на социальную идентичность, отношение к миру и способность индивидов к коммуникации. Данные условия предопределяют иные механизмы формирования религиозной идентичности в сравнении с условиями традиционного общества, в котором новые поколения «наследовали» религиозную идентичность предыдущих поколений и передавали ее последующим. Религиозная идентичность в традиционном обществе имела особое значение, так как обеспечивала построение социальной идентичности в целом, определяя границы социальных статусов и ролей.

В традиционном обществе, по мнению Д. Эрвьё-Леже, базовым механизмом формирования религиозной идентичности выступал механизм социализации. Социализационный механизм формировал определенный тип религиозной идентичности – «регулярно практикующий верующий». «Регулярно практикующий верующий» строил себя и свою повседневную жизнь в соответствии с требованиями Церкви и жизнедеятельностью церковного прихода, неотъемлемой частью которого он являлся. В современном обществе, в котором общественный религиозный плюрализм становится макросоциальным основанием свободы индивидуального выбора религиозных предпочтений и самостоятельного построения религиозной идентичности, появляется новый механизм формирования религиозной идентичности – механизм религиозной конверсии. Этот механизм порождает новый тип религиозной идентичности – «обращенного» индивида, меняющего свою религиозную идентичность. По мнению Д. Эрвьё-Леже, факт стремительного роста религиозных обращений в современном обществе закономерен, так как является следствием вышеуказанных макросоциальных изменений в религиозной сфере, порождающих кризис религиозной идентичности и инициирующих процесс ее реконструирования. В условиях, когда религиозная идентичность отделена от социальной идентичности, а религиоз-

ная принадлежность становится частным делом и предметом индивидуального выбора, «обращение» является основным каналом формирования религиозной идентичности.

Д. Эрвьё-Леже выделяет три типа современных «обращенных»: те, кто никогда ранее не принадлежал какой-либо религиозной традиции, но в результате личного поиска нашел ту, которую он решает принять; те, кто меняет свою религиозную принадлежность; те, кто заново открывают для себя свою конформистски унаследованную религиозную идентичность – «вновь присоединенные» или «обращенные изнутри». Во всех трех случаях, как следует из описаний Д. Эрвьё-Леже, пусковым механизмом религиозной конверсии индивида выступает кризис его идентичности, выраженный в различных терминах: «неудовлетворенности» и «разочарования» религией принадлежности; «отсутствия смысла жизни»; «жизненного тупика»; «потере и поиска себя»; «трагических жизненных обстоятельств». «Обращение» к новой религиозной идентичности на индивидуальном уровне становится способом преодоления кризиса идентичности, на социальном – интеграцией в религиозное сообщество.

Теоретико-методологическая значимость «динамической модели» религиозной конверсии Д. Эрвьё-Леже для нашего исследования определяется тем, что она, во-первых, предлагает рассматривать религиозную конверсию как одну из форм или траекторий формирования религиозной идентичности, противопоставляя ее религиозной социализации как другой форме или траектории формирования религиозной идентичности. Во-вторых, с нашей точки зрения, данная модель может быть отчасти применима для анализа религиозной конверсии в современном российском обществе; так, многие упомянутые ею макросоциальные факторы, способствующие распространению практики «обращения» в современном европейском обществе, – секулярность общественных отношений, религиозный плюрализм, кризис традиционной религиозной идентичности – характеризуют религиозную ситуацию в современном российском обществе.

Таким образом, современная социология конверсии представляет три традиционных для социологии научных пути исследования и интерпретации религиозной конверсии: позитивистский, интерпретативный и интегративный. Каждый из имеющихся подходов обладает определенными теоретико-методологическими ограничениями и эвристическими возможностями. Теоретические модели религиозной конверсии, разработанные в рамках позитивистской парадигмы, – «модель социальных связей» Дж. Лофланда, Р. Старка и «ресурсная модель» Р. Старка, У. Бейнбриджа – фокусируют исследовательское внимание на структурных (институциональных) взаимодействиях, порождающих феномен ре-

лигиозной конверсии как социальный процесс интеграции индивида в религиозную общность. Данные модели применимы для изучения влияния особенностей социальных отношений на процесс вступления индивида в религиозную группу и рекрутирование этого индивида религиозным сообществом, для выявления институциональных факторов религиозной конверсии. Модели религиозной конверсии, разработанные в рамках интерпретативной парадигмы, – «ролевая модель», «коммуникативная модель», «интенциональная модель» Дж. Даутона – акцентируют исследовательское внимание на личностных изменениях конвертита. Характеризуя религиозную конверсию как процесс трансформации религиозной идентичности, они стремятся определить личностные смыслы религиозного поиска и религиозного выбора конвертита и тем самым объяснить изменение его когнитивных и поведенческих установок. Теоретические модели религиозной конверсии интегративной направленности – «междисциплинарная модель» Л. Рэмбо, «рыночная модель» У. Бейнбриджа, Р. Старка, Р. Финке, «биографическая модель» М. Вольраб-Сар, «динамическая модель» Д. Эрвьё-Леже – представляют собой теоретические вариации интерпретации процесса построения религиозной идентичности индивида в условиях макросоциальных изменений современного общества.

Примечания

- 1 См.: Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы / пер. с англ. В. Г. Малахеевой-Мирович, М. В. Шик ; под ред. С. В. Лурье. М. : Академический проект, 2017.
- 2 См.: Исаева В. Б. Социальный механизм религиозной конверсии : на примере петербургской буддийской мирской общины Карма Кагью : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2014. С. 19.
- 3 См.: Игнатъев А. А. Конверсия религиозная // Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. СПб. : Платоновское философское общество, 2017. С. 136–138.
- 4 См.: Смирнов М. Ю. Конверсия религиозная // Там же. С. 138–139.
- 5 См.: Ардашева Л. А. Основные парадигмы в изучении религиозного обращения // Религиоведение. 2013. № 2. С. 150.
- 6 См.: Исаева В. Б. Указ соч. С. 19–20.
- 7 См.: Дорофеева Т. В. Мотивы обращения в кришнаизм в условиях России // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 29.
- 8 См.: Исаева В. Б. Указ соч. С. 21–22.
- 9 См.: Bainbridge W. S. The sociology of religious movements. N. Y. ; L. : Routledge, 1997. P. 155–156.
- 10 См.: Любимова А. И. Теории религиозной конверсии и новые религиозные движения в России // Вестн. Рус. христианской гуманит. акад. 2009. Т. 10, № 1. С. 71.

- ¹¹ См.: Исаева В. Б. Указ соч. С. 25.
- ¹² См.: Balch R. W. Looking behind the scenes in a religious cult : Implications for the study of conversion // *Sociological Analysis*. 1980. Vol. 45. P. 301–314.
- ¹³ См.: Ардашева Л. А. Указ. соч. С. 158.
- ¹⁴ См.: Richardson J. T. Conversion Careers // *Society*. 1980. Vol. 17, № 3. P. 49.
- ¹⁵ См.: Исаева В. Б. Указ соч. С. 26.
- ¹⁶ См.: Heirich M. Change of Heart : A test of some widely held theories of conversion // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 83, № 3. P. 676. DOI: <https://doi.org/10.1086/226598>
- ¹⁷ См.: Ардашева Л. А. Указ. соч. С. 158.
- ¹⁸ См.: Исаева В. Б. Указ. соч. С. 28.
- ¹⁹ Там же. С. 29.
- ²⁰ См.: Ипатова Л. П. Типы религиозного обращения в православие женщин в современной России : дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. С. 22.
- ²¹ См.: Исаева В. Б. Указ соч. С. 37.
- ²² См.: Gooren H. The religious market model and conversion : Towards a new approach // *Exchange*. 2006. Vol. 35, № 1. P. 46.
- ²³ См.: Исаева В. Б. Указ соч. С. 39–41.
- ²⁴ См.: Wohlrab-Sahr M. Biographie und Religion. Zwischen ritual und Selbstsuche. Frankfurt a/M : Campus Verlag, 1995.
- ²⁵ См.: Исаева В. Б. Указ соч. С. 43–45.
- ²⁶ См.: Трофимов С. В. Индивидуализм и типы религиозных верующих в ранней теории Д. Эрвьё-Леже // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 2014. № 4. С. 204–218.
- ²⁷ См.: Hervieu-Leger D. Le pelerin et le converti. La religion en mouvement. P. : Flammarion, 1999. P. 290.

Образец для цитирования:

Уфимцева Е. И. Современные объяснительные модели религиозной конверсии: ограничения и эвристические возможности // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 426–437. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-426-437>

Cite this article as:

Ufimceva E. I. Modern Explanatory Models of Religious Conversion: Limitations and Heuristic Possibilities. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 426–437 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-426-437>

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 005.86

К вопросу о применении социального проектирования в системе управления учреждениями среднего образования: постановка проблемы в контексте социологии управления

Е. В. Алешина

Алешина Елена Викторовна, соискатель кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Екатеринбург, e-w-a-1@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о том, как применить социальное проектирование в системе управления учреждениями среднего образования. В теоретическом и практическом плане важна корректная и научно обоснованная постановка проблемы. Не только в рамках педагогики, но и в контексте социологии управления. На сегодняшний день обращают на себя внимание неспособность школ системно адаптироваться к изменениям, интегрировать инновационные подходы и технологии в процесс управления обучением; предвидеть, планировать и, в проектной форме, предвосхищать направления решения социальных проблем и противоречий; отсутствие в системе школьного управления системной модели реализации целей; отсутствие налаженного механизма стимулирования системных изменений в образовании. Автор рассматривает основные подходы, обозначает актуальность, формирует структуру и возможные направления исследования. В результате сделан вывод, что социальное проектирование, а именно использование в управленческой практике школ возможности создавать, реализовывать социальные проекты, повышающие качество образования, создающие возможности для развития активной образовательно-воспитательной среды, включение в нее всех заинтересованных участников образовательных отношений, личностного роста, саморазвития и т. д. – все это необходимо и важно для развития школы, повышения показателей качества образования.

Ключевые слова: социология управления, социальное проектирование, партисипативный проект, активная образовательно-воспитательная среда развития, социальный актор.

Поступила в редакцию: 10.07.2020 / Принята: 13.08.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

On the Application of Social Design in the System of Management of the Institutions of Secondary Education: Statement of the Problem in the Context of Sociology of Management

E. V. Aleshina

Elena V. Aleshina, <https://orcid.org/0000-0003-0658-883X>, Ural Institute of Management, Branch of RANEP, 66 8 Marta St., Ekaterinburg 620144, Russia, e-w-a-1@yandex.ru

The article discusses the question of how to apply social design in the management system of secondary education institutions. In

theoretical and practical terms, the correct and scientific justification of the problem statement is important not only in the framework of pedagogy, but in the context of management sociology. Today, the inability of schools to systematically adapt to the changes and integrate innovative approaches and technologies into the learning management process is noteworthy. The schools cannot anticipate and plan, in a project form, the directions for solving social problems and contradictions. The absence in the school management the system of models for implementing goals and the lack of the established mechanism for stimulating systemic changes in education are revealed. The main approaches and their relevance, the forms of the structure and possible directions of the research are denoted. In conclusion, it is stated that social design, namely using the ability to create, implement social projects, that improve the quality of education, create opportunities for the development of the active educational environment, the inclusion of all interested participants in school relationships, personal growth and self development into of management practices – all they are necessary and important for developing and improving the quality of school education.

Keywords: management sociology, social design, participatory project, active educational environment of development, social actor.

Received: 10.07.2020 / Accepted: 13.08.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-438-442>

Системный подход к управлению учреждениями среднего образования определяет направления социологического исследования, а также специфику постановки научных проблем. В последнее время все большую популярность в управлении приобретают социальные технологии, направленные на использование в полной мере человеческого потенциала, сочетающие структурно-функциональный и субъект-проблемный подходы. Индивид все чаще воспринимается не объектом воздействия, а активным субъектом действия, социальным актором, со-участником управленческого процесса. Социальное проектирование как управленческий процесс, как технология предоставляет широкие возможности для реализации человеческого потенциала, развития активной социальной среды коммуникации и развития и т. д. В этой части они представляют, по нашему мнению, чрезвычайный интерес как в научно-теоретическом плане (определение направлений развития, постановка проблематики), так и в практическом ключе (выявление областей применения, подходов к

реализации проектов на практике и т. д.). Данная статья посвящена выработке и определению научно-теоретических направлений исследования социального проектирования в системе управления учреждениями среднего образования, а также постановке проблемы в контексте социологии управления.

Востребованность социального проектирования в нынешней системе управления учреждениями среднего образования (школами) обусловлена сегодня целым рядом факторов, среди которых наиболее важными в контексте социологии управления являются следующие. В первую очередь, неспособность школ в должной мере *системно* адаптироваться к актуальным вызовам времени¹; интегрировать актуальные инновационные подходы и технологии в процесс управления обучением; предвидеть, планировать и, в проектной форме, предвосхищать направления решения социальных проблем и противоречий с целью «достижения современного качества образования, адекватно меняющимся запросам общества и социально-экономическим условиям»². Во-вторых, отсутствие в системе управления учреждениями среднего образования необходимой *системной* модели реализации целей, поставленных государством, обществом. Для этого нужно создавать и внедрять «новые актуальные модели, механизмы, образовательные программы, технические средства и технологии в области образования»³. В-третьих, отсутствие должным образом функционирующего механизма стимулирования системных изменений в образовании, реализация которого была заявлена в национальном проекте «Образование». Механизм заключается в «поддержке лидеров “точек роста” нового качества образовательной системы»⁴. По нашему мнению, такими лидерами «точек роста» можно считать не только представителей школьной администрации и учительских коллективов, но также непосредственно самих учеников, их родителей, представителей НКО, СОНКО и др. Новым системным качеством образовательной системы активно провозглашается «связь образовательного процесса с жизнью, формирование активной, самостоятельной позиции учащихся»⁵.

В связи с этим управление социальными проектами является важным инструментом современного менеджмента, позволяющим улучшить качество образования. Важно помнить, что в нынешних условиях деятельности школ системное управление и управление проектами не должны мешать друг другу, но в полной мере – дополнять. Очевидны новые пути управления частично обновленным коллективом педагогов поколения «X» и обучением поколения «Z». Такие преобразования обеспечивают активное движение вперед, позволят решать перспективные задачи образовательных учреждений. Конечно, нельзя забывать, что традиционное управление

решает в основном рядовые задачи сохранения и последовательной оптимизации деятельности. Задачи на развитие и перспективу решаются с помощью социального проектирования, в том числе и общеобразовательными учреждениями: ориентир на успешное использование технологии управлениями проектами⁶.

На практике же школьные работники часто жалуются на слишком большую загрузку по части административной и иной работы, вследствие чего у них на поиск точек роста, связи образовательного процесса с жизнью недостаточно времени. Как следствие, это проявляется в недостаточном уровне развития активной воспитательной среды в школах, вовлечения школьников, родителей и учителей в школьную жизнь.

Все вышеозначенные факторы в конечном счете приводят к снижению качества организационного управления в школе, а также к снижению показателей успеваемости – одного из ключевых индикаторов результативности системы управления учреждением среднего образования в РФ. Ясно, что все эти проблемы имеют социально-управленческий, системный характер и требуют в том числе комплексного социологического исследования, выработки приемлемых вариантов решения. Четко прослеживается предметная проблематика социологии управления, связанная с возможностью применения социологической методологии и технологий социального проектирования к системе управления учреждением среднего образования.

На теоретическом уровне такая проблематика связана с определением социолого-управленческого подхода к понятиям «проект» и «проектирование» в контексте их применения к специфике управления в школьной системе. Необходимо выбрать из множества социологических концепций проектирования наиболее подходящую для системы управления образовательным учреждением. По мнению автора, такой выбор должен осуществляться на основании комплексного анализа функционирования системы управления, стоящих перед ней задач, а также особенностей организации, характера взаимодействия ключевых социальных акторов (учащихся и их родителей, работников системы образования).

В сфере практики применения социального проектирования в системе школьного управления проблемными являются следующие моменты: во-первых, оторванность проектов от конкретной ситуации в конкретном учреждении, соответственно, их низкая результативность; во-вторых, слабо разработанная ресурсная база реализации проектов; в-третьих, отсутствие результативной миссии проекта, выражающей реальные потребности учителей, родителей, учеников; соответственно, неспособность в достаточной степени вовлечь ключевых социальных акторов в реализацию проекта. В связи с

вышесказанным изучение социального проектирования в системе управления учреждением образования, его теоретико-социологическая, практическая разработка и совершенствование видятся научно и практически обоснованными.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием значительного количества опубликованных работ в данной сфере. *Общетеоретические проблемы социального управления* заложены в трудах зарубежных ученых М. Вебера, Р. Дарендорфа, Д. Истона, Н. Лумана, Р. Мертона, Т. Парсонса, Ф. Тэйлора, А. Файоля и др. В отечественной литературе *принципы, структура и методы социального управления* в рамках влияния организационно-нормативного и административного факторов, специфика государственного и муниципального управления рассмотрены в работах Г. В. Атаманчука, Е. М. Бабосова, Н. Б. Костиной, С. И. Самыгина и др.

Социальная проблематика образования с позиций социологии знания, социального конструкционизма и социальной инженерии обозначена в трудах П. Бергера и Т. Лукмана, К. Поппера, И. Лакатоса, Т. Куна. Из современных отечественных исследователей в этой области необходимо отметить вклад Г. Е. Зборовского, В. Н. Мининой, Ф. Э. Шереги, Е. А. Шуклиной и др.

Разработкой концепции и методологии проектирования социальных систем занимались Я. Дитрих, Т. М. Дридзе, А. И. Пригожин, П. Хиллош, Ф. Ханика, Г. П. Щедровицкий, В. С. Шилова и др.

Развитие классических идей социального конструирования и социально-инженерного действия нашло отражение в работах В. Г. Афанасьева, И. В. Бестужева-Лады, Т. М. Дридзе, П. Н. Лебедева, С. М. Майоровой-Щегловой и др.

Анализу социально-технологического компонента проектирования в рамках социологии управления, сближению идей проектирования и социального управления посвящены труды таких авторов, как В. Л. Глазычев, О. И. Генисаретский, В. И. Курбатов, Н. И. Лапин, В. А. Луков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Ядов и др.

Изучению проблем управления, связанных с реализацией инновационных процессов в практике социального управления посвящены работы П. Н. Беспаленко, И. В. Бестужева-Лада, А. И. Ковалева, Вал. А. Лукова, Ж. Т. Тощенко и др.

В исследованиях Л. Н. Глебовой, Н. Г. Денисова, Н. Г. Сорокиной и других ученых ведется научная проработка проблем *внедрения социальных инноваций проектным методом в образование*. Анализу зарубежного опыта в данной сфере посвящены исследования С. А. Ильиных, В. Ю. Лопухина, Т. Ю. Семеновой, Я. С. Тестиной и др.

В контексте социологии образования особенности социального проектирования рас-

смотрены в исследованиях П. А. Амбарова, Ю. Р. Вишневого, Г. Е. Зборовского, Г. В. Щагиной и др.

Несмотря на широкую представленность в научной литературе различных аспектов, имеющих отношение к социальному проектированию в системе управления учреждением среднего образования, можно отметить наличие пробелов в проработке данной темы. Так, в представленных работах отсутствует комплексное описание данного типа проектов, нет детального социологического анализа технологии их реализации с учетом специфики учреждений среднего образования, а также отсутствует определение и концептуализация самого понятия «социальное проектирование» в системе управления учреждением среднего образования. Трансформация указанной темы анализа в его самостоятельную единицу позволит выделить и зафиксировать не только содержательные, но также технологические особенности, выявить как общие, так и специфические черты данного рода проектов. Специфика социологического анализа социального проектирования в системе управления учреждением среднего образования определяет направление формулировки объекта, предмета, формулировку цели и задач данного исследования.

Так, возможная исследовательская цель видится нам такой. Необходимо выявить ряд ключевых специфических черт и технологий социального проектирования применительно к системе управления учреждением среднего образования и на основе теоретико-методологического анализа, с последующей апробацией авторской позиции к проектированию, а также анализом путей совершенствования системы управления.

Такая цель предполагает последовательное решение исследовательских задач.

1. Выявить сущность, определить содержание социального проектирования и проанализировать его взаимосвязь с другими ключевыми понятиями в контексте системы управления учреждением среднего образования.

2. На основании понятийного анализа выявить особенности и технологии социального проектирования в системе управления учреждением среднего образования.

3. На примере эмпирического анализа системы управления конкретным учреждением(ями) среднего образования выявить особенности, закономерности и социальные противоречия во взаимодействии групповых социальных акторов в рамках проектной деятельности; сравнить различные проектные подходы (например традиционно-формирующий и партисипативный) в системе управления учреждением среднего образования на разных этапах создания и реализации социальных проектов; апробировать гипотезу относительно результативности и применимости авторского подхода к проектированию в системе управления учреждением среднего образования.

4. По возможности произвести диагностику использования существующих проектов развития в системе управления учреждением среднего образования на примере анализа реализации авторских проектов.

5. Также по возможности разработать комплексные рекомендации по оптимизации социального проектирования в системе управления учреждением среднего образования.

На данный момент наша гипотеза, определившая направления анализа поставленной в данной статье проблемы, сформулирована следующим образом: партисипативное социальное проектирование (основанное на активном включении заинтересованных акторов в процесс проектирования) в системе управления учреждением среднего образования приводит к созданию активной образовательно-воспитательной среды личностного, организационного, социального развития, которая в свою очередь влияет на системное повышение качества образования.

Теоретико-методологическая основа исследования может быть построена на синтезе ряда подходов: системного, субъектного, тезаурусного, партисипативного, компетентностного, средового, деятельностного. Эти подходы выделяются нами как значимые для изучения и концептуализации объекта и предмета данного исследования.

Системный подход предполагает анализ структуры объекта и субъекта социального проектирования, выявление взаимосвязей системообразующих элементов и факторов, видение школы как «органического целого, обладающего своей логикой и законами»⁷.

Субъектный и деятельностный – подходы, в соответствии с которыми участие актора (действующего субъекта, инициатора) является ключевым моментом в процессах социального проектирования, инициации социальных изменений, развития социальной системы.

Субъективистское понимание, в свою очередь, детерминирует использование *тезаурусного* подхода к социальному проектированию, которое комплексно рассматривает влияние активно действующей личности на процесс проектирования. Под тезаурусом индивида понимается «полный систематизированный состав информации (знаний) и установок в той или иной области жизнедеятельности, позволяющий индивиду в ней ориентироваться»⁸.

Партисипативный подход к социальному проектированию позволяет, в свою очередь, рассматривать проект как «проект развития» той области взаимоотношений и социальных структур, в которой он реализуется, а систему управления (в данной работе – учреждением среднего образования) анализировать через призму вовлечения, активного взаимодействия представителей заинтересованных групповых социальных акторов в процессе проектирова-

ния как деятельности по созданию, реализации и контролю за реализацией проектов развития. В данном конкретном случае «развитие» предполагает направленность проекта на побуждение групповых акторов к улучшению условий социальной жизнедеятельности, участию в подобных социальных начинаниях, вдохновившись этим процессом. Партисипативное проектирование развития является многонаправленным процессом, поскольку ориентируется не только на развитие элементов системы управления, но также на развитие всех участвующих субъектов. Таким образом, развитие организации становится возможным также за счет развития всех заинтересованных в этом социальных акторов.

Компетентностный подход к образованию позволяет осуществлять постановку целей в системе учреждений среднего образования, а также корректировать задачи социального проектирования перед их инициаторами.

Средовой подход предполагает включение активной образовательно-воспитательной среды в число приоритетных направлений социального проектирования в управлении системой учреждения среднего образования, поскольку погружение в нее заинтересованных представителей групповых акторов (ученики, учителя и родители) в конечном счете обуславливает повышение результативности данных учреждений через повышение успеваемости как показателя освоения учениками компетенций.

Очевидно, что социальное проектирование, т. е. использование в управленческой практике школ возможности создавать, реализовывать социальные проекты, повышающие качество образования, создающие возможности для развития активной образовательно-воспитательной среды, включение в нее всех заинтересованных участников школьных взаимоотношений, личностного роста, саморазвития и т. д. – все это необходимо и важно для школы. Однако не совсем понятно, какими именно должны быть эти проекты с учетом специфики учреждений среднего образования, а также как с наибольшей эффективностью их создавать, внедрять, корректировать, контролировать и т. д. Исследование в данном направлении способно помочь в решении актуальных проблем системного характера, которые стоят перед сегодняшними школами, не только силами педагогической, но и управленческой, социологических наук.

Примечания

- 1 См.: Дмитриев М. Г. Организационно-педагогические условия проектирования эргатической образовательной среды в системе среднего профессионального образования : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2016.
- 2 Национальный проект «Образование» // Министерство просвещения России : [сайт]. URL: <http://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения: 08.07.2020).

- ³ Об утверждении Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы : распоряжение Правительства РФ от 29.12.2014 № 2765-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- ⁴ Национальный проект «Образование».
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: *Алешина Е. В.* Специфика и технологии социального проектирования в управлении общеобразовательными учреждениями // Актуальные теории, концепции, прикладной характер современных научных исследований : сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30–31 мая 2019 г.). СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 95.
- ⁷ *Корнеева Н. Ю., Кожевников М. В., Лапчинская И. В., Уварина Н. В., Щагина Г. В.* Современные тенденции креативно-прогностического управления в образовании. Челябинск : Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2019. С. 67.
- ⁸ *Луков В. А., Туринцева Е. А.* Основы социального проектирования и моделирования. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 35.

Образец для цитирования:

Алешина Е. В. К вопросу о применении социального проектирования в системе управления учреждениями среднего образования: постановка проблемы в контексте социологии управления // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 438–442. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-438-442>

Cite this article as:

Aleshina E. V. On the Application of Social Design in the System of Management of the Institutions of Secondary Education: Statement of the Problem in the Context of Sociology of Management. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 438–442 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-438-442>

УДК 316.44

Поворот мобильности в современном обществе как образовательный вызов

Т. С. Власов, Е. Е. Немерюк

Власов Тимофей Сергеевич, аспирант кафедры социологии коммуникаций и управления, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Timoha.Vlasov@yandex.ru

Немерюк Евгения Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, evgeniya_nemeryuk@mail.ru

В статье рассматривается основная идея исследования, которая состоит в том, чтобы раскрыть ряд проблем, порожаемых социальной динамикой и мобильностью. Используя методологический потенциал социологии, авторы пытаются продемонстрировать сущность и логику поворота мобильности как метафоры развития современного общества. Показаны радикальные изменения в социокультурной динамике, которые также достигаются современными социальными науками (социология мобильности и другие постмодернистские концепции). Используя методологические подходы социологии образования, формулируется «порядок дня» задач мобильности в сфере высшего образования. Показано, что образовательная сфера тоже становится мобильной, трансформируя характер жизнедеятельности человека, а также актуализируя некоторые особые явления, такие как академическая мобильность. Формулируя «порядок дня» вызовов мобильности для современного высшего образования, авторы демонстрируют горизонт будущих исследований в связи со сложным характером исследуемой проблемы.

Ключевые слова: социальная мобильность, социальная динамика, социальная стратификация, постмодернизм, глобализация.

Поступила в редакцию: 10.06.2020 / Принята: 12.08.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

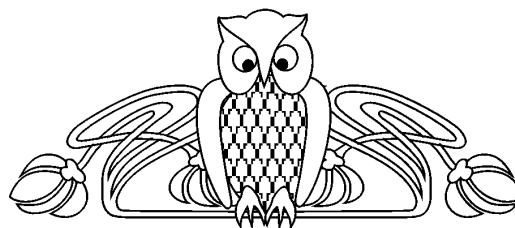
The Mobility Turn as an Educational Challenge in Modern Society

T. S. Vlasov, E. E. Nemeryuk

Timofey S. Vlasov, <https://orcid.org/0000-0003-3858-9538>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, Timoha.Vlasov@yandex.ru.

Evgeniya E. Nemeryuk, <https://orcid.org/0000-0002-0866-2661>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, evgeniya_nemeryuk@mail.ru

The article discusses the main idea of the study, that is discovering a number of problems generated by social dynamics and mobility.

By using the methodological potential of sociology, the essence and logic of the mobility turn as a metaphor for the development of modern society is demonstrated. The radical changes in sociocultural dynamics that are also achieved by modern social sciences (sociology of mobility and other postmodern concepts) are shown. By using the methodological approaches of the sociology of education, the «order of the day» mobility problems in higher education are formulated. It is stressed that the educational sphere also becomes mobile, transforming the nature of human life, as well as updating some special phenomenon, such as academic mobility. The horizon of future research in connection with the complex nature of the problem under study is demonstrated by formulating the “order of the day” of mobility challenges for modern higher education,

Keywords: social mobility, social dynamics, social stratification, postmodernism, globalization.

Received: 10.06.2020 / Accepted: 12.08.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-443-447>

Одной из важнейших особенностей современного общества является мобильность. Упомянутое явление необходимо понимать в контексте продуктивных отношений с идеями постмодернизма, а также глобализации в целом. Легко обнаружить, что мобильность становится не только одной из ключевых тенденций глобального мира, но мощным ресурсом развития отдельных людей, а также всего общества.

Майкл Байрам и Фред Дервин пишут: «Особенно с цифровой революцией в середине 1990-х годов и распространение одноименного “мобильного”, а также увеличение глобализации мира, мобильность постепенно стала отделяться от физической мобильности, от понятия домициля и территории, расширяя его область, чтобы включить не только людей и капитал, но также социальные практики, объекты, информацию, знаки, идеи. В результате мобильность теперь интерпретируется как модная концепция, даже миф, вызывающая прежде всего плавность, непрерывность и цельность»¹.

Проблема социальной мобильности становится центральной в исследованиях современной социальной динамики². Это обусловлено трансформацией социальных практик в мобильные, а также актуализированные роли движения для людей и продуктов их повседневной деятельности. Эти факты инициируют дискуссию против методологических ориентаций современных

общественных наук³. При глобальном мировом порядке национальный продукт становится продуктом мирового взаимодействия, и ни одно из правительств не претендует на статус самодостаточности для продуктов, услуг и производства капитала, а также упомянутое расположение требует все более высоких уровней мобильности для предпринимателей, консультантов, студентов и туристов.

Джон Урри (один из главных основателей социологии мобильности) приводит некоторые интересные данные: в 1800 г. средний гражданин перемещался не более чем на 50 м в день из собственного дома, но в настоящее время люди легко перемещаются на 50 км в день; сегодня все люди Земли перемещаются на 23 млрд км в день, и прогнозы показывают, что это число возрастет до 106 млрд в 2050 г. Этот английский социолог подчеркивает, что современные социальные отношения пространственно организованы, и упоминает о структурирующем влиянии на природу социальных отношений, при этом пространство все чаще рассматривается как единство гибких (подвижных) элементов. Дж. Урри отмечает, что радикальная пространственная трансформация современного индивидуального образа жизни происходит и что движения становятся все более и более важными для общества, в котором мы живем сегодня⁴.

Мы хотим подчеркнуть, что первоначальные исследования феномена мобильности проводились во второй половине 70-х – начале 80-х гг. прошлого века. Эти исследования пытались обосновать общие и особые аспекты деятельности движения с учетом социальных, экономических, культурных и политических условий, но современные обращают внимание на динамику мобильности.

Современное общество живет в «координатах» мобильности, и современным индивидуальным потребностям необходимо преобразовать свою повседневную практику, чтобы оставаться в авангарде социального развития, совершать успешные шаги и т. д. Отчеты некоторых международных организаций демонстрируют, что жизненный успех XXI в. зависит от способности людей строить жизненные стратегии (в том числе образовательные) с учетом тенденций мобильности в современном обществе.

Томас Файст обращает особое внимание на упомянутый факт: «Существует также большое беспокойство по поводу государственной политики, предполагающей, что мобильность является ключом к повышению уровня жизни в странах происхождения. В качестве примера можно привести дебаты по вопросам миграции и развития с начала 2000-х годов, инициированные Всемирным банком и принятые другими международными организациями, правительствами национальных государств, Европейской комиссией и различными организациями гражданского обще-

ства... Короче говоря, восприятие состоит в том, что высокообразованные и профессионально успешные люди легко перемещаются через границы и обладают соответствующими компетенциями для трансграничного общения и обмена. Их транснациональное образование и карьера обеспечивают им социальное положение на верхнем уровне социальной лестницы»⁵.

Согласно «повороту мобильности» в современных гуманитарных и социальных науках, мобильность начинает восприниматься как часть личности, информации, идеи, ценностного атрибута. «Большая часть социологии двадцатого века была основана на изучении профессиональной, доходной, образовательной и социальной мобильности. Эта литература рассматривала общество как единую поверхность и не в состоянии зарегистрировать географические пересечения региона, города и места с социальными категориями класса, пола и этнической принадлежности. Кроме того, существуют важные потоки людей внутри, но особенно за пределами территории каждого общества, и эти потоки связаны со многими различными желаниями, связанными с работой, жильем, отдыхом, религией, семейными отношениями, получением преступной выгоды, поиском убежища и так далее. Более того, мобильными являются не только люди, но и многие «объекты», «изображения», «информация» и «отходы». Подвижность, таким образом, следует понимать в горизонтальном, а не вертикальном смысле, и она применима к множеству актантов, а не только к людям»⁶.

Представители многих научных школ осознали важность социальной мобильности в современном обществе. Большинство из них интерпретируют социальную мобильность как одну из ключевых основ повседневного бытия для современного человека, базовую ценность, инструмент для современной политики и т. д.

Зигмунд Бауман писал, что мобильность стала важным фактором социальной стратификации, являющимся материалом для построения и трансформации повседневных иерархий (политической, социальной, экономической, культурной)⁷.

По словам Дж. Урри, интенсивное тиражирование «мобильностей» не так важно, как социальные отношения и создаваемые ими типы социальности. Современная цивилизация перешла на уровень собственной организации, когда общество и отдельные личности становились все более мобильными⁸.

В этих условиях мобильность начинает восприниматься как объективная необходимость выполнения адаптационных процессов в сложной социальной динамике. Таким образом, появляются новые сложные типы общественных отношений.

Следует отметить, что мобильность, создавая непредсказуемый динамический характер

социальных отношений, перестала быть инструментом дезорганизации общества. Настало время для понимания мобильности как феномена, способствующего взаимодействию в современном обществе.

По словам З. Баумана, скорость движения, способность эффективно взаимодействовать на расстоянии, свобода менять местоположение (отсутствие локализованных обстоятельств, легкость их преодоления) являются основными факторами стратификации в глобальном и локальном измерениях. Упомянутый тезис очень важен с методологической точки зрения и полезен для современных общественных наук. Способность двигаться – это онтологическая особенность живой материи, поэтому неподвижного человека нельзя понять как живого человека в XX в. (в метафорическом смысле)⁹.

В то же время Кэтрин Вихтоль де Венден придерживается позиции, что мобильность все еще не может быть воспринята как детерминанта социального развития – процессы перемещения и миграции по-прежнему имеют скромные масштабы, но чем более прозрачны границы, тем более непредсказуемы природные процессы мобильности: «И все же мобильность не является ни вторжением, ни завоеванием, ни подрывной деятельностью богатого развитого мира: только 3% населения мира, 175 миллионов человек, принимают участие в миграции в ее различных формах: воссоединение семьи, беженцы и перемещенные лица, гастарбайтеры, студенты, бизнесмены и специалисты. Чем больше открыты границы, тем больше людей циркулирует и тем меньше они оседают: это приводит к маятниковой миграции, туда и обратно, мобильности как образу жизни»¹⁰.

Таким образом, у нас достаточно аргументов, чтобы сказать, что социальная мобильность личности является условием гармоничного вписывания в современное общество: социальная мобильность человека – важная способность решать фундаментальные проблемы собственного существования, так же как повседневного.

Эту же позицию демонстрирует Адриан Фауэлл, который пишет, что современные теоретики глобализации пытаются рассматривать миграцию и мобильность как основу для своих собственных умозрительных теорий, забывая, что те являются реальными явлениями; основные вопросы глобализации могут быть эмпирически формализованы с использованием концепции миграции и мобильности¹¹.

Трудно избежать факта связи идей мобильности с концепциями философии постмодерна. По мнению большинства представителей этой философской традиции, конец XX и начало XXI в. – это эпоха зарождения нового социального устройства. Новая антропологическая парадигма появилась параллельно.

Марек Квик пишет, что у нового мира, к которому мы стремимся, много имен и семанти-

ческих смыслов: некоторые теоретики называют процессы последних двадцати лет термином «постмодерн» (Лиотард и Бауман, но последний также использует термин «жидкая современность»), другие авторы используют термины «вторая современность» (Бек), «рефлексивная модернизация» (Бек, Хидденс, Лэш), «глокализация» (Робертсон) или «глобальный век» (Уотерс), «сетевое общество» (Кастельс), «знание или информационное общество» (Друкер) или даже «постнациональное созвездие» (Хабермас)¹².

В контексте нашего исследования мобильности в современном обществе мы понимаем постмодернизм в широком смысле как методологическую стратегию.

Например, З. Бауман отмечает следующее о характере повседневной жизни современного человека: «жизнь как игра», поэтому жизненная стратегия может заключаться в следующем: не привязываться к указанному месту, не жить одной жизнью, не иметь одинаковую профессию, избегать стабильности жизни и лояльных отношений¹³.

Мобильные практики становятся нормой современного человека и современного общества. Гибкость выступает самой большой ценностью, когда все компоненты должны быть гибкими и мобильными для легкой групповой (разгруппированной) деятельности; люди должны избегать прочных связей между компонентами; твердость и стабильность являются проклятием современного снижения скорости адаптационных процессов в условиях высокой социальной динамики.

Также Бауман пишет об относительно нестабильной динамической природе социальных связей: если современная «проблема идентичности» заключалась в том, как создать идентичность и сохранить ее прочной и стабильной, то постмодернистская «проблема идентичности» является первичной, как избежать фиксации и держать опции открытыми; лозунгом современности было творение, а лозунгом постмодернизма – переработка.

Анализируя метафоры мобильности в современной социологии, Дж. Урри пишет, что одна из эвристических метафор в социологии является кочевой (или туристической): кочевник – паломник без пункта назначения, путешественник без маршрута, но турист платит за свою свободу, удовольствие от путешествий и умение создавать сеть чувств лично; они оба движутся через инопланетное пространство, они могут быть близки физически, а не психически¹⁴.

В то же время Бауман говорит, что паломники воплощают дух современности: паломник – лучшая метафора современного образа жизни, а кочевник, турист – лучшая стратегия преодоления и фиксации ограничений¹⁵.

Итак, мы рисуем контуры современного сложного социального явления, называемого

поворотом мобильности. Мы показали, что мобильность влияет на большинство сфер общественной жизни, коренным образом трансформируя онтологию современного общественного бытия. Мы учитываем тот факт, что поворот мобильности в современном обществе вызывает актуализацию феномена академической мобильности на фоне понимания студентов как кочевников. Согласно кочевому видению студентов, европейские студенты понимаются как охотники за новым опытом, они мобильны, молоды, способны к сложным адаптационным процессам, к внутренним изменениям, ориентированы на интеграцию международного опыта в целые образовательные результаты, они могут действовать как автономные личности, общественные деятели, исследователи других культур и языков. По оценкам, количество иностранных студентов в мире вырастет до 8 млн в 2020 г.

Упомянутая тенденция имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, студенты-кочевники получают новый культурный опыт, становясь носителями общечеловеческих ценностей и глобальных компетенций. С другой стороны, их национальная идентичность становится все более размытой. Кроме того, большинство талантливых студентов встретятся с проблемой остаться в более развитой стране. Трудно представить массовые потоки британских, немецких или французских студентов в менее развитые страны, по крайней мере, для получения образовательного опыта.

В ключевых документах, которые описывают видение будущего высшего образования, утверждается, что мобильность должна быть основополагающим принципом его развития. Академическая мобильность будет способствовать идее открытости будущему, обмену знаниями, глубокому межкультурному взаимодействию, созданию продуктивных связей между образованием и нелинейной социокультурной динамикой. Академическая мобильность может стать средством для гармоничного развития образования, отвечающего вызовам современного общества.

Важно подчеркнуть, что для распространения идей академической социальной мобильности в мировом научно-образовательном пространстве необходимо разработать, теоретически обосновать и внедрить политические инструменты, которые будут в состоянии предоставить нормативные, институциональные и другие аспекты мобильности.

Дэвид Крозье и Теодора Парвева подчеркивают, что необходимо разработать целостную политику, соответствующую широкому спектру таких социальных аспектов, как государственная миграционная политика: «Политика мобильности не может быть создана в вакууме. Хотя все области выработки политики можно рассматривать как взаимосвязанные, это особенно верно в отношении мобильности и ряда областей по-

литики социального обеспечения, в частности иммиграционной политики. Многие страны, которые разработали политику стимулирования мобильности в секторе высшего образования, также внедрили политику по контролю и ограничению иммиграции, но лишь немногие упоминают о какой-либо напряженности или даже каких-либо отношениях между этими областями политики. Действительно, несмотря на тесную взаимосвязь между мобильностью и иммиграционной политикой, лишь несколько стран отмечают внимание к иммиграционному законодательству как средству создания благоприятной правовой среды для мобильности»¹⁶.

В свою очередь, Эрика Раутенфельд подчеркивает, что мобильность стала ключевой характеристикой для всех европейских граждан, но она играет особую роль непосредственно в политике образования: благодаря программам академической мобильности мобильные студенты получают «из первых рук» культурный опыт другого европейца. Страны, которые способствуют пониманию студентами единства и разнообразия, стимулируют формирование собственной европейской идентичности с рациональной связью с собственной культурой и традициями¹⁷.

В рамках исследования мы хотели сформулировать «порядок дня» мобильности в начале XXI в. и продемонстрировать влияние этой тенденции на образовательную сферу. На наш взгляд, современная Европа как идеологическая концепция стала возможной благодаря движению и мобильности. Концепция, которую мы называем европейской идентичностью, была сформирована благодаря движению населения, миграции и обменам (особенно студентами). Европейское культурное пространство также строится на базе мобильного европейского образовательного пространства.

И, конечно же, мобильность как социальный феномен должна быть в центре внимания будущих исследований. В перспективе будущих исследований и дальнейшего рассмотрения поставленной проблемы возникает ряд вопросов: является ли мобильность новой нормой, т. е. заменяет ли кочевничество седентаризм как один из доминирующих принципов общественного порядка? Является ли мобильность действительно универсальным человеком, как говорят нам антропологи? И с социологической точки зрения, правда ли, что пространственная мобильность является маркером успеха в навигации по глобальному миру? Является ли неподвижность признаком недостатка и отчуждения? Что нормализует эта новая норма? В конце концов, именно люди решают, является ли мобильность просто следствием неолиберальной повестки дня или способом улучшить структуру возможностей для перемещения.

Открытость и эффективность программ академической мобильности – важные шаги на этом

пути. Мы понимаем, что академическая мобильность – очень сложное явление, которое не может быть сведено к отдельным шагам, методам и политическим решениям. Академическая социальная мобильность – это не только простой обмен студентами, преподавателями и другими людьми между разными странами. Это сложный, многогранный процесс межкультурного взаимодействия в глобальном образовательном пространстве, который ставит много вопросов для эффективной реализации.

Таким образом, исследование поворота мобильности в современном обществе не может быть успешно отражено в рамках одной научной статьи. Говоря о повороте мобильности в сфере высшего образования, мы видим, что нужно также открыть много граней: академическая мобильность инициирует вопросы в миграционном дискурсе, мультикультурных отношениях, экономической, образовательной политике и др. Данная статья является попыткой инициировать научный диалог вокруг «узлов» реализации поворота мобильности в образовании.

Примечания

- ¹ *Dervin F.* Interculturality in Education : A Theoretical and Methodological Toolbox. London : Palgrave Pivot, 2016. ISBN 9781137545435. URL: <https://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&AuthType=ip,uid,custuid&ustid=s7167233&db=edsebk&AN=1219991&lang=ru&site=eds-live> (дата обращения: 15.05.2020).
- ² См.: *Ильин В. И.* Всемирный конгресс социологов : лицом к лицу с социальным неравенством // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 74. С. 186–197.
- ³ См.: *Ковалева А. И.* Профессиональная мобильность // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 298–300.
- ⁴ См.: *Урри Дж.* Мобильности. М. : Праксис, 2012. С. 78.
- ⁵ *Faist T.* The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford : Oxford University Press, 2011. P. 32.
- ⁶ Цит. по: *Козырева П. М.* Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 11 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2012. С. 52.
- ⁷ См.: *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. С. 182.
- ⁸ См.: *Урри Дж.* Указ. соч. С. 58.
- ⁹ Там же. С. 73.
- ¹⁰ *Withol de Wenden Ch.* The Frontiers of Mobility. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001391/139147e.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).
- ¹¹ См.: *Favell A.* Migration, mobility and globaloney : Metaphors and rhetoric in the sociology of globalization // Global Networks. 2001. Vol. 1, № 4. P. 389–398.
- ¹² См.: *Квієк М.* Університет і держава Вивчення глобальних трансформацій / пер. з англ. Т. Цимбала. Київ : Таксон, 2009. С. 235.
- ¹³ См.: *Бауман З.* Указ. соч. С. 183.
- ¹⁴ Там же. С. 184.
- ¹⁵ Там же. С. 201.
- ¹⁶ *Crosier D., Parveva T.* The Bologna Process : Its impact on higher education development in Europe and beyond. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0022/002206/220649e.pdf> (дата обращения: 17.05.2020).
- ¹⁷ См.: *Rautenfeld J. E. (von).* The construction of European identity in higher education in Germany and Great Britain. Marburg : Peter Wiehl, 2011. P. 168.

Образец для цитирования:

Власов Т. С., Немерюк Е. Е. Поворот мобильности в современном обществе как образовательный вызов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 443–447. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-443-447>

Cite this article as:

Vlasov T. S., Nemeryuk E. E. The Mobility Turn as an Educational Challenge in Modern Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politologiya*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 443–447 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-443-447>

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.01

Новая парадигма политического проектирования современного государства

А. В. Афонасова

Афонасова Алена Владимировна, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Курганский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, afonasova.av@kurg.ranepa.ru

Публикация содержит анализ процесса исторической смены парадигм, в роли которых выступали массовые представления о месте и назначении государства в политическом процессе и в границах которых общество осуществляло проектирование политической функциональности «государства будущего». Автор доказывает, что в условиях пандемии и активного участия в борьбе с ней институтов современного государства возрос общественный интерес к оптимизации распределения политических функций между гражданским обществом и бюрократическими структурами. В результате в массовом сознании актуализировалась новая парадигма проективной работы («новая нормальность»), концептуальному оформлению которой больше, чем наука, содействовали разнообразные сетевые коммуникации внутри гражданского общества. Автор предлагает политологическую интерпретацию содержательных аспектов парадигмы «новой нормальности» и рисков для дальнейшего развития демократического процесса в нашей стране и мире, которые влечет за собой ориентация на нее массового сознания при проектировании политической функциональности государства.

Ключевые слова: методология, новая парадигма политического проектирования государства, функциональность государства, функциональность гражданского общества.

Поступила в редакцию: 30.08.2020 / Принята: 14.09.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

New Paradigm of Modern State Political Designing

A. V. Afonasova

Alena V. Afonasova, <https://orcid.org/0000-0002-6156-2811>, Kurgan branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 147a Karl Marx St., Kurgan 640022, Russia, afonasova.av@kurg.ranepa.ru

The article contains results of analysis of the historical change of paradigms presented by mass visions of the place and mission of a state within political process; the paradigms within which society designed political functionality of the "state of the future". The author proves that in the face of pandemic and active fight of modern state institutions against it, social interest in optimization of political functions' allocation between civil society and bureaucratic structures has risen. As a result, a new paradigm of designing ("new normality") was born within public consciousness; conceptual formation of this paradigm was due not so much to science but to different network communications inside civil society. The author offers political science interpretation of content aspects of "new normality" paradigm and risks for further development of democratic process in our country and throughout the entire world entailed by commitment of public consciousness to it while designing political functionality of a state.

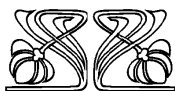
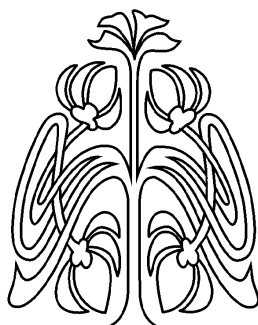
Keywords: methodology, new paradigm of political designing of a state, functionality of a state, functionality of a civil society.

Received: 30.08.2020 / Accepted: 14.09.2020 / Published: 30.11.2020

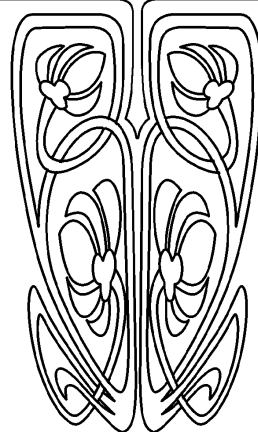
This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-448-453>

© Афонасова А. В., 2020

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Проектирование обществом и его элитами институтов государства, порядка и границ их функциональности представляет собой исторически непрерывный процесс. Уже не одно тысячелетие государство во всем цивилизованном мире является основным инструментом для решения обществом и элитой (когда солидарно, а когда и конфликтно) разнообразных политических и неполитических задач. Инструментом, в работоспособности которого общество и властная элита устойчиво заинтересованы, хотя понимают ее подчас по-разному. Нередко они конфликтуют на почве этого различия и стремятся сделать свои проекты смыслом и целью политики вообще. А потому новации в этом процессе были и остаются неизбежными и естественными.

Существенно разнятся характер и последствия таких новаций. Одно дело, когда по ходу политического проектирования институтов государства и их функций больше или меньше корректируется «техническое задание» и все изменения институтов и практик происходят в границах привычных для общества и элит представлений о смысле и назначении политики и месте государства в ней. Совсем другое дело, когда меняются сами границы представлений, сама парадигма проективной работы. Иначе говоря, когда участники проективной работы начинают приспосабливать свои требования к будущим состояниям институтов государства и их функции к принципиально иному, чем прежде, пониманию «идеи государства», если пользоваться гегелевской метафорой. Политической науке важно, как представляется, учитывать такое различие в стратегиях политико-проективной работы. Особенно когда она, как это имеет место быть сегодня, берет на себя обязательства перед властными элитами и гражданскими обществами выставить для них в современном динамичном политическом процессе надежные и рациональные ориентиры для их политического участия.

История знает моменты, когда происходила такая смена парадигм политико-проективной работы, причем в довольно широком масштабе. Такая смена произошла, например, в историческую эпоху, которую философ К. Ясперс назвал «осевым временем мировой истории»¹. В эту эпоху начали формироваться мировоззренческие, сакральные и философские устои современной человеческой цивилизации. Возникло представление, что будущий миропорядок, если люди приложат к этому определенные усилия, может быть справедливее и комфортнее для них, чем порядок нынешний, освященный авторитетом древности. Теологией и философией это представление было распространено и на государство как важнейший структурный элемент этого будущего миропорядка.

Еще одна смена парадигм проектирования политической функциональности государства состоялась в XVIII–XIX столетиях². Начало это-

му процессу смены положили масштабные социальные конфликты в Старом и Новом свете, побудившие одних современников видеть в государстве средоточие высшей справедливости, а других – средоточие абсолютной несправедливости. В центре таких конфликтов оказались многие экономически и политически развитые общества и государства, включая Российскую империю. На этом историческом этапе новую (идеологическую) парадигму для работы сознания современников над решением вопроса о будущем государства сформулировала рационалистически ориентированная светская наука, в том числе зародившаяся политическая наука современного типа. Вся проективную работу (и научную, и на уровне структур массового сознания) новая идеологическая парадигма ориентировала на создание таких «технических заданий» для формирования будущих институтов государства и управленческих практик, в которых находили бы свою реализацию интересы конкретных наций и конкретных групп граждан (сословий, классов) внутри них.

Различные политические идеологии стали культурными текстами, центральное место в структуре которых заняли суждения консерваторов, либералов и социалистов различных направлений о преобразованиях в порядке организации и функционирования нынешних государств, благодаря которым в обозримом будущем эти государства станут «настоящими государствами». Социалистические, консервативные и либеральные проекты «государства будущего», апеллирующие к доводам науки, к научному знанию о мире, человеке, его психологии и его истории, рождались параллельно с тем, как выстраивалась в Старом и Новом свете система либерально-демократической политики. Проекты предлагали часто ориентиры и стандарты, до которых политическая практика дотянуться не могла. Следствием доминирования этой парадигмы проективной работы было, вместе с тем, укоренение в сознании современников представления, согласно которому вполне в человеческих силах сделать государство таким, какое оно необходимо людям для прогресса человеческой цивилизации, благополучия и безопасности отдельных людей и целых народов.

Следующая наиболее заметная смена парадигм в процессе политического проектирования государства, осуществляемого обществами, а также его политическими и интеллектуальными элитами, произошла в XX столетии по следам двух мировых войн. Военные кризисы такого масштаба вывели в первый ряд исходных условий политико-проективной работы зависимость между внутренней политической функциональностью нынешних и будущих государств и их способностью в нужный момент сделать эту функциональность основным ресурсом геополитической конкуренции. Эта, условно говоря,

«геополитическая парадигма» политического проектирования государства особенно зримо обнаружила себя в дискуссиях отечественных «критиков буржуазных фальсификаторов» и зарубежных советологов в период «холодной войны» и даже отчасти уже после распада СССР. Согласно логике этих дискуссий, правом на реализацию обладал лишь тот проект политического обустройства государства и налаживания его коммуникаций с гражданским обществом, который был способен обеспечить этому государству неоспоримое геополитическое лидерство в конкуренции с другими государствами современного мира.

Реальная политическая жизнь решила спор. Двуполярный мир политики исчез. По факту, роль лучшего инструмента обеспечения геополитического лидерства в современном мире досталась «западным» либерально-демократическим государственным институтам и управленческим практикам. Исчез, соответственно, конструктивный смысл дальнейшего совершенствования проекта либерально-демократического государства, особенно в тех странах, которые вышли победителями из геополитической конкуренции в период «холодной войны». Вместе с тем актуальность приобрела задача тиражирования уже теоретически и практически апробированных моделей устройства либерально-демократического государства.

Отечественная политическая наука, заметим, проявила в постсоветское время повышенный интерес к тому, чтобы в условиях кризиса «геополитической» парадигмы политического проектирования государства сделать ставку на использование наработок «западной», преимущественно либеральной политологии в сфере теории государственного строительства. Отечественная наука сосредоточила свое внимание на изучении перспективных, как казалось до последнего времени, электоральных, коммуникативных, бюрократических и многих других технологий превращения Российского государства в типичное «западное» либерально-демократическое государство. В результате в осмыслении стратегической перспективы Российского государства политическая наука так и не продвинулась дальше представления, что это государство должно в будущем стать таким, какими уже более полувека являются развитые государства Старого и Нового света: «правовым», «социальным», «ценностно ориентированным»³. Вместо вклада в совершенствование работы по политическому проектированию современного государства отечественная наука вместе с наукой зарубежной внесли значительный вклад в апологетику глобального либерально-демократического политического проекта.

Проективная работа в политической сфере не может, как уже было сказано, прекратиться. Пассивность науки в этом деле и отсутствие у

нее в настоящее время выраженного интереса к поиску новых рамочных условий для организации проективной работы за пределами либеральных «мировых стандартов» государственного строительства освободили место для участия в этой поисковой работе более широкого круга проектировщиков, а также для использования ими совсем иных, чем у науки, технологий проектирования политической функциональности Российского государства и государства как такового (для использования, например, коммуникационно-сетевых технологий проективной работы).

Эпидемия коронавируса, начавшаяся в РФ весной 2020 г., принесла объединяющее начало в этот стихийный процесс. Она, как это и прежде бывало в России и других странах в подобной ситуации, обострила интерес и восприимчивость людей к разного рода эсхатологическим прогнозам того, что станет в обозримом будущем с нашей страной и миром⁴. Соответственно, пандемия сделала особенно востребованными проекты, разные по их политической, экономической, правовой и культурной направленности, но, вместе с тем, всегда общей исходной посылкой имеющие тезис, что «посткоронавирусный» мир уже никогда не вернется к прежнему своему, привычно-нормальному для наших современников состоянию. Он будет не просто другим, он будет радикально другим. Это будет мир в другом цивилизационном измерении. Каким он будет? Рядовому гражданину почти невозможно себе это представить просто потому, что его интересам, которые сегодня являются одной из опор демократической политики, в нем не будет места. Как, впрочем, если верить официальному проекту, подготовленному в начале пандемии Всемирным Банком (The World Bank)⁵, в котором данная структура предлагает себя на роль глобального регулятора и контролера всех действий современных государств в их усилиях по борьбе с эпидемией и поддержанию политического и экономического порядка, не будет в нем места и привычным нам сегодня национально-государственным интересам властных элит.

За несколько месяцев бурных общественных дискуссий, которые происходили весной 2020 г. в нашей стране и за рубежом, в пространстве массовых коммуникаций отчетливо обозначились относительно устойчивые их смысловые и дискурсивные границы. Границы общего предмета и общей цели таких дискуссий, которыми в большинстве случаев руководствуются сторонники и противники активного бюрократического вмешательства Российского государства и любого современного государства вообще в борьбу с эпидемией. Это позволяет утверждать, что на наших глазах формируется **новая теоретическая парадигма проектирования политической функциональности государства в современном мире** и что российское гражданское обще-

ство и властная элита эту парадигму восприняли и взяли на вооружение.

Наиболее полно смысл новой парадигмы отразило понятие «новая нормальность»⁶. Данное понятие фиксирует проблему, ключевую для дальнейшего проектирования политической функциональности современного демократического государства: должен ли российский гражданин сегодня и в дальнейшем предпочесть минимальные гарантии физического выживания, предоставляемые ему институтами государства в условиях эпидемии или в других рискованных ситуациях, своим привычным и конституционно закрепленным правам и свободам?

Смысл понятия «новая нормальность», как его расшифровывают сегодня сторонники усиления бюрократических мер борьбы с пандемией и другими вызовами современного мира, таков: да, гражданин в современном мире может и в определенных ситуациях просто обязан (если он здравомыслящий субъект) предпочесть физическое выживание себя и своей семьи отстаиванию своих личных и коллективных гражданских прав и свобод. Демократическое государство же, в соответствии с этой «нормальностной» логикой, обладает полным моральным правом переступить через любые нормы права писанного (включая правовые гарантии гражданских прав и свобод, самим же государством установленные) в интересах защиты главного права современного гражданина – права опереться на помощь государственных институтов и благодаря этому выжить в современном мире, полном угроз (военных, биологическо-экологических, экономических в виде нехватки продовольствия и т. д.) элементарному физическому выживанию человека⁷. Противники бюрократических мер, соответственно, эту трактовку понятия критикуют, но иного, альтернативного ей варианта толкования последствий пандемии обычно не предлагают.

Новая парадигма подразумевает как минимум две ключевые исходные позиции для проектирования в нашей стране государства будущего:

1) в прежнее время структурные и функциональные характеристики государства, зафиксированные в любом идеологическом и даже геополитическом проекте, соответствовали тому обстоятельству, что в демократическом процессе у властной элиты всегда был постоянный и влиятельный оппонент – гражданское общество, стоящее на страже индивидуальных и коллективных прав и свобод. «Новая нормальность» подразумевает утрату явочным порядком гражданским обществом своей политической субъектности и оппозиционности государству, делегирование большей части этой субъектности современному правовому (бюрократическому) государству;

2) прежде смысл существования демократического государства определяли нормотворческие, фискальные, оборонительные и

идеологические функции, реализация которых обеспечивалась определенным набором политических, правовых и экономических институтов. Государство должно было быть сложно устроенным и многофункциональным. Что касается «государства будущего», то главным, а возможно, и единственным смыслом его существования и функционирования, не требующим разнообразия его институтов, становится забота о наиболее простых физиологических потребностях человека, о защите его от природных и техногенных угроз. Естественно, в обмен на максимальную лояльность любым мерам, на которые для решения этих задач пойдет властная элита.

О том, что российское гражданское общество проявило интерес к использованию данной парадигмы для организации работы по политическому проектированию государства, свидетельствуют многочисленные дискуссионные материалы, размещенные на страницах электронных изданий и личных страницах участников различных интернет-сообществ. Речь при этом идет об аналитических материалах, в которых предметом внимания авторов служит перспектива отдельных функций государства, ресурсов, обеспечивающих эти функции, а также судьба всего государственного порядка в нашей стране⁸.

Свидетельством отзывчивости отечественной властной элиты на рождение в пространстве массовых политических коммуникаций парадигмы «новой нормальности», в рамках которой можно вполне успешно вести дискуссию с гражданским обществом о будущем государства, является, на наш взгляд, документ, непосредственно тематику политической функциональности институтов государства не затрагивающий. Он, тем не менее, декларирует необходимость изменения политического статуса российского гражданина в направлении, при котором неизбежно государство становится единственным обладателем политической субъектности. Документ этот подготовили юристы Мосгордумы. Это официальный ответ столичной власти на иск муниципального депутата Д. И. Шендеровича к С. С. Собянину на предмет незаконности тех его указов, которыми был введен в столице режим электронных пропусков и облегчен порядок доступа государственных служб к персональным данным граждан. Те ключевые исходные позиции в проективной работе, о которых речь шла выше, в этом документе отражены более сжато, но, вместе с тем, и более определено. По поводу претензий, что введенные указами мэра Москвы поправки ограничивают конституционные права граждан, ответчик заявил: «... реализация гражданами прав и свобод не должна нарушать прав и свобод других лиц на охрану здоровья и благоприятную среду обитания...»⁹. Тем самым ответчик по иску явочным порядком внес принципиальное изменение в иерархию политических и неполитических ценностей, которая традицион-

но является основой либерально-демократической политики во всем мире и в которой именно политические права гражданина имеют статус первостепенных, естественных и неотчуждаемых.

Далее в том же тексте находим следующую аргументацию: «Вопреки ошибочному мнению административных истцов, оспариваемыми положениями указов не нарушаются права граждан, а возлагаются на граждан особые обязанности публично-правового характера, включающие в себя ограничения их свободного перемещения. Соблюдение гражданами режима самоизоляции и получение цифровых пропусков являются подтверждением добросовестного осуществления гражданами своих прав и обязанностей»¹⁰.

По смыслу этой формулировки получается, что ограничение прав и свобод граждан в интересах реализации решений, принятых властной элитой, само по себе является самостоятельным правом гражданина и проявлением его свободы. Более того, добровольное ограничение гражданином себя в пользовании своими правами представляет собой наивысшее, по логике рассуждения авторов данного документа, проявление гражданской политической субъектности, гражданской политической солидарности и ответственности. Составители этих формулировок осуществили фактический переворот в самых основах теории либеральной политики в том ее виде, на который в постсоветское время были ориентированы публичная политика и политическая наука, которая эту публичную политику активно изучала.

Парадигма «новой нормальности», на которую сегодня происходит переориентация политико-проективной работы в сфере государственного строительства, имеет свою генетику. Она возникла закономерно. Корнями своими она уходит в то понимание места в политике государства «правового» и особенно «социального», которое активно насаждалось в массовом сознании современных гражданских обществ наукой и СМИ. Понимание это подразумевало, что современное государство в порядке обеспечения максимального благополучия своих граждан должно брать на себя ответственность за удовлетворение всех их нужд: от начального образования и религиозных потребностей до смены пола. Естественно, что многолетние дискуссии о безграничных обязательствах и возможностях демократического «социального» государства вывели обсуждение на решение, согласно которому жизнь и безопасность гражданина есть то необходимое и достаточное, на чем может сосредоточить свое внимание «государство будущего».

Пока, следует отметить, понятие «новая нормальность» является лишь парадигмой для публичных дискуссий о будущем государства в России и мире. Эта парадигма пока больше характеризует то направление поиска, по которому не против последовать некоторая часть полити-

ческой элиты и лояльных ее политическим интересам граждан нашей страны. Пока это еще не парадигма текущей и будущей российской политики. Опыт предшествующих парадигм проектирования политической функциональности государства убеждает, вместе с тем, что шаг от теории к политической практике может быть быстрым и незаметным для участников демократического процесса в нашей стране. Столь же быстрым и неожиданным этот переход может стать для отечественной политической науки, пока еще сосредоточенно изучающей способы приведения Российского государства в соответствие неким формальным «мировым стандартам цивилизованности».

Примечания

- ¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. URL: http://personnel.uapa.ru/courses/460_История%20мировых%20цивилизаций/Ясперс%20К.%20Смысл%20и%20назначение%20истории.pdf (дата обращения: 10.07.2020).
- ² См.: Мутагиров Д. З. Парадигмы политики и политической науки // ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 2. С. 201–218. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.203>
- ³ См.: Кондрашев А. А. Идея правового государства в России : конституционная мифология и правовая реальность // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 3 (124). С. 74–88 ; Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Правовое государство : теоретическое проектирование и современная политическая практика. М. : Проспект, 2016.
- ⁴ См., например: Гипотетический сценарий распада России. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e3f7ee3fe0dd810cfe8df42/gipoteticheskii-scenarii-raspada-rossii-5eb4355f34fef7121512125e> (дата обращения: 09.05.2020) ; Я из будущего – 4. URL: <https://zen.yandex.ru/media/pinksun/ia-iz-buduscego-4-5ea542e7102eee24419cff8e> (дата обращения: 01.05.2020) ; Путинская антиутопия как образ будущего. URL: https://echo.msk.ru/blog/kremlmother/2631192-echo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 24.04.2020).
- ⁵ См.: International bank for reconstruction and development and international development association project appraisal document on a COVID-19 strategic preparedness and response program and proposed 25 projects under phase 1 using the multiphase programmatic approach with an overall financing envelope of up to us \$6.00 billion equivalent, of which up to \$4 billion for health financing (up to us \$1,300 million ida and up to us \$2.7 billion under the ibrd) april 2, 2020. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/993371585947965984/pdf/World-COVID-19-Strategic-Preparedness-and-Response-Project.pdf> (дата обращения: 13.08.2020).
- ⁶ См.: Локтионова М. «Новая нормальность» : как изменится Россия после пандемии. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/28/13065343.shtml> (дата обращения: 10.08.2020) ; Попова предупредила о «новой нормальности» после пандемии. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/04/2020/5ea6d38d9a7947950a5ad93b> (дата

обращения: 07.08.2020) ; Исследование Института экономики роста им. Столыпина П. А. «Экономический рост в мире и России : “Новая нормальность”». URL: <http://stolypin.institute/institute/issledovanie-institutaeconomiki-rosta-im-stolykina-p-a-ekonomicheskij-rost-v-mire-i-rossii-novaya-normalnost/> (дата обращения: 07.08.2020) ; Что такое «новая нормальность». URL: <https://www.forbes.ru/partnerskie-materialy/404945-chtotakoe-novaya-normalnost> (дата обращения: 12.08.2020).

⁷ См.: Емельяненко В. Жизнь главнее свободы // Рос. газ. 2020. Федер вып. № 91 (8145). URL: https://rg.ru/2020/04/26/eksperty-zov-po-silnomugosudarstvu-novaiia-tendenciia-obshchestvennogo-soznaniia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 27.04.2020).

⁸ См., например: Правда-мамка от Бориса Акунина. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e7eed3ac0c17b53a2c2ff5f/pravdamatka-ot-borisa-akunina-5eb63734d7c7396a9aa4ab6c> (дата обращения: 14.05.2020) ; Разъединяй и властвуй. Что будет с работой, недвижимостью и страной после того, как все закончится.

URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10922805> (дата обращения: 28.04.2020) ; Белов А. После пандемии наступит новый мировой порядок – Politico. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2938037.html> (дата обращения: 10.05.2020) ; Михаил Делягин объяснил, зачем в мире и в РФ разжигают «коронабесие». URL: <https://regnum.ru/news/society/2935748.html> (дата обращения: 20.05.2020) ; Евстафьев Д. С нами пытаются разыграть сценарий Перестройки 2.0. URL: http://actualcomment.ru/s-nami-pytayutsyazygrat-stsenariy-perestroyki-2-0-2005180943.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 18.05.2020).

⁹ Корня А. Власти Москвы не увидели в самоизоляции ограничений прав горожан // Ведомости. 2020. 25 апр. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/25/828974-vlasti-moskvi-ne-uvideli> (дата обращения: 28.04.2020).

¹⁰ Мэрия Собянина подтвердила своим ответом истцам, что заперла всех по квартирам антиконституционно // Forum.msk.ru. URL: <https://forum-msk.org/material/news/16408712.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Образец для цитирования:

Афонасова А. В. Новая парадигма политического проектирования современного государства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 448–453. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-448-453>

Cite this article as:

Afonasova A. V. New Paradigm of Modern State Political Designing. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 448–453 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-448-453>

УДК 338

«Этничность» и «политичность»: инверсия в современной мифологии гражданской политической субъектности

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

Статья посвящена анализу одной из причин, по которой сегодня в мире, в том числе в России и в «западных» странах с давними либеральными традициями усиливается критическое отношение властных элит и гражданских обществ к институтам, ценностям и практикам либерально-демократической политики. Рост этой неудовлетворенности автор объясняет инверсией смыслов двух стереотипных (социально-мифологических) гражданских идентичностей и соответствующих им мотиваций к политическому участию. Одно стереотипное представление наших современников об идеале демократической политики и оптимальном порядке участия граждан в ней автор статьи обозначает понятием «политичность», другое – понятием «этничность». Инверсия смысла этих мифологем создает в пространстве политической культуры современных гражданских обществ кризисную ситуацию. Сторонники «политичности» либерально-демократической политики видят ее главный недостаток сегодня в чрезмерной ориентированности на специфические «этнические» ценности и традиционные технологии политического участия граждан. Сторонники же «этничности» либерально-демократической политики, напротив, недовольны ее ориентацией на абстрактные («общечеловеческие») ценности и оторванностью от тех конкретных культурных условий, в которых демократический процесс протекает в разных частях современного мира. Результатом, считает автор, является распространение неустойчивых гражданских идентичностей и недоверия граждан к либерально-демократической политике.

Ключевые слова: гражданская культура, социально-политическая мифология, политическая идентичность.

Поступила в редакцию: 19.09.2020 / Принята: 25.09.2020 / Опубликована: 30.11.2020

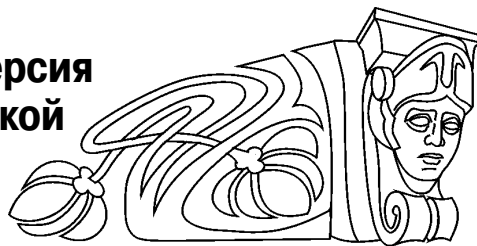
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

“Ethnicity” and “Politicalness”: Inversion in Modern Mythology of Civil Political Subjectivity

N. I. Shestov

Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The article is devoted to analysis of one of the reasons why today in the world, including Russia and “Western” states with long-standing liberal traditions, governing elites and civil societies’ critical attitude to institutions, values, and practices of liberal democratic policy is growing. The author explains the growth of such dissatisfaction by inversion of two

stereotypical (social and mythological) civil identities and corresponding motivations for political participation. One of the stereotypical notions of democratic politics ideal and optimal mode of citizens’ participation in it is called “politicalness”, while the other – “ethnicity”. Inversion of senses of such mythologemas creates a crisis situation within the space of modern civil societies’ political culture. Followers of “politicalness” of liberal-democratic policy regard excessive orientation on specific “ethnic” values and traditional technologies of citizens’ participation as its key drawback. Those who support “ethnicity” of liberal-democratic policy, on the contrary, are discontented with its focus on vague (universal human) values and disconnection from cultural conditions within which democratic process exists in different parts of the world. In author’s view, the result is spreading of unstable civil identities and distrust in liberal democratic policy.

Keywords: civil culture, social and political mythology, political identity.

Received: 19.09.2020 / Accepted: 25.09.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-454-458>

Современные социально-политические системы в абсолютном большинстве имеют сложное, продиктованное длительной и разнообразной историей их развития представление о свойствах и идейных основаниях своей политической субъектности. Другое качество этого представления – его относительная устойчивость в структурах массового сознания. В сознании участников современных политических процессов это представление находит главную опору в политических мифах. Иначе говоря, в стереотипных и окрашенных человеческими эмоциями (неизбежными, когда политика вторгается в повседневную жизнь человека и требует приспособить привычный уклад к ее требованиям и интересам) суждениях о политике в прошлом, настоящем и будущем ее измерениях, а также о ее смысле и «общечеловеческих» и национально-государственных устоях, о распределении ролей и ресурсов между ее участниками.

Понятия «этничность» и «политичность» представляют собой обобщенную теоретическую характеристику двух мифологических доминант в структуре массового сознания современных гражданских обществ. Доминант, чаще всего открыто обнаруживающих себя в кризисные моменты политического процесса, когда гражданское общество сталкивается с необходимостью сделать выбор в пользу ценностей и способов политиче-

ского общежития. Либо традиционных для него ценностей и способов, либо новых, ранее ему известных только по опыту соседних государств, но при этом выглядящих перспективными с точки зрения задач предполагаемой модернизации. Доминант, вместе с тем, постоянно существующих и взаимодействующих в сознании граждан, постоянно побуждающих последних искать и находить компромисс между политически желаемым и исторически возможным в технологии нациестроительства, в том числе в конструировании индивидуальных и социально-групповых политических идентичностей как важнейшей составляющей такой технологии.

За тем и другим понятиями стоит разное представление политических субъектов о том, в чем главный смысл и назначение демократической политики, а также их участия в ней. В первом случае – это уверенность людей, что «настоящая» демократическая политика должна быть направлена преимущественно на сохранение и воспроизводство специфических этнокультурных ценностей (языка, традиций, исторической памяти социума и т. д.). Иначе говоря, конечной целью она должна иметь, прежде всего, политическое сплочение людей на почве общих для них этнокультурных ценностей. Это также уверенность, что причастность людей и социальных групп к уникальному историческому (религиозному, правовому, экономическому и т. д.) опыту предшествующих поколений, их повышенное внимание к символическим атрибутам такой причастности в повседневных частных и публичных практиках само по себе есть все необходимое и достаточное для мотивации их активной гражданской позиции.

Во втором случае речь идет о представлении, что политика доступными ей средствами отесняет в сознании людей их этническую идентичность на второй план. Тем самым она создает условия для их объединения в гражданское общество и нацию. Она в этом смысле позволяет сделать мотивации их мыслей и действий именно гражданскими. Ради своей гражданской идентичности люди, участвующие в такой политике, жертвуют своими этническими маркерами – языком, религиозной принадлежностью и обычаями предков. Нормой для демократической политики здесь является уверенность ее субъектов, что нет в мире ничего выше по значимости, чем ценности «свободы», «равенства», «справедливости», «законности», «толерантности», «выборности», а также прочих надэтнических («общечеловеческих») ценностей и соответствующих им политических институтов и практик¹.

Противопоставление «этничности» и «политичности» требований граждан и гражданских обществ к современной демократической политике в некоторой степени условно. В действительности современные гражданские общества в нашей стране и за рубежом живут более сложны-

ми, можно сказать, более синтетическими представлениями о «правильной» демократической политике, соединяющей в себе обе мифологические мотивации в разных, часто критических пропорциях. Политической науке целесообразно разграничивать эти две фундаментальные мифологические мотивации – это в ее интересах. Прежде всего, потому, что одна из ее задач сегодня – объяснить природу устойчивой и постепенно растущей (открытой и скрытой) неудовлетворенности граждан либеральной политикой, их желания сделать нынешнюю демократию «другой». Причем наблюдается это недовольство даже, казалось бы, в самых благополучных странах современного мира². Неудовлетворенность эта во многих случаях определяет сегодня и будет определять в дальнейшем векторы развития политики и политической культуры в современном мире либеральной демократии.

Неудовлетворенность обществ и элит состоянием либерально-демократической политики в минувшие десятилетия XXI в. широко распространилась по миру и сегодня имеет тенденцию к нарастанию. Она захватывает даже ту часть «среднего класса» в Старом и Новом свете, который традиционно был носителем либерально-демократических ценностей и опорой соответствующих институтов и практик³. Заметно она себя проявляет и в России. Определения «кризис либерализма» и «кризис либеральной политики» стали в последние годы неслучайно частью дискурсов политических и научных дискуссий.

С чем связан этот рост неудовлетворенности граждан теми условиями их политического быта, которые еще какие-то 10–15 лет назад представлялись им оптимальными, нередко единственно возможными для цивилизованного человека и подлежащими обязательному тиражированию в режиме «демократического транзита»?

В нормально организованной и функционирующей либерально-демократической социально-политической системе, если рассуждать формально, не должно быть места такому широкому распространению недовольства граждан условиями демократического общежития. Демократические институты и практики создают достаточно возможностей для того, чтобы развести на безопасные для них дистанции носителей разной социально-политической мифологии и разной идентичности (сторонников и противников «этничности» и «политичности» либеральной политики) и, вместе с тем, дать им достаточно возможностей легально отстаивать свои позиции. Благодаря этому либерально-демократическая политика должна была бы постоянно радовать своих участников новыми для них возможностями и перспективами. А она служит объектом постоянной критики, порой очень жесткой.

Критика демократических институтов и практик слышится сегодня не только из рядов политических абсентеистов. Гораздо больше со-

мнений в ценности демократической политики обнаруживается в действиях и публичных высказываниях, например, участников массовых манифестаций афроамериканцев в различных штатах США, активизировавшихся в период второго президентского срока Б. Обамы и продолжившихся с еще большим размахом и агрессией в период президентства Д. Трампа⁴. Та же направленность прослеживается в массовых акциях сторонников радикальной «толерантности»⁵ и «желтых жилетов» во Франции и соседних с ней европейских странах⁶. На критике либеральной политики зарабатывают популярность различные радикально-националистические организации по всей Европе, заметно активизировавшиеся в условиях кризиса европейской миграционной политики. В современном мире в любой стране с демократической политической системой всегда найдутся основания (от проблем экологии и избыточного материального потребления до проблем семейной и гражданской этики) для недовольства либерально-демократической политикой со стороны ее же активных участников⁷.

В России сегодня критика либерально-демократической политики (и отечественной, и зарубежной) тоже звучит достаточно громко⁸, причем из уст как консерваторов и социалистов, так и самих либералов, усматривающих в инициативах и действиях российских властей, а также в реакции на них институтов гражданского общества пародию на «настоящий» («западный») либерализм. Высокий градус этой критики поддерживают СМИ. Дело, вместе с тем, не только в активности медийных структур. К недовольству российских граждан результатами прежних радикальных либерально-рыночных экспериментов в нашей стране сегодня добавилось и их недовольство активностью тех стран, которые сами себя позиционируют в качестве образцово-показательного примера самой настоящей и правильной либеральной демократии. Прямая апологетика достижений зарубежной либеральной демократии сегодня не в чести даже у самых последовательных и радикальных российских либералов. Они предпочитают популяризовать эти достижения среди российских граждан косвенно, посредством разоблачений «режима Путина», как это в непрерывном режиме делают, например, радиостанция «Эхо Москвы» и «Фонд борьбы с коррупцией» А. Навального.

Есть, вместе с тем, более фундаментальное и долгосрочное основание для дальнейшего роста во многих странах, включая и Россию, недовольства граждан либерально-демократической политикой. Недовольство находит себе опору в инверсии мифологических основ гражданской идентичности, а именно инверсии представлений граждан о «политичности» и «этничности» политики, на которые во многом, как уже было отмечено, эти идентичности опираются.

Доминирующим признаком истинной «политичности» (максимального соответствия идеальному образу либерально-демократического устройства государства и общественной жизни) мыслей и действий как рядового гражданина, так и политического лидера и даже всей властной элиты в современном национальном государстве стала сегодня готовность всегда и во всем в политике следовать принципу радикальной «толерантности»⁹. Радикализм же понимания гражданином принципа «толерантности» и демонстрации приверженности гражданином ей достигается тем, что главным адресатом «толерантных» мыслей и действий настоящего гражданина в демократическом обществе, согласно новой интерпретации мифологемы «политичности», выступают этнические и расовые сообщества¹⁰.

Не менее значимым адресатом для проявления гражданской «толерантности» являются сексуальные меньшинства (с учетом их влияния на политику слово «меньшинства» следовало бы поставить в кавычки). Настойчивость и вседушность последних в отстаивания своих частных и групповых интересов, прав и ценностей перед государством и «нетолерантными» согражданами сегодня делает реальностью самые смелые фантазии классиков либеральной мысли прошлых веков об идеале гражданской политической сознательности и активности. ЛГБТ-сообщества в либерально-демократическом политическом процессе берут на себя фактически роль «пассионарных суперэтносов», своей сознательностью и активностью поднимающих мысли и действия менее активных сограждан до предельных высот «политичности». А главным предметом для «толерантных» и потому по-настоящему «политичных» коммуникаций становятся различные (бытовые, религиозные, этические, правовые и т. д.) проявления гражданами собственной этнической принадлежности.

В то же время в пространстве либерально-демократической политики сегодня возникло и тиражируется СМИ другое стереотипное представление: что демонстративное и даже агрессивное заявление человека о своей «этничности» (расовой, языковой, религиозной, либо сексуальной уникальности) и о своем желании навязать свое специфическое мировоззрение всем, с ним не согласным, это и есть позиция, которая в наибольшей мере соответствует принципам и ценностям либерально-демократической политики¹¹. В обиходе зарубежных и отечественных политических аналитиков появилось понятие «репрессивная толерантность».

С формальной точки зрения, никакого нарушения естественного порядка нет. В навязывании своих ценностей сторонникам и противникам либерализм, как и другие классические идеологические доктрины, всегда проявлял повышенную настойчивость. Проявляет ее он

и сейчас – когда средствами «мягкой силы», а когда и силы военной, распространяя свое влияние по миру. Но в данном случае старая форма скрывает новое содержание. Объектом агрессии внутри самого пространства либеральной политики стало классическое представление о ее норме. Взамен принципа «политика должна быть полезна нации» гражданам и элитам сегодня предложено руководствоваться принципом «политика должна хорошо выглядеть», т. е. любыми средствами избегать конфликта с этническими и религиозными нормами общежития. В рамках социально-политической мифологии смыслы идентичностей «политичность» и «этничность» поменялись местами.

В такой ситуации наступают трудные времена для гражданина с устойчивой традиционной идеологической идентичностью, уверенного, что его этнические традиции и ценности (этнополитические в том числе) есть предмет его коммуникаций внутри семьи и этнической группы, а его гражданские интересы и ценности есть предмет коммуникации со своей нацией (надэтническим сообществом политических единомышленников и строителей национального государства). Как он должен выстроить мифологическую, т. е. не подлежащую внутренней и внешней критике политическую идентичность, чтобы поддержать свою политическую субъектность в демократическом процессе? Посредством каких механизмов и инструментов он должен демонстрировать всем другим субъектам политики свой *lo stato*, чтобы быть «равным среди равных», а не стать маргиналом в собственном отечестве?

В «западном» ареале либерально-демократической политики толчок этой инверсии дал кризис политики «мультикультурализма». Особенно наглядным примером этого кризиса стало образование культурно, политически, а часто и экономически (нередко за счет развития теневой экономики) обособленных этно-конфессиональных «азиатских», «ближневосточных» и «африканских» анклавов в наиболее развитых демократических странах Старого и Нового света. На смену «мультикультурализму» с началом нового тысячелетия – в одних европейских странах чуть раньше, в других чуть позже – пришла «политика общечеловеческих ценностей» и «европейской толерантности». Сегодня она больше или меньше, но очевидно мешает обществам и институтам государства с давними традициями гражданской жизни на условиях либеральной демократии справляться с прессингом миграционных проблем и с этическими конфликтами между собственными гражданами, сторонниками и противниками пресловутой «толерантности»¹². В США аналогичный кризис постиг политику «плавильного котла».

Разными путями демократии Старого и Нового света пришли сегодня к одному результату – к уверенности значительной части рядовых

граждан и представителей элиты, что универсальные инструменты, принципы и ценности жизни гражданина в свободном обществе и социальном государстве пасуют перед устойчивостью этноконфессиональных общественных традиций и заинтересованностью граждан идентифицировать себя с ними и на этом основывать политическое участие. Только одна часть граждан и элит готова согласиться со сложившейся ситуацией, принять ее как данность, другая же часть граждан и элит считает ее ненормальной и подлежащей исправлению самыми решительными мерами, в том числе в русле укрепления связи между либеральной европейской «политичностью» и европейской исторической «этничностью». Как заявил в интервью *The New York Times* главный редактор датской леволиберальной газеты *Dagbladet Information* Руне Ликкеберг, «у датчан высокий уровень доверия к государству, включая и его роль как силы, формирующей идеологию и убеждения детей. Англо-саксонская концепция гласит, что человек свободен по природе, а государство лишь ограничивает его свободы. Наша концепция свободы утверждает прямо противоположное – человек свободен только в рамках общества»¹³.

В США инверсия в смыслах мифологем «политичности» и «этничности» уже поставила общество и государство на грань гражданской войны. Пока далеки от этой грани, но быстро приближаются к ней, если судить по росту «правых» настроений электората и властных элит, европейские страны, исторически играющие роль оплота либеральной демократии в Старом свете и несущей конструкции Евросоюза.

Вопрос о том, в какой мере и при каких условиях Россия останется в стороне от этого процесса формирования неустойчивых гражданских идентичностей и сопутствующих им гражданских конфликтов, пока остается открытым. Ответ зависит во многом от того, как долго и насколько устойчиво будут в обществе и элите сохраняться ориентации на консервативно-патриотическое понимание российской стратегии демократического процесса. Нетрудно представить негативные последствия не только для демократического процесса и гражданской культуры, а просто для целостности и суверенитета страны, если в полиэтничном, поликонфессиональном и разбитом на региональные сегменты с разным уровнем демократической «политичности» российском пространстве в сознании людей вдруг возобладают ориентации на «этничную» стратегию развития государства и гражданского общества. Последствия будут вполне сопоставимы с последствиями распада Советского Союза.

Примечания

¹ См.: Принцип надлежащего управления. URL: <https://zen.yandex.ru/media/gosaudit/princip-nadlejascego>

- upravleniia-5eb1a19544b0643059f57ae1 (дата обращения: 05.05.2020) ; Le Figaro (Франция) : герилья в Дижоне – отнюдь не происшествие местного масштаба. URL: https://inosmi.ru/social/20200619/247634918.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 24.06.2020).
- ² См.: Как менялась доля людей, верящих в работающее на их благо государство. URL: <https://zen.yandex.ru/media/pstat/kak-menialas-dolia-liudei-veriascih-v-rabotaiusceena-ih-bлаго-gosudarstvo-5e5d2bd0fc936829ebeed14d> (дата обращения: 27.04.2020).
- ³ См.: Никакой власти народу. Рецензия на книгу французского ученика Хайдеггера Франсуа Фейде. URL: https://yandex.ru/turbo/s/gorky.media/reviews/nikakoj-vlasti-narodu/?promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 05.05.2020).
- ⁴ См.: *Наумов А.* Весь мир расизма мы разрушим. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4406566?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial#id1904931 (дата обращения: 06.07.2020) ; *Ким Л.* Демонстративное омовение ног чёрным ещё аукнется Америке. URL: https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/opinions/2020/6/12/1044677.html?promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 13.09.2020) ; Люди в США пишут о требованиях протестующих. URL: https://zen.yandex.ru/media/sandro_gross/liudi-v-ssha-pishut-o-trebovaniiah-protestiuiuscih-5ee3541a07b2a45c062d267c (дата обращения: 12.06.2020).
- ⁵ См.: Французский поворот – «коренное население страны доминирует, что дает другим расам повод для возмущения»... URL: <https://zen.yandex.ru/media/vecher/francuzskii-povorot-korennoe-naseleniestrany-dominiruet-cto-daet-drugim-rasam-povod-dlia-vozmusceniia-5f17c854352ffd37abb95652> (дата обращения: 12.09.2020).
- ⁶ См.: *Бурмо Д., Лапина Н. Ю.* Движение «желтых жилетов»: взгляд из России и Франции // *Россия и современный мир.* 2019. № 3 (104). С. 37–63. DOI: 10.31249/rsm/2019.03.03
- ⁷ См.: *Десау Радик.* Неолиберальное лекарство для экономики : хуже, чем болезнь. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/neoliberalnoe-lekarstvo-dlya-ekonomiki/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 04.05.2020).
- ⁸ См.: Жизнь главное свободы. URL: https://rg.ru/2020/04/26/eksperty-zov-po-silnomu-gosudarstvunovaia-tendenciia-obshchestvennogo-soznaniia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 27.04.2020) ; Гипотетический сценарий распада России. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e3f7ee3fe0dd810cfe8df42/gipoteticheskii-scenarii-raspada-rossii-5eb4355f34fef7121512125e> (дата обращения: 09.05.2020) ; *Михалков Н.* Бесогон ТВ № 137. У кого в кармане государство? (снятый с показа на Россия 24-й выпуск). URL: <http://www.besogon.tv/mikhalkov/180-besogon-tv-137-u-kogo-v-karmanegosudarstvo.html> (дата обращения: 30.04.2020) ; *Назаров В., Лазарян С.* Побочный эффект : чем грозит усиление государства в мире после пандемии. URL: https://www.rbc.ru/opinions/politics/20/04/2020/5e9d58579a794737af3cc2b5?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 21.04.2020).
- ⁹ См.: *Гуторов В. А.* Толерантность как универсальный ценностный фактор мировой политики? // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки.* 2012. № 3. С. 46–51.
- ¹⁰ См.: *Лобанов К. Н.* Проблема этнической толерантности в странах Европы и ее новое содержание в условиях ужесточения иммиграционной политики Европейского союза // *Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чита, 16 мая 2019 г.). Чита : Изд-во Забайкал. гос. ун-та, 2019. С. 126–128.*
- ¹¹ См.: *Дубровский А.* Репрессивная толерантность губит США. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5ef5d56499d22e15460a3def/aleksandr-dubrovskii-repressivnaia-tolerantnost-gubit-ssha-5f0c16bae557163e956222d8> (дата обращения: 20.07.2020).
- ¹² См.: Мир на коленях. Флешмоб всеобщего покаяния. URL: https://zen.yandex.ru/media/cap_green/mir-na-koleniah-fleshmob-vseobscego-pokaianiia-5eda44a36601df3182e26624 (дата обращения: 10.06.2020).
- ¹³ От интеграции к ассимиляции : почему в толерантной Дании принудительно ликвидируют этнические «гетто». URL: https://realt.onliner.by/2020/09/16/pochemu-v-danii-likvidiruyut-etnicheskie-getto?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 15.09.2020).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. «Этничность» и «политичность»: инверсия в современной мифологии гражданской политической субъектности // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2020. Т. 20, вып. 4. С. 454–458. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-454-458>

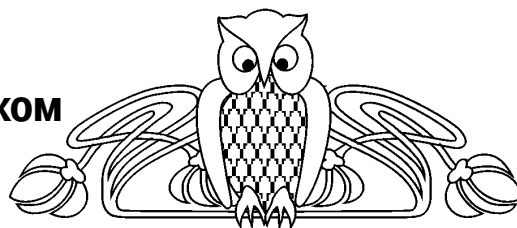
Cite this article as:

Shestov N. I. «Ethnicity» and «Politicalness»: Inversion in Modern Mythology of Civil Political Subjectivity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Poliitology,* 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 454–458 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-454-458>

УДК 32.019.51

Сетевой и иерархический формат цифровой пропаганды в политическом коммуникативном пространстве

А. А. Коробов

Коробов Андрей Александрович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, aakorobov@inbox.ru

Статья посвящена анализу категории «цифровая пропаганда» в контексте развития политического коммуникативного и, прежде всего, телекоммуникативного пространства. Акцент делается на рассмотрении сетевого и иерархического формата цифровой пропаганды, отражающего специфику современной интернет-среды. Обосновываются причины возможного ослабления пропагандистского воздействия в социальных медиа, предлагаются меры повышения эффективности цифровой пропаганды.

Ключевые слова: цифровая пропаганда, формат пропаганды, коммуникативное пространство, сетевое сообщество.

Поступила в редакцию: 29.08.2020 / Принята: 14.09.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Network and Hierarchical Format of Digital Propaganda in the Political Communicative Environment

A. A. Korobov

Andrey A. Korobov, <https://orcid.org/0000-0001-8786-8168>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia, aakorobov@inbox.ru

The article is devoted to the analysis of the category of “digital propaganda” in the context of the development of political communicative and primarily tele-communicative environment. The emphasis is placed on considering the network and hierarchical format of digital propaganda, reflecting the specifics of the modern Internet environment. The reasons for the possible weakening of propaganda impact on social media are substantiated, measures to increase the effectiveness of digital propaganda are proposed.

Keywords: digital propaganda, propaganda format, communicative environment, network community.

Received: 29.08.2020 / Accepted: 14.09.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-459-463>

Цифровая пропаганда – феномен, появившийся в результате интенсивного развития глобального интернет-пространства, массового внедрения информационно-коммуникационных технологий в общественно-политические отношения и актив-

ного вовлечения в процесс производства, воспроизводства, передачи и, самое главное, потребления циркулируемой в Интернете информации широких слоев населения. Цифровая пропаганда приобрела много сугубо специфических черт, сделавших ее довольно интересным объектом исследования. Будучи в определенной степени производной от состояния политического коммуникативного пространства, цифровая пропаганда видоизменяется и модернизируется вместе с самим этим пространством, непрерывно генерирует новые подходы и приемы для повышения эффективности пропагандистского воздействия. Такое положение вещей требует пристального внимания к этому феномену со стороны научно-экспертного сообщества, приращения научного знания в области новых (цифровых) возможностей политической пропаганды в Глобальной сети, анализа, оценки и прогнозирования возможных последствий цифровой пропаганды для социума.

Актуальность данной проблемы нашла свое отражение в ряде научных трудов отечественных и зарубежных исследователей, среди которых Т. С. Мельникова¹, В. А. Евдокимов², С. В. Володенков³, S. S. Woolley, D. R. Guilbeault⁴, В. Д. Соловей⁵. В настоящее время на базе Оксфордского интернет-института Оксфордского университета реализуется исследовательский проект «COMPROP» (аббревиатура от «Computational Propaganda» – компьютерная/вычислительная пропаганда (<https://comprop.oii.ox.ac.uk/>)), в ходе которого группой экспертов исследуются различные грани взаимодействия математических алгоритмов, процессов автоматизации и цифровой политики с целью пропагандистского воздействия на целевую аудиторию и манипулирования массовым общественным сознанием за счет изменения (усиления или подавления) в социальных сетях политического контента, дезинформации аудитории и других схожих приемов. Иными словами, в научных трудах оксфордских специалистов акцент ставится на роли искусственного интеллекта в процессе политической пропаганды. Однако во всех этих работах раскрываются далеко не все аспекты современной цифровой пропаганды, многие механизмы пропагандистского воздействия в интернет-пространстве вовсе выведены за границы предметного поля исследования. Не уделяется должного внимания и форматам политической пропаганды в цифровой среде. А этот вопрос наиболее интересен в концептуальном плане: его

раскрытие способствует более глубокому осмыслению природы и возможностей, а также границ применимости методов цифровой пропаганды в ее нынешнем виде и в проекте на будущее.

В соответствии с этим цель настоящей статьи состоит в выявлении специфики сетевого и иерархического формата цифровой пропаганды в условиях непрерывного развития политического коммуникативного пространства. Достижение этой цели предполагает последовательность решения следующих задач: определить сущность категории «цифровая пропаганда», ее детерминирующие факторы (экзогенные и эндогенные детерминанты); проанализировать форматы цифровой пропаганды, отражающие структуру политического коммуникативного пространства и происходящие в нем изменения.

В мировой политической науке еще не сложилось единого мнения, что конкретно считать «цифровой пропагандой». Некоторые исследователи считают данный термин одной из форм, видов классической политической пропаганды, протекающей в информационно-коммуникативной среде и осуществляющей направленное воздействие на интернет-аудиторию⁶. При таком подходе сущность и содержание пропаганды как процесса распространения и навязывания обществу идейных ценностей остаются неизменными и в цифровой пропаганде, меняется только форма. Подобный взгляд на феномен «цифровой пропаганды» остается весьма распространенным в современном научном и экспертном сообществе. Но есть и иная точка зрения: цифровизация политической пропаганды (представляющая собой процесс перехода открытого распространения политических идей с целью формирования нужного общественного мнения на новые модели и способы, основанные на информационно-коммуникативных технологиях) привела к перевоплощению не только внешней формы, но и базовых основ классической пропаганды, т. е. в цифровой среде изменилась сама сущность пропаганды. Причина этого – появление специфической «цифровой культуры» как результат изменения характера восприятия людьми политической действительности через мониторы своих компьютеров, ноутбуков, планшетов и прочих гаджетов и постепенной трансформации системы ценностей⁷. Если рассуждать в данном ключе, то цифровая пропаганда возможна только тогда, когда имеют место:

– интернет-зависимость у преобладающего большинства членов социума, т. е. когда человек регулярно, по нескольку раз в день выходит в Интернет;

– вера людей – пользователей Интернета в независимость Глобальной сети, альтернативность и объективность информационных продуктов (или хотя бы большей их части), распространяющихся в сети, или, иными словами, – высокий уровень доверия интернет-пользователей к распространяемой по каналам сети информации;

– клиповое мышление основной массы интернет-аудитории;

– техническая возможность бесперебойно распространять и получать информацию в режиме 24/7.

При невыполнении хотя бы одного из этих четырех условий цифровая пропаганда перестает быть пропагандой как таковой. Она перестает выполнять свою главную задачу – воздействовать на сознание и подсознание людей с целью усвоения ими определенных ценностей и формирования конкретной мировоззренческой позиции.

На сегодняшний день еще довольно трудно определить, какой из двух вышеприведенных подходов к интерпретации понятия «цифровая пропаганда» наиболее близок к истине. Однако с учетом магистральных тенденций в развитии политического коммуникативного пространства можно с большой долей вероятности предположить, что в обозримом будущем произойдет окончательное размежевание классической и цифровой пропаганды, и вторая точка зрения станет единственно верным определением категории «цифровая пропаганда».

Сам факт наличия или отсутствия цифровой пропаганды в социальных сетях, интернет-форумах, на дискуссионных площадках, в группах и каналах мессенджеров, характер распространяемой информации и структура ее содержания, охват аудитории обуславливаются внутренними факторами – эндогенными детерминантами, связанными с целенаправленной деятельностью субъектов политики по внедрению определенных идей в интернет-аудиторию, т. е. с интересами конкретных политических акторов: органов государственной власти, оппозиционных партий, общественных движений и т. п. Изменения политического коммуникативного пространства, инновационные технические возможности распределения информационных потоков, внедряемые IT-технологии по регулированию контента и т. д. составляют совокупность внешних факторов – экзогенных детерминант – цифровой пропаганды. Эндогенные детерминанты цифровой и классической пропаганды схожи по очень многим показателям, в то время как экзогенные – существенно отличаются друг от друга. Поэтому анализировать различные форматы цифровой пропаганды имеет смысл исходя из внешних факторов, ее обуславливающих.

Отправной точкой анализа выступает положение, что цифровая пропаганда несет в себе характерные черты современного телекоммуникативного пространства, его транзакционные особенности, свойства коммуникаторов информационных потоков. То есть политико-коммуникативное пространство определяет механизм, принципы, формат, форму цифровой пропаганды. Какова цифровая среда (прежде всего, структура виртуальных online-сообществ и источников, каналов распространения информации), такова и

политическая пропаганда в ней. А этой среде присуще, как показали многочисленные зарубежные и отечественные исследования, одновременно и сетевые, и иерархические свойства⁸. Если рассмотреть отдельно виртуальные сообщества, образующие в своей совокупности целевую аудиторию, т. е. объект пропаганды, то по форме самоорганизации, функционированию и взаимодействию участников они представляют собой одноуровневую сеть с горизонтальными взаимоотношениями, построенную на основе равенства и свободы общения⁹. Такое построение online-сообществ хорошо обосновывается концепцией сетевого индивидуализма¹⁰. «Каждый пользователь [при наличии желания] может построить свою собственную индивидуальную информационно-коммуникативную среду, самостоятельно выбирая, каким источникам информации и площадкам для коммуникации пользоваться, <...> выбрать себе идеологию из большого числа вариантов и находить себе единомышленников»¹¹. Но в то же самое время в виртуальных сообществах сохраняются и социальная стратификация, и иерархические отношения¹² – в силу, например, наличия модераторов, администраторов сети и/или групп в соцсетях, определенных рейтингов, статусов участников и т. п., что приводит к такому явлению, как сетевое неравенство¹³.

Если рассмотреть коммуникаторы, источники и каналы распространения информации в политическом интернет-пространстве, то картина получается довольно схожая.

С одной стороны, все они как бы встроены в глобальную одноуровневую сеть. Но с другой, политическое коммуникативное пространство обладает такими свойствами, как многомерность (наличие разноразмерных коммуникативных подсистем и элементов) и гетерогенность (неоднородность, асимметричность информации и пространства движения информации)¹⁴, вследствие чего различные виды и подвиды коммуникаторов и каналов передачи политических сообщений обладают разной эффективностью, неодинаковыми технико-психологическими возможностями воздействия на массовое сознание и играют различную роль в процессе цифровой пропаганды. Более того, сама пропагандистская информация (т. е. информация, целенаправленно создаваемая и распространяемая в пропагандистских целях) – весьма специфическая категория. Она, во-первых, имеет сложную структуру, позволяющую воздействовать на подсознание человека и вызывать определенные эмоции, включая скрытый подтекст, определенным образом расставленные акценты и т. п. Во-вторых, данная информация подается в строго дозированных объемах, чтобы привлечь и удержать внимание аудитории, но в то же время не вызвать отторжения от переизбытка информации. В-третьих, пропагандистская информация всегда создается под конкретную целевую аудиторию. И, естественно, далеко не каждый элемент интернет-сети способен

производить, создавать такой информационный продукт. Для этого как минимум требуются определенные ресурсы. Соответственно, основная масса неформальных политических сообществ социальных сетей, пытающихся пропагандировать свои политические идеи, на деле занимаются не пропагандой, а обычным распространением значимой – в первую очередь для самого этого сообщества – информации, и не более того. И никакого пропагандистского эффекта (воздействия на людей) данный род деятельности не дает. Следовательно, подобные элементы коммуникативного пространства можно или отнести к самому низшему уровню иерархии цифровой пропаганды, или вовсе исключить из рассматриваемой системы пропаганды.

Таким образом, в зависимости от способности генерировать пропагандистскую информацию и распространять ее в интернет-пространстве коммуникаторы занимают определенную нишу, определенный уровень.

Иерархия, согласно Новой философской энциклопедии, интерпретируется как «...важнейший принцип структурной организации многоуровневых динамических систем, характеризующий взаимную корреляцию и соподчинение процессов на различных уровнях системы и обеспечивающий ее функционирование и поведение в целом»¹⁵. Отталкиваясь от такого определения, иерархический формат цифровой пропаганды предстает в виде многоуровневой соподчиненности субъектов пропаганды. Если, например, рассмотреть государственный сегмент политического телекоммуникативного пространства в Российской Федерации, то здесь цифровая пропаганда осуществляется на трех уровнях:

- 1) информационные агентства: ТАСС, МИА «Россия сегодня», «Интерфакс»;
- 2) государственные электронные СМИ и региональные информагентства;
- 3) инициативные группы / виртуальные сообщества, воспроизводящие и ретранслирующие, репостирующие полученную со второго и первого уровня информацию в сетях и мессенджерах: «ВКонтакте», YouTube, Telegram.

В коммуникативном пространстве США – это, соответственно:

- 1) информационные агентства: *Associated Press, United Press International, United States Information Agency* и аналогичные им;
- 2) электронные СМИ (в частности, *The Washington Post, The New York Times, CNN*) и региональные информагентства;
- 3) социальные медиа: Twitter, Facebook, YouTube, Flickr, Instagram, Tumblr, Pinterest, Google+, TikTok.

Цифровая пропаганда оппозиционных политических сил в России укладывается в аналогичную по форме иерархическую модель, только более низкого порядка:

- официальные сайты политических организаций (партий, движений);

– электронные газеты/журналы, авторские блоги, независимые информационные агентства, Telegram-каналы;

– группы в социальных сетях.

На иерархический характер системы коммуникаторов в политическом телекоммуникативном пространстве указывает и разная степень доверия интернет-аудитории к тому или иному источнику и каналу получения информации. Чем выше доверие, тем более высокий иерархический уровень занимает коммуникатор. Этот аспект тесно связан с еще таким параметром, как цитируемость информационного ресурса. По количеству цитирований источников политической информации в социальных медиа можно выделить отдельные уровни. Например, по результатам исследования компании «Медialogия», в мае 2020 г. электронные информационные ресурсы занимали следующие уровни по цитируемости в соцмедиа (таблица)¹⁶.

Добавим, что классической пропаганде изначально была присуща жесткая иерархия. Вышестоящая инстанция дает установку нижестоящей, та – своим подчиненным структурам и т. д. В цифровой пропаганде иерархия сохраняется, но не в столь жесткой форме.

В итоге получается, что и конечный объект цифровой пропаганды – целевая аудитория, и производители-распространители пропагандистской информации в Интернете функционируют одновременно по сетевой и иерархической схеме. Коммуникатор дает «первичный пропагандистский импульс» в одном или нескольких направлениях. Причем сила и характер этого импульса изначально определяются иерархиче-

ским уровнем коммуникатора. Затем массовые горизонтальные связи передают и перераспределяют потоки пропагандистской информации, усиливают или, наоборот, ослабляют первичный импульс. Во втором случае имеет место эффект «сопротивление среды». Причина этого может лежать в области информационной перенасыщенности аудитории, когда переизбыток информации делает интернет-пользователей не восприимчивыми к пропагандистской информации, в области низкого доверия к первоисточнику информации, а также в технических сбоях функционирования социальных сетевых медиа. Первая проблема решается за счет увеличения яркости, контрастности, эффектности преподносимой интернет-аудитории информации – чтобы она резко выделялась на общем фоне «информационной засоренности»; вторая – за счет создания механизма управления степенью доверия интернет-аудитории к тому или иному источнику и каналу получения информации. Повышая доверие к одним информационным ресурсам и одновременно понижая доверие к другим, можно добиться переструктуризации коммуникаторов внутри иерархии: повышения статуса одних и понижения статуса других. Третья проблема решается путем максимально возможного расширения охвата цифровой пропагандой социальных сетей, блогосферы и т. п. – тогда возможный сбой одного интернет-ресурса будет компенсирован другими ресурсами. В любом случае за «первичным пропагандистским импульсом» через определенный промежуток времени должен следовать «вторичный импульс», корректирующий силу и направления воздействия первого, и т. д.

Цитируемость информационных ресурсов в социальных медиа

Уровень	Ресурс	Количество гиперссылок в соцмедиа
1	РИА Новости (https://ria.ru/)	1 672 537
	Meduza.io (https://meduza.io/)	1 080 282
	Openmedia.io (https://openmedia.io/)	963 235
	Rbc.ru (https://www.rbc.ru/)	931 077
	Russian.rt.com (https://russian.rt.com/)	895 197
	Эхо Москвы (https://echo.msk.ru/)	608 100
2	Комсомольская правда (kp.ru)	596 065
	Московский комсомолец (mk.ru)	587 999
	ТАСС (https://tass.ru/)	523 043
	Радио Свобода (https://www.svoboda.org/)	446 913
	Новая газета (https://novayagazeta.ru/)	446 700
	Российская газета (https://rg.ru/)	419 253
3	Коммерсантъ (https://www.kommersant.ru/)	381 511
	Аргументы и факты (https://aif.ru/)	360 811
	Известия (https://iz.ru/)	314 177
	Интерфакс (https://www.interfax.ru/)	277 902
4	Ведомости (https://www.vedomosti.ru/)	148 131
	Завтра (https://zavtra.ru/)	79 230
	Парламентская газета (https://www.pnp.ru/)	46 634

Экзогенные детерминанты, обозначенные в начале статьи, обуславливают своеобразную «архитектуру» цифровой пропаганды – ее сетевой базис и своеобразную многоуровневую надстройку. Пространство распространения пропагандистской информации пребывает в состоянии непрерывного нелинейного расширения, захвата и освоения новых ниш социальных медиа. Направления этого расширения задают IT-векторы политических коммуникаций, в результате чего конфигурация цифровой пропаганды в политическом коммуникативном пространстве начинает повторять очертания структуры действующих медийных и социальных платформ. Несмотря на то обстоятельство, что цифровой пропаганде присущи одновременно оба формата: сетевой и иерархический, проявляют они себя в разные моменты времени по-разному. При доминировании одних экзогенных факторов на передний план выходят сетевые свойства пропаганды, при доминировании других – проявляет себя в полной мере иерархический принцип.

В целом же, подводя черту под всем вышесказанным, можно с большой долей вероятности предположить, что в современных условиях развития политического коммуникативного пространства иерархический формат органически дополняет сетевой, что придает цифровой пропаганде устойчивость и наибольшую эффективность. Следовательно, дальнейшую модернизацию цифровой пропаганды – приведение ее в соответствие с изменяющимися техническими характеристиками политической интернет-среды – целесообразно осуществлять параллельно в двух плоскостях, развивая сетевой принцип и оптимизируя иерархический.

Примечания

- 1 См.: Мельникова Т. С. Особенности политической пропаганды в интернет-пространстве // Наука и общество. 2012. № 1 (4). С. 93–96.
- 2 См.: Евдокимов В. А. Пропаганда в интернете // Полис. 2012. № 4. С. 137–142.
- 3 См.: Володенков С. В. Особенности и возможности применения технологий интернет-пропаганды в политическом управлении // PolitBook. 2016. № 4. С. 15–30.
- 4 См.: Woolley S. S., Guilbeault D. R. Computational Propaganda in the United States of America : Manufacturing Consensus Online // Woolley S., Howard P. N. (eds.). Working Paper. 2017. № 5. Oxford, UK : Project on Computational Propaganda. comprop.oii.ox.ac.uk <<http://comprop.oii.ox.ac.uk/>>. 28 p.
- 5 См.: Соловей В. Д. Особенности политической пропаганды в цифровой среде // Гуманитарные науки. Вестн. Финансового ун-та. 2018. Т. 8, № 1 (31). С. 81–87. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-7-1-81-87>
- 6 Там же.
- 7 См.: Каминченко Д. И., Шмелева О. Ю. Социальные медиа как инструмент формирования политической картины мира современной молодежи (на материалах Нижегородского региона) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 212. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-212-218>
- 8 Обзор этих исследований см.: Рыков Ю. Г. Сетевое неравенство и структура онлайн-сообщества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, № 4 (81). С. 144–156.
- 9 См.: Wellman B., Boase J., Chen W. The Networked Nature of Community : Online and Offline // IT & Society. 2002. Vol. 1, № 1. P. 151–165 ; Rainie L, Wellman B. Networked : The New Social Operating System. Cambridge ; L. : The MIT Press, 2012.
- 10 См.: Wellman B. Physical Place and Cyberplace : The Rise of Personalized Networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25, № 2. P. 227–252.
- 11 Цит. по: Володенков С. В. Указ. соч. С. 19.
- 12 См.: Reid E. Hierarchy and power : Social control in cyberspace // Communities in cyberspace / ed. by M. Smith, P. Kollock. N. Y. : Routledge, 1999. P. 107–133 ; Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов н/Д : Изд-во Рост. госун-та, 2004 ; O'Neil M. Cyberchiefs : Autonomy and Authority in Online Tribes. L. : Pluto Press, 2009.
- 13 См. подробнее: Рыков Ю. Г. Указ. соч.
- 14 См.: Кривокора Е. И. Проблемы моделирования коммуникативного пространства // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2013. № 1 (115). С. 124–132.
- 15 Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Институт философии РАН ; Национальный общественно-научный фонд. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. Интернет-версия издания: URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH015cc06b31a4448290a5d95c> (дата обращения: 09.07.2020).
- 16 Федеральные СМИ : май 2020 // Медиалогия. Мониторинг СМИ и социальных сетей : инструмент оценки эффективности коммуникации. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/7491/> (дата обращения: 30.07.2020).

Образец для цитирования:

Коробов А. А. Сетевой и иерархический формат цифровой пропаганды в политическом коммуникативном пространстве // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 459–463. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-459-463>

Cite this article as:

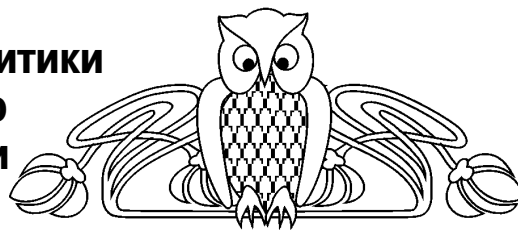
Korobov A. A. Network and Hierarchical Format of Digital Propaganda in the Political Communicative Environment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 459–463 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-459-463>

УДК 321.01

Болонский процесс как фактор политики реформирования системы высшего образования в современной России

И. В. Андропова, Н. В. Лаптева

Андропова Ирина Владимировна, доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института экономики и управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, m838om@mail

Лаптева Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института экономики и управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, lapteva.n@list.ru

На основе анализа научного дискурса о результатах внедрения целей и принципов Болонской декларации в процессе реформирования системы высшего образования в России и в результате осмысления собственного педагогического опыта работы в вузе авторы приходят к выводу о том, что ориентация на вхождение страны в мировое образовательное пространство было обусловлено не столько реальными внутренними потребностями совершенствования отечественной системы высшего образования, сколько политическими факторами в результате инерционного воздействия стратегии либерального реформирования 1990-х гг. Обосновывается целесообразность сосредоточить интеллектуальные усилия университетского сообщества на обеспечении цифровизации образовательного процесса в вузах в соответствии с задачами и потребностями отечественной экономики и общества в целом.

Ключевые слова: Болонский процесс, политика реформирования системы высшего образования в России, политика цифровизации образовательного процесса.

Поступила в редакцию: 05.09.2020 / Принята: 14.09.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Bologna Process as a Factor of Higher Education System Reformation Policy in Modern Russia

I. V. Andronova, N. V. Lapteva

Irina V. Andronova, <https://orcid.org/0000-0001-8278-7254>, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, 34, Moskovskoye Shosse, Samara 443086, Russia, m838om@mail.ru

Natalya V. Lapteva, <https://orcid.org/0000-0002-7176-4951>, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, 34 Moskovskoye Shosse, Samara 443086, Russia, lapteva.n@list.ru

Based on the analysis of scholarly discourse on the results of Bologna Declaration goals and principles' incorporation into reformation of higher education system in Russia and through their own experience

of teaching in higher education institutions, the authors come to conclusion that commitment to accession into the world educational space was caused not so much by real domestic needs to improve home higher education system but by political factors as a result of slow-response impact of a liberal reformation strategy of the 1990s. Expediency to concentrate intellectual resources of university academia necessary for digitalization of educational process in compliance with the aims and needs of economy and the whole society is substantiated.

Keywords: Bologna process, higher education system reformation policy in Russia, policy of digitalization of educational process.

Received: 05.09.2020 / Accepted: 14.09.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-464-469>

Проблема присоединения России к Болонскому процессу изначально воспринималась неоднозначно в отечественном вузовском сообществе. С одной стороны, она отражала те тенденции, которые были заложены в 1990-е гг. стратегией либерального реформирования всех сфер общественной жизни, нацеленной на возвращение России «в семью цивилизованных европейских народов». В этом контексте она была логическим следствием и важнейшим элементом реализации данной стратегии по вхождению России в европейское образовательное пространство. С другой стороны, сложности и крайне негативные последствия радикальных либеральных преобразований в экономической и социальных сферах в постсоветской России не могли не сказаться и на восприятии идей и принципов Болонского процесса как основы политики реформирования системы высшего образования. Не случайно, что их внедрение началось значительно позже, чем в других общественных сферах. Принятие ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» 2012 г. и переход на уровневую систему обучения начался тогда, когда в самом европейском сообществе обозначились не только позитивные результаты Болонского процесса, но и его противоречия и сложности¹.

По мнению К. Н. Кислицына, Болонский процесс для многих европейских государств выступает как один из инструментов реализации привлечения студентов в свои национальные системы высшего образования. Однако введение данной системы выявило ряд проблем в европейских странах, начиная от различного уровня

подготовки в школах и до ограниченных возможностей развития исследовательской и инновационной деятельности в рамках бакалавриата (особенно в условиях трехлетнего обучения)². Особую актуальность данная проблематика приобрела в условиях пандемии, которая оказала существенное влияние на процессы во многих сферах общественной жизни в современном мире, раскрыв накопившиеся противоречия и обозначив более четко наметившиеся ранее тенденции. Не стала исключением и государственная политика в сфере высшего образования.

Оценивая процесс вхождения европейских стран в Болонский процесс, исследователи отмечают возникающие при этом конфликты. Например, в Германии, Франции, Италии, Ирландии, Бельгии, Великобритании, Финляндии в 2006 г. состоялись массовые акции протеста студентов и преподавателей против коммерциализации образования и значительного повышения платы за обучение. В Греции забастовка против отмены государственной монополии на высшее образование охватила не только студентов, но и преподавателей³. В Европе существуют радикальные движения, такие как норвежская группа Norsk Studentunion (NSU), настроенные против основополагающих принципов Болонского процесса. К негативным сторонам они относят «его коммерциализацию, ориентацию исключительно на потребности рынка и глобального капитала, сознательное снижение уровня массового образования (магистратура рассчитана на очень небольшой процент учащихся, большинство же ограничивается 3 годами учебы), приобретение отрывочных, фрагментарных знаний, навязывание мировоззрения, основанного на рыночной экономике»⁴. Данное движение было поддержано студентами 40 организаций различных европейских государств, выступающих против уменьшения государственных расходов на систему высшего образования, повышения регистрационных взносов студентов и ухудшения качества образования⁵.

Признанием того, что Болонский процесс встретил на своем пути существенные трудности, является принятие в 2009 г. совместного коммюнике европейских министров, ответственных за высшее образование, в котором обозначены новые цели, в том числе и в отношении достижения 20%-го уровня мобильности студентов. Одновременно была сделана оговорка, что цели могут быть и не достигнуты, так как главными препятствиями в решении этой задачи являются недостаток кредитов и субсидий, проблемы с визами и разрешениями на проживание⁶.

На постсоветском пространстве последствия присоединения к Болонскому процессу также оцениваются весьма критично. Например, вхождение Украины в Болонский процесс, по мнению М. Л. Бурик, «несет с собой снижение уровня качества образования (фрагментарность

образования), узкую специализацию образования и уменьшение уровня его доступности, однако, новая система как можно лучше будет подходить для подготовки дешевой рабочей силы»⁷.

В России переход на уровневую систему высшего образования также не был встречен однозначно. Социологический опрос 2006 г., проведенный среди студентов 11 российских вузов, показал, что 57% респондентов хотели бы учиться 5 лет для получения профессии и только 3% хотели бы завершить свое образование, получив степень бакалавра⁸.

Не утихает дискуссия о результатах и последствиях присоединения России к Болонской декларации в научном и педагогическом сообществах⁹. Неизбежность интернационализации образования, как один из мировых трендов, была одним из ключевых аргументов сторонников присоединения России к Болонскому процессу в рамках дискуссии о его перспективах и результатах. Они делают акцент на том, что это повысит возможности для мобильности студентов в отечественных и зарубежных вузах, облегчит выпускникам российских вузов трудоустройство в европейских странах, создаст условия для самостоятельной корректировки студентами выбора своей профессии и вузов для ее получения, улучшит условия для освоения иностранных языков¹⁰.

Однако исследование ситуации в ведущих университетах различных стран позволило Н. Ю. Гусевской прийти к выводу, что интернационализацию системы высшего образования на основе Болонского процесса не следует рассматривать «как самоцель, но как вклад в качество профессиональной подготовки будущих специалистов», не менее важно оценивать вклад «международных и межкультурных результатов обучения в трудоустройство выпускников во взаимосвязи с потребностями работодателей»¹¹. Для России проблема интернационализации высшего образования, на наш взгляд, приобретает особое звучание, поскольку на нее в последние годы существенное влияние оказывают не только внутренние факторы, но и обострение внешнеполитической ситуации в связи с гражданской войной на Украине и возвращением Крыма в состав России. Война санкций и рост напряженности во взаимоотношениях России с США и их союзниками по НАТО оказывают существенное воздействие на восприятие возможностей международной мобильности студентов и преподавателей. Кроме того, закрытие национальных границ, отмена авиасообщений, введение карантинных ограничений в качестве мер борьбы с распространением коронавируса также не могли не сказаться на международных обменах в этой сфере. Эти факторы можно было бы оценить как временные трудности, которые будут устранены по мере борьбы с пандемией, а также в случае потепления международных от-

ношений. Однако существуют более существенные проблемы внутреннего свойства, которые препятствуют в нашей стране реализации целей и принципов Болонского процесса.

Позитивный опыт интернационализации высшего образования приводит в своей статье доктор филологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) В. И. Заботкина. Она раскрывает девять основных моделей мобильности в рамках двусторонних договоров и международных проектов: 1) обмен преподавателями, студентами и аспирантами; 2) мобильность посредством программы двойных дипломов на уровне магистратуры; 3) совместные магистерские программы множественных дипломов; 4) аспирантские программы двух дипломов; 5) аспирантские программы множественных дипломов; 6) мобильность в рамках совместных научных проектов; 7) виртуальная мобильность (сетевой проект по искусственному интеллекту); 8) мобильность в рамках международных учебно-научных центров; летние и зимние школы по русскому языку и литературе¹². Несмотря на объяснимое стремление автора позитивно представить опыт РГГУ в этой области, она выделяет также ряд проблем в организации академической мобильности. Среди них: недостаточное владение иностранным языком студентами и преподавателями; неполное признание периодов обучения за рубежом (ECTS); асимметрия между количеством студентов, выезжающих из России на обучение в партнерские вузы и приезжающих в Россию из-за рубежа; различия в организационных структурах; различия в академических культурах; различия в контроле за качеством образовательных программ; проблемы проживания, поддержки и адаптации студентов к новой культурно-академической среде; проблемы финансирования и др.¹³. На наш взгляд, данные проблемы характерны в гораздо большей степени именно для большинства региональных российских вузов.

Критики Болонского процесса изначально обращали внимание реформаторов системы высшего образования в России на то, что реализация этой западноевропейской модели несет в себе высокую степень рисков утраты некоторых качественных характеристик национальных систем высшего образования, отличающих их друг от друга¹⁴.

Одной из проблем стало снижение качества обучения в российских вузах в связи с переходом на уровневую систему, иронично обозначенную педагогами в отношении бакалавриата как «пяtilетка в четыре года». Статус выпускника вуза в России традиционно предполагал, что он должен быть завершённым специалистом в своей области. Поэтому преобразование пятилетних программ обучения в четырехлетние программы

бакалавриата сопровождалось стремлением сохранить в ней основу подготовки специалиста. Это неизбежно повлекло за собой утрату качества, особенно с учетом того, что госстандарты все более ориентировали на увеличение количества часов на самостоятельную работу студентов и соответствующее уменьшение количества часов на аудиторные виды занятий (лекции, семинарские занятия, лабораторные занятия).

В качестве контраргумента сторонники перехода к Болонской системе апеллировали к советскому опыту, когда многие вузы (институты) готовили специалистов с высшим образованием высокого класса за 4 года. Однако еще в 1990-е гг. большинство таких институтов провели реформирование своих учебных планов, для того чтобы реализовать либеральный замысел реформаторов о вхождении России в мировое образовательное пространство. Поэтому российские институты, чтобы получить унифицированный в мире статус университета (либо академии), преобразовывали не только рабочие программы подготовки специалистов, но и структуру самой вузовской деятельности. Поэтому, например, бывшие советские политехи, пединституты, юридические институты и т. д. открывали факультеты по подготовке социологов, политологов, культурологов, социальных работников и т. д. Для получения статуса университета они должны были также активизировать научную деятельность ППС и студентов. Это требовало расширения штатного расписания, материального обеспечения и соответствующего увеличения финансирования. К началу принятия ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» большинство этих университетов уже утвердились в новом статусе и получили для этого необходимое организационное, материальное и финансовое основание (особенно с учетом возможности привлечения студентов для обучения на коммерческой основе). Поэтому простого возвращения на четырехлетнюю подготовку уже быть не могло в силу наличия устоявшихся за два десятилетия новых традиций и специфических структурных интересов внутри самого вуза.

Попытку осуществить взвешенный анализ результатов присоединения России к Болонской системе осуществил новосибирский исследователь Ю. С. Эзрох¹⁵. По его мнению, сложилось девять мифов о вхождении России в данную систему. Главной причиной принятия самой Болонской декларации автор считает техническую необходимость унификации систем образования в связи с образованием Европейского союза. Подобная мотивация присоединения к данной системе в России отсутствовала, а основные преобразования, стимулирующие развитие высшего образования, можно было, по мнению исследователя, провести и без ратификации Болонской декларации. Расчет на повышение академической мобильности российских студентов не оправ-

дался во многом из-за объективных препятствий в изучении иностранного языка, особенно в региональных вузах, и из-за отсутствия необходимых средств для обучения в европейских университетах. Академическая мобильность между российскими вузами ограничивается, ко всему прочему, отсутствием необходимого количества мест в общежитии: «...более 210 тыс. студентов (7%) не имеют возможности получить недорогое места для проживания»¹⁶.

Как представляется, Ю. С. Эзрох справедливо и обоснованно обозначил еще одну из ключевых проблем последствий внедрения уровневой системы высшего образования в России – это качество обучения в магистратуре. По его мнению, «легкость поступления на коммерческий набор в магистратуру многих вузов де-факто искажает смысл Болонской декларации. Это позволяет использовать “непрофильным” бакалаврам магистратуру как простой способ получения “нужного” высшего образования за короткий срок (два года)»¹⁷. На наш взгляд, эта возможность логически обуславливает неизбежно возникающую проблему качества подготовки в магистратуре, так как уровень базовой подготовки у «непрофильных» магистрантов намного ниже, чем у «профильных». Поэтому преподавателям очень сложно ориентироваться на единые требования и возможности студентов в группе к усвоению нового материала, особенно учитывая, что в соответствии с ФГОС количество аудиторных занятий сведено к минимуму и значительную часть объема знаний магистранты должны усваивать самостоятельно. Очевидно, что без базовой профильной подготовки на уровне бакалавриата это сделать весьма сложно. Особенно с учетом того, что многим магистрантам приходится еще и работать, поэтому на подготовку к занятиям в вечернее время у них остается очень мало возможностей.

Среди многих обоснований Ю. С. Эзроха по оптимизации работы бакалавриата и магистратуры есть предложение о введении фактически двух видов магистратуры: для поступающих после профильного бакалавриата сроком 1–1,5 года и 2–3-летнюю магистратуру для поступающих с непрофильным образованием, чтобы они могли за год–полтора освоить необходимую теоретическую базу¹⁸. Думается, на практике это может быть реализовано только в крупных столичных вузах, набирающих несколько групп магистров по одному профилю. А как быть региональным вузам, которые набирают не более одной группы по профилю, в которых бюджетные и коммерческие студенты с профильной и непрофильной базой учатся вместе? Разделение их на два вида по срокам обучения вряд ли будет поддержано на уровне руководства вуза, поскольку потребует повышения расходов на обучение, расширения преподавательского состава и т. д. А это противоречит дорожным картам «оптимизации»

штатного расписания в региональных вузах для выполнения стратегической задачи повышения средней зарплаты работников высшего образования в современной России.

Таким образом, присоединение России к Болонскому процессу было обусловлено не столько реальными внутренними потребностями системы высшего образования, сколько политическими факторами в результате инерционного воздействия стратегии либерального реформирования 1990-х гг. Несмотря на критику со стороны противников данной концепции, правительство инициировало и пролоббировало принятие ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который формально закрепил большинство целей и принципов Болонской декларации. Реформирование отечественных вузов на этой основе показало, что определенные успехи ведущих московских вузов (например, усиление международной мобильности студентов и преподавателей) не разрешили накопившихся противоречий в области высшего образования в России в целом. Более того, мировые тренды коммерциализации деятельности университетов, распространение на них менеджеральных методов управления, внедрение международных формализованных критериев и индексов оценки их деятельности привели к ряду новых проблем и противоречий в системе отечественного высшего образования.

Это, прежде всего, значительное расширение и усиление роли бюрократического аппарата в отечественных вузах, который становится самостоятельным актором деятельности университетов, ориентированным на входящие потоки приказов и распоряжений и нисходящие потоки отчетности, а не на реальный научный, образовательный и воспитательный процесс. Соответственно, значительно усложняется работа преподавателей, вынужденных перманентно перерабатывать рабочие программы и фонды оценочных средств по своим дисциплинам, а также ориентироваться на выполнение формализованных требований для многочисленных отчетов. Это не только снижает автономность и самоуправленческие начала в деятельности университетов, но и уменьшает инновационный потенциал профессорско-преподавательского состава.

Конкуренция вузов за прием и сохранение контингента коммерческих студентов приводит к тому, что объективно возникает предпосылка к снижению требовательности преподавателей при оценке усвоения знаний студентами. Официально закреплённая тенденция на либерализацию процедур пересдач студенческих задолженностей по предметам в вузах является наиболее наглядным тому свидетельством. Особенно негативно это сказывается, когда бюджетные и коммерческие студенты учатся в одной группе. Кроме того, возможность получения «престижных» профессий в вузе на коммерческой основе создает перекосы на рынке труда и определен-

ную девальвацию вузовских дипломов в глазах работодателей.

Система зачетных единиц (кредитов) для большинства региональных вузов не стала реальной основой для внутренней мобильности студентов и возможности выбора ими самостоятельной траектории обучения. Фактически они стали системой, которая дублирует старую систему почасовой нагрузки на отдельные дисциплины. Для того чтобы дисциплины по выбору, ставшие обязательными в учебных планах, действительно стали таковыми, у региональных вузов не хватает финансовых ресурсов. Кроме того, формирование групп в соответствии с реальным желанием студентов освоить ту или иную дисциплину по выбору, противоречит официальным нормативам о минимальных размерах учебных групп. В результате студенты дружно «выбирают» одну из предложенных учебных дисциплин.

Тем не менее, уровневая система высшего образования в России уже утвердилась, так как получила соответствующее правовое, институциональное и кадровое обеспечение и соответствующих заинтересованных субъектов ее сохранения и развития уже внутри вузов. Поэтому интеллектуальные усилия университетского сообщества целесообразно направить не столько на соответствие российской системы высшего образования целям и принципам Болонского процесса, сколько на ее реформирование в соответствии с задачами и потребностями отечественной экономики и общества в целом в квалифицированных специалистах.

Как представляется, особенно важной является ориентация на внутренние общественные интересы в рамках реализации задач цифровизации высшего образования. Дискуссия вокруг нее показывает, что громче всех звучат голоса руководителей ведущих московских вузов, которые обосновывают подведение под программу цифровизации всей отечественной системы высшего образования коммерческого основания, которое позволит обеспечить доминирующие позиции в предложении услуг на образовательном рынке наиболее продвинутых в этой области столичных университетов. Обязательное повсеместное введение дистанционного обучения в стране в связи с пандемией показало, что большинство отечественных региональных вузов также технически и технологически готовы к использованию различных форм цифровизации образовательного процесса. Однако, на наш взгляд, дистанционные формы обучения на основе интернет-технологий не могут полностью заменить традиционные аудиторные формы работы и живое общение преподавателей со студентами. Это не означает, что они не должны совершенствоваться методически и дополняться современными инновационными технологиями в соответствии с запросом времени и динамикой внедрения интернет-ресурсов в раз-

личных сферах экономики и общественной жизни. Тем не менее, цифровизация высшего образования не должна нивелировать более широкую миссию российских университетов в подготовке не просто квалифицированных специалистов, способных конкурировать на мировом рынке труда, но патриотически настроенных граждан, социально ответственных за настоящее и будущее своей страны и ориентированных на активное участие в обеспечении ее развития и процветания.

Примечания

- 1 См.: *Sahlberg P.* Education Reform for Raising Economic Competitiveness // *Journal of Educational Change*. 2006. Vol. 7, № 4. P. 259–287.
- 2 См.: *Кислицын К. Н.* Болонский процесс как проект для Европы и для России // *Знание. Понимание. Умение* : информ. гум. портал. 2010. № 11. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/11/Kislitsyn> (дата обращения: 04.09.2020).
- 3 См.: *Бурик М.* Болонский процесс в мире и на Украине // *Пропаганда*. 2009. URL: <http://www.propaganda-journal.net/1151.html> (дата обращения: 04.09.2020).
- 4 *Кислицын К. Н.* Указ. соч.
- 5 Там же.
- 6 См.: Болонский процесс 2020 – Европейское пространство высшего образования в новом десятилетии : коммюнике Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование, Ленева-Нева, 28–29 апреля 2009 года // *Высшее образование в России*. 2009. № 7. С. 159.
- 7 *Бурик М.* Указ. соч.
- 8 Там же.
- 9 См.: *Иванова В. И.* Реализация Болонских идей в России : нормативные противоречия // *Знание. Понимание. Умение* : информ. гум. портал. 2005. № 3. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2005_3/Ivanova/8.pdf (дата обращения: 04.09.2020) ; *Корякин К. В., Макаренкова Е. М.* Проблемы реализации болонского процесса в контексте российской системы высшего образования // *Учен. зап. ЗабГУ. Сер. Професиональное образование, теория и методика обучения*. 2017. Т. 12, № 6. С. 167–173. DOI: 10.21209/2308-8796-2017-12-6-167-173 ; *Муровцева А. К.* Болонский процесс : проблемы и последствия реализации в России // *Инновационный центр развития образования и науки*. 2015. 14 янв. URL: <https://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-ekonomikimenedzhmenta-i-finansov-v-sovremennykh-usloviyakh-sbornik-nauchnykh-trud/sektsiya-1-ekonomicheskaya-teoriya-spetsialnost-08-00-01/bolonskiy-protsess-problemy-i-posledstviya-realizatsii-v-rossii/> (дата обращения: 04.09.2020).
- 10 См.: *Гретченко А. И., Гретченко А. А.* Болонский процесс : интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство. М. : Кнорус, 2009. С. 111.
- 11 *Гусевская Н. Ю.* Перспективы интернационализации высшего образования : опыт университетов стран Азии, Европы, Северной Америки // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2015. № 3 (12). С. 39.

- ¹² См.: *Заботкина В. И.* Императивы интернационализации образования : опыт РГГУ // *Вестн. ВГУ. Сер. Проблемы высшего образования.* 2018. № 3. С. 74–79.
- ¹³ Там же. С. 77.
- ¹⁴ См.: *Болонский процесс и его значение для России : Интеграция высшего образования в Европе / под ред. К. Пурсийайнена, С. А. Медведева.* М. : РЕЦЭП. 2005. С. 20.
- ¹⁵ См.: *Эзрох Ю. С.* Болонская система высшего образования в России : мифы и реальность // *ЭКО.* 2016. № 2 (500). С. 172–187.
- ¹⁶ Там же. С. 176.
- ¹⁷ Там же. С. 179.
- ¹⁸ Там же. С. 183.

Образец для цитирования:

Андропова И. В., Лаптева Н. В. Болонский процесс как фактор политики реформирования системы высшего образования в современной России // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2020. Т. 20, вып. 4. С. 464–469. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-464-469>

Cite this article as:

Andronova I. V., Lapteva N. V. Bologna Process as a Factor of Higher Education System Reformation Policy in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 464–469 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-464-469>

УДК 32+37.014.5+316.663.5

Игра в политику vs. политическая игра: к постановке проблемы (часть 2)

А. В. Богданов

Богданов Артем Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, selectedman@yandex.ru

В статье анализируется специфика применения игровых форм в социально-политическом пространстве, а также в рамках формирования политической культуры российской молодежи. В работе выявлены и подробно рассмотрены основные проблемные точки, связанные с использованием игровых технологий конструирования политической культуры молодых людей. Раскрыты ключевые особенности ресурсного потенциала игровых технологий, а также выделены критерии оценки эффективности игровой деятельности. Автор выдвигает новую задачу по изучению специфики социокультурного и политического пространства и действующих в нем субъектов.

Ключевые слова: игровые технологии, политическая культура, политическая игра, игра в политику.

Поступила в редакцию: 10.09.2020 / Принята: 20.09.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Game of Politics vs. the Political Game: Posing a Problem (Part 2)

A. V. Bogdanov

Artem V. Bogdanov, <https://orcid.org/0000-0002-0761-1168>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, selectedman@yandex.ru

The article analyzes the specifics of the use of game forms in social and political space, as well as in the formation of political culture of Russian youth. The paper identifies and considers in detail the main problem points associated with the use of game technologies for constructing the political culture of young people. The author reveals the key features of the resource potential of gaming technologies and highlights the criteria for evaluating the effectiveness of gaming activities. The author puts forward a new task to study the specifics of social, cultural, and political space and the subjects acting in it.

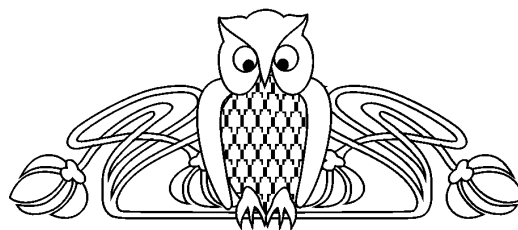
Keywords: game technologies, political culture, political game, game of politics.

Received: 10.09.2020 / Accepted: 20.09.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-470-473>

Окончание. Начало см.: Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 362–365. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-362-365>

Актуализируя проблематику применения игровых технологий в политической сфере, необходимо отметить, что в данной части нашей работы мы раскроем существующие проблемные точки использования игровых форм, в том числе в рамках формирования политической культуры общества и молодежи в частности. Однако наше внимание по-прежнему будет сосредоточено на специфике игры в условиях создания эффективных практик приобщения молодых людей к качественному вовлечению в политическую деятельность, что подразумевает как получение соответствующих знаний, умений и навыков, т.е. компетенций, так и выработку моделей рационального политического поведения.

Также следует обратить внимание на то, что обозначение и последующий анализ проблемных точек применения игровых технологий в рамках политического процесса приближает нас к постановке новой задачи по изучению специфики социокультурного и политического пространства и действующих в нем субъектов. Новую задачу, на наш взгляд, можно сформулировать в виде следующего вопроса: какова степень влияния и воздействия игровых форм на выработку моделей поведения субъектов политического пространства?

Решение поставленной задачи требует дополнительной проработки и позволяет нам заглянуть в суть происходящих социально-политических процессов с иной, новой позиции. Эта позиция, по нашему мнению, состоит в том, что ценности, ориентации, модели политического поведения, традиции и инновации закладываются, формируются и усваиваются подрастающим поколением в рамках игровой деятельности. Более того, общество в целом постоянно прибегает тем или иным образом к игровым практикам взаимодействия, где таким образом осуществляется взаимообмен соответствующими культурными, поведенческими маркерами.

С другой стороны, в рамках игровых технологий может осуществляться целенаправленное воздействие на субъекты игрового процесса с целью формирования устойчивого и однозначного отношения к тем или иным историческим событиям, к государственным деятелям, к современному социально-экономическому и политическому устройству страны, региона или какой-либо отдельно взятой организации¹.

Такое воздействие осуществляется непосредственно с использованием совокупности политтехнологий, однако в рамках выработки соответствующей совокупной, массовой реакции со

стороны, например, школьников или учащихся вузов на те или иные исторические и современные события применяются именно игровые практики формирования позиции, мнения или убеждения.

Именно игровые формы позволяют в «мягком» виде реализовать возможности влияния как на формирование культуры вообще, так и на выработку конкретных моделей социально-политического действия в частности. Эти возможности также необходимо, по нашему мнению, включить в задачи исследования игровых технологий формирования политической культуры молодежи. Детальный разбор возможностей игры влиять на ценностные основания поведения субъектов социально-политического процесса, на наш взгляд, заслуживает отдельного самостоятельного исследования в рамках нашей работы.

При этом уже на предварительном этапе анализа указанной выше проблематики можно сформулировать следующий вывод-гипотезу: чем выше степень эффективности функционирования политических институтов, тем чаще применяются «мягкие» виды игровых форм воздействия на поведение субъектов, чем ниже – тем чаще использование игровых практик служит целям выработки однозначной позиции по данному вопросу.

В первом случае мы указываем на широкие возможности по формированию активной деятельности модели поведения субъекта социально-политического процесса, наделенного соответствующими компетенциями и свободой выбора. Во втором – игровые формы скорее выступают в качестве средства прямого воздействия с целью выработки однозначной точки зрения относительно того или иного события.

В целом, приблизиться к пониманию специфики функционирования игровых технологий в политическом пространстве позволяет подробное рассмотрение их следующей проблемной точки, а именно анализ ресурсного потенциала игровых форм. При этом, на наш взгляд, следует подчеркнуть, что в рамках изучения специфики ресурсного потенциала игровых практик на первый план выходит проблема наличия всех допустимых форм ресурсов у организаторов игры, а также проблема возможности их постоянного использования и контроля над ними.

Основными формами ресурсов, которыми могут обладать организаторы игры, являются:

- временные (установление конкретных временных рамок решения поставленных задач);
- воспитательно-развивающие (формирование навыков самоконтроля, осуществление влияния на личностный рост участников и их саморазвития за счет педагогического воздействия);
- интегративные (объединение и консолидация участников игры для достижения поставленной цели и решения задач общими усилиями);
- информационно-коммуникативные (применение эффективных способов и каналов взаимодействия участников игрового процесса);

- процессуально-нормативные (установление правил игры и контроль над их соблюдением);
- технические (обеспечение материальной базы за счет использования наиболее подходящих для данной игры технических средств)².

Могут быть выделены и другие формы ресурсов, которые применяют организаторы игры, например, лично-профессиональные, методические и т.д.³. Все зависит от целей и задач игровой деятельности, а также, как указывалось выше, от возможностей участников игры их использовать и полноценно контролировать.

Также следует отметить, что в рамках использования игровых технологий формирования политической культуры современной российской молодежи особенно актуальным представляется выделение следующих возможностей полноценной реализации ресурсного потенциала игровых форм:

- разноуровневая кооперация – взаимодействие различных структурных элементов политической системы (политические институты, государственные и общественные организации и т.д.) в рамках игрового процесса с целью:

1) создания условий развития творческих форм деятельности молодежи, решения поставленных задач новыми, креативными способами;

2) нахождения стимулов к профессиональному росту молодых людей, внедрения новых форм сотрудничества и формирования возможностей дальнейшего трудоустройства в соответствующие органы власти, общественные и политические организации;

3) проявления интереса к познавательной деятельности у подрастающего поколения, куда входит и мотивация к занятию научной деятельностью, а также генерирование концептуального подхода к образовательному процессу и роли в нем куратора, учителя, наставника, как к умеющему «заинтересовать заинтересовываться», т.е. побуждающего к самостоятельному дальнейшему изучению поставленных в рамках педагогического воздействия вопросов;

4) мотивации к физическому совершенствованию молодежи, поддержания определенного уровня физической культуры и повсеместного приобщения молодых людей к занятию спортом, а также формирования позитивного отношения к физическому росту наряду с духовным самосовершенствованием как симбиоза двуединства полноценного развития личности человека;

– планомерная социализация – процесс усвоения соответствующих норм и правил, в том числе политического характера, посредством внедрения соответствующих игровых практик, а также преобладание рациональных моделей политического поведения в рамках основных институтов социализации (семья, школа, вуз, государство);

– формирование соответствующих компетенций – овладение знаниями, умениями и навыками ориентации в политическом пространстве; это ка-

сается и политического образования, т.е. понимания основных базовых категорий и понятий политологии, а также повышения медиаграмотности субъектов политического процесса;

– выработка эффективных управленческих практик – разработка и внедрение рациональных, менеджералистских подходов к процессу принятия политических решений, в основе которых лежит новый способ управления, и его главная идея заключается в том, что целью государственной политики и управления является достижение общественного блага и общественной пользы⁴.

Таким образом, можно утверждать, что грамотная реализация потенциала игровых форм в политическом процессе будет способствовать повышению уровня его функционирования. Так, следует отметить, что эффективная реализация ресурсного потенциала игровых технологий формирования политической культуры современной российской молодежи позволяет:

– развивать универсальный характер коммуникативных действий субъектов политического процесса;

– формировать познавательные умения, навыки и компетенции акторов политической системы (анализ политической ситуации, выбор разноплановых источников информации для создания объективной картины происходящего и т.д.);

– вырабатывать способность оценивать и контролировать выполнение поставленной задачи, а также принимать решения, которые определяют стратегию политического поведения личности;

– осваивать соответствующие способы рефлексии, за счет которых происходит уяснение новых ценностных ориентаций более высокого рационального уровня, а также знакомство с основными методами психологической разгрузки с целью снятия социальной напряженности;

– развивать навыки и способности разрешения конфликтных ситуаций, в том числе в политической плоскости, с точки зрения результативности, рациональности, эффективности и легальности их урегулирования⁵.

В целом, анализ ресурсного потенциала игровых технологий показывает нам, что эффективность их реализации сопряжена с определенными условиями подготовки участников игрового процесса к непосредственному решению поставленных задач, а это в свою очередь требует высокого уровня профессионализма организаторов игры, а также существует необходимость в выработке соответствующих критериев оценки эффективности игровой деятельности.

Разработка и описание критериев оценки эффективности игровой деятельности также является очередной проблемной точкой применения игровых технологий как в социально-политическом процессе в целом, так и в рамках формирования политической культуры в частности. Следует отметить, что оценка эффективности игровых технологий – важный этап процесса их применения, и от него в немалой сте-

пени зависит качество игры, которое складывается из таких характеристик, как: степень вовлеченности участников в игру; усвоение и закрепление новых практических навыков; сплочение субъектов игры в группу единомышленников для достижения поставленной цели и решения задач; выработка алгоритма группового или индивидуального (в зависимости от целей игры) действия в той или иной ситуации; формирование умений рефлексирования и анализа достигнутых результатов и т.д.

Однако важно, на наш взгляд, обратить внимание на то, что не всегда в процессе игровой деятельности осуществляется оценка эффективности игры, а также критерии ее оценки нередко находятся в прямой зависимости от профессионализма организаторов и конкретной социально-политической ситуации в мире, стране и регионе, – это необходимо учитывать при анализе результативности игровых практик.

В ряде научных публикаций в качестве критериев эффективности игры и применения игровых технологий авторы нередко указывают на правила проведения игрового процесса и ссылаются на Я. А. Коменского, который первым их обозначил:

– игра должна восприниматься естественно, легко и непринужденно, т.е. игровой процесс не должен акцентировать на себе чрезмерное внимание участников процесса;

– игра должна быть направлена как на самосовершенствование ценностных основ участника, так и на развитие физических навыков и на привитие позитивного отношения к занятию физической культурой;

– в рамках игрового процесса должны учитываться условия, где проходит игра, степень подготовленности участников, а также она не должна угрожать их жизни, здоровью, а также выходить за рамки установленных общественных норм морали и этики;

– игра должна помогать в переходе к прямому вовлечению в решение сложных ситуационных задач, и участие в игровой деятельности предполагает осуществление качественного роста субъекта игрового процесса;

– временные рамки игры необходимо тщательно отслеживать, чтобы участники не устали от самой игры и не исчерпали свои ресурсы раньше времени или не потеряли интереса к решению поставленных задач;

– игровой процесс должен контролироваться на всех этапах проведения, для этого существуют различные формы контроля, который не обязательно должен быть прямым, все зависит от условий игры⁶.

Указанные выше критерии оценки эффективности игровой деятельности вполне применимы в практике решения социально-политических задач, однако следует обратить внимание на то, что, на наш взгляд, данные критерии были выработаны, в первую очередь, исходя из условий педагогической практики и могут быть дополнены.

Так, отталкиваясь от того, что нам необходимо дополнить вышеуказанные критерии оценки эффективности использования игровой деятельности именно в рамках формирования политической культуры молодых людей, выделим следующие:

1) необходимо сформулировать ожидания участников от игровой деятельности как посредством их прямого опроса, так и в результате выработки стратегии игры, а также анализа культурных основ участников и их непосредственных возможностей исходя из цели и задач игрового процесса;

2) важным является четкая фиксация состояния игрока до вовлечения в нее и после, т.е. важным представляется, каким именно образом игра повлияла на участников, насколько продуктивен результат, который достигнут;

3) немаловажным критерием эффективности игры выступает процесс наблюдения и мониторинга на всех ее этапах с обязательным условием рефлексирования участниками по итогам игровой деятельности;

4) и наконец, это фиксация изменений, т.е. анализ результатов игрового процесса организаторами игры, в рамках которого формулируются основные закономерности, даются рекомендации, а также указываются наиболее типичные и необычные решения, принятые в той или иной ситуации⁷.

Конечно, критерии оценки эффективности игровой деятельности в целом и применения игровых технологий формирования политической культуры молодежи в частности могут быть дополнены. Так, ряд ученых выделяют «постигровой эффект» как один из таких критериев. Суть его заключается в том, что это процесс объединения участников игры, переход от разрозненных, негрупповых методов решения поставленной задачи к кооперации, координации и выработке единых алгоритмов действий⁸. В этом смысле, на наш взгляд, главным является верный выбор соответствующих критериев оценки эффективности использования игровых технологий генерирования политической культуры и в целом непосредственное осуществление такой оценки организаторами.

Таким образом, анализ применения игровых форм в политической сфере указывает на необходимость дальнейшего изучения данной проблематики. Рассмотренные выше проблемные точки применения игровых технологий конструирования политической культуры ставят перед нами задачу последующего детального изучения возмож-

ностей игры влиять на ценностные основания поведения субъектов социально-политического процесса, а также задачу необходимости рассмотрения технологий формирования политической культуры, места игровых форм среди них и того, каким образом они функционируют.

Примечания

- 1 См.: Богданов А. В. Политический аспект использования игровых практик в рамках легитимизации процесса вхождения Крыма в состав Российской Федерации в молодежной среде // Пятилетие воссоединения Крыма с Россией : итоги и перспективы : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 110-летию Саратовского государственного университета (Саратов, 24 мая 2019 г.) / под ред. А. А. Вилкова. Саратов : Саратовский источник, 2019. С. 13–16.
- 2 См.: Гаджиева П. Д. Воспитательно-развивающий потенциал игровых технологий обучения в гражданско-правовом образовании учащихся // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2 (57). С. 107–109.
- 3 См.: Ушаков А. А. Ресурсный потенциал интегративной образовательной среды педагога // Интернет-журнал «Наукоедение». 2015. Т. 7, № 4 (29). DOI: <http://dx.doi.org/10.15862/113PVN415>. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/113PVN415.pdf> (дата обращения: 01.09.2020).
- 4 См.: Абанкина И. В., Абанкина Т. В., Филатова Л. М. Интеграция образования и культуры : ресурсный потенциал // Образовательная политика. 2020. Т. 81, № 1. С. 88–97. DOI: 10.22394/2078-838X-2020-2-88-97.
- 5 См.: Ушатикова И. И., Пегова Х. Р. Воспитательно-развивающий потенциал игровых технологий // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. Вып. 5 (49), ч. 4. С. 210–213.
- 6 См.: Звягин А. Н. Коррекция традиционных воззрений на освоение наследия Я. А. Коменского по проблеме педагогических принципов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. № 2 (11). С. 59–66.
- 7 См.: Быстрова Т. Ю., Ларионова В. А., Синецын Е. В., Толмачев А. В. Учебная аналитика MOOK как инструмент прогнозирования успешности обучающихся // Вопр. образования. 2018. № 4. С. 139–166. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-4-139-166
- 8 См.: Мелихов Ю. Е., Малюев П. А. Управление персоналом. Портфель надежных технологий : учеб.-практ. пособие. 2-е изд. М. : Дашков и К, Ай Пи Эр Медиа, 2017.

Образец для цитирования:

Богданов А. В. Игра в политику vs. политическая игра: к постановке проблемы (часть 2) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 470–473. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-470-473>

Cite this article as:

Bogdanov A. V. The Game of Politics vs. the Political Game: Posing a Problem (Part 2). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 470–473 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-470-473>

УДК 329

Особенности электоральной деятельности политических сил «второго эшелона» в современной России

В. И. Головченко

Головченко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры теории государства и права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, golovchenkosgu@mail.ru

В статье представлен анализ участия партий «второго эшелона» и общественных объединений в избирательных процессах в единый день голосования в сентябре 2020 г. Сделан вывод о том, что в результате выборов в муниципалитеты в различных регионах России произошли изменения, касающиеся усиления ресурсов оппозиционных сил, которые могут сказаться уже на выборах в Государственную Думу 2021 г. Выборы показали, что все большее значение в современной России играет мотивация протестного голосования «хотим перемен». Она несет в себе риски ориентации не столько на конкретные программы политического и социально-экономического развития страны, сколько на стремление привести к власти новые политические силы и новых лидеров. В результате возникает угроза «цветной революции», когда протестные действия оппозиции (неважно какой реально по удельному весу от общей численности населения) при наличии мощной дипломатической, финансовой и информационной поддержки со стороны США и их союзников могут быть (как показывает опыт Белоруссии) институализированы в виде создания координационных советов и штабов для решения главной задачи – свержения существующего политического режима.

Ключевые слова: выборы, муниципальные выборы, партии «второго эшелона», мотивация голосования, риски «цветной революции» в России.

Поступила в редакцию: 20.09.2020 / Принята: 25.09.2020 / Опубликована: 30.11.2020

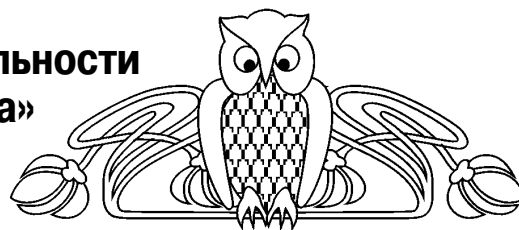
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Specifics of Electoral Activity of the Second Echelon Political Actors in Modern Russia

V. I. Golovchenko

Vladimir I. Golovchenko, <https://orcid.org/0000-0001-8856-1723>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, golovchenkosgu@mail.ru

Analysis of the second echelon parties and social associations' participation in electoral processes within single voting day in September 2020 is presented in the article. An inference is made that as a result of municipal elections in different regions of Russia transformations related to strengthening oppositional forces' resources have taken place; these transformations can manifest themselves as early as during the State Duma election-2021. Elections have shown that motivation of protest voting "we want reforms" is growing in popularity. It poses risks of orientation not as much on certain programs of

political, social, and economic development, but on desire to bring into power new political forces and leaders. As a result, a threat of a "colored revolution" appears when protest actions of opposition (no matter how big its real share in the whole population is), upon the availability of strong diplomatic, financial, and information support of the USA and their allies, may be (as exemplified by events in Belarus) institutionalized by creating coordination councils and boards aimed at achieving the main goal – i.e. to overthrow existing political regime. **Keywords:** elections, municipal elections, "second echelon" parties, motivation of voting, risks of "colored revolution" in Russia.

Received: 20.09.2020 / Accepted: 25.09.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-474-478>

Одними из важнейших институтов, которые в постсоветской России постоянно трансформируются в результате правовых и политических факторов, являются партийная система и многопартийность. Несмотря на сложившееся ядро из четырех парламентских партий, периферийное окружение (партии «второго эшелона») оказывает на него определенное воздействие, особенно в период очередных выборов в различные органы власти¹. Результаты выборов в единый день голосования 13 сентября 2020 г. (которые в связи с COVID-19 реально проводились с 11 по 13 сентября) показали, что, несмотря на доминирование среди победителей кандидатов от «Единой России», все большее значение приобретают партии и общественные движения «второго эшелона».

По данным ЦИК, 13 сентября 2020 г. состоялись более 9 тыс. избирательных кампаний в 83 субъектах Российской Федерации. В результате избрано 67 993 депутата и глав от 21 политической партии, от 3 общественных объединений; 8743 кандидата в порядке самовыдвижения². Обобщенные результаты участия партий в различных избирательных кампаниях представлены в таблице³.

Доминирующие позиции «Единой России» на прошедших выборах различного уровня объясняются тем, что у партии есть серьезный организационный и административный ресурс во всех субъектах Российской Федерации. Подобным образом можно объяснить и результаты других парламентских партий – КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». На дополнительных выборах депутатов Государственной Думы мандаты получили представители двух политических

**Информация о замещенных мандатах и должностях на прямых выборах 13 сентября 2020 г.
(по данным на 14 сентября 2020 г.)**

№	Субъект выдвижения	Всего глав, депутатов	% от числа избранных
1	Партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ»	52 145	76,70
2	КПРФ	2860	4,20
3	Партия «Справедливая Россия»	1782	2,62
4	ЛДПР	1595	2,35
5	«ПАРТИЯ РОСТА»	203	0,30
6	ПАРТИЯ ПЕНСИОНЕРОВ	131	0,18
7	КОММУНИСТЫ РОССИИ	117	0,17
8	«ПАТРИОТЫ РОССИИ»	92	0,14
9	ПАРТИЯ «РОДИНА»	81	0,12
10	Партия «ЯБЛОКО»	45	0,07
11	РЭП «Зелёные»	42	0,06
12	ПАРТИЯ ДЕЛА	28	0,04
13	ПП «НОВЫЕ ЛЮДИ»	13	0,02
14	Партия «Гражданская Платформа»	11.	0,016
15	КПСС	6	0,009
16	Казачья партия	5	0,007
17	Партия ЗА ПРАВДУ	4	0,006
18	ПВР	4	0,004
19	Партия ЗА!	2	0,003
20	Партия СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ	2	0,003
21	Партия «Гражданская Сила»	2	0,003
22	Иные общественные объединения	80	0,12
23	Самовыдвижение	8743	12,8

партий: партии «Единая Россия» (в Республике Татарстан, Курской и Ярославской областях) и партии «Справедливая Россия» (в Пензенской области). На выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации 13 глав регионов были избраны от двух политических партий – «Единой России» и ЛДПР, 5 глав – самовыдвиженцы⁴.

Депутатами заксобраний или главами регионов были избраны представители 21 партии из 30 политических партий, выдвинувших зарегистрированных кандидатов. 87% от всех мандатов и выборных должностей приходится на представителей политических партий и лишь 13% – на самовыдвиженцев и кандидатов от иных общественных объединений⁵. На выборах депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации списки «Единой России», КПРФ и ЛДПР были допущены к распределению депутатских мандатов во всех 11 субъектах РФ, где проходили выборы этого уровня; «Справедливой России» – в 10 субъектах; Партии пенсионеров – в 7, ПП «Новые люди» – в 4, «Партии ЗА» – в 2; партии «Родина» – в 1; партии «За правду» – в 1 субъекте.

Как представляется, все партии «второго эшелона», принявшие участие в распределении мандатов по результатам выборов 13 сентября 2020 г., условно можно разделить на несколько групп. К первой можно отнести те партии, которые на июнь 2020 г. уже входили в список партий, которым не требуется сбор подписей для участия в выборах в Государственную Думу 2021 г. Это Партия Роста, Партия пенсионеров, Политическая партия «Коммунистическая партия Коммунисты России», Политическая партия «Патриоты России», ВПП «Родина», Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО», Российская экологическая партия «Зеленые», Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС), партия «Гражданская платформа». Данные партии еще раз подтвердили свои возможности для концентрации ресурсов в отдельных регионах и проведения своих кандидатов в законодательные органы различного уровня. Несмотря на то что большинство из них не смогли приблизиться по результатам к парламентским партиям, они имеют определенный потенциал для создания конкурентной среды ведущим политическим партиям.

Особенно это касается старейшей партии из данной группы, идейным руководителем которой является Г. А. Явлинский. Выборы показали, что расширилось представительство от РОДП «ЯБЛОКО» в законодательных собраниях субъектов Российской Федерации и в муниципалитетах различного уровня. Это создает новые возможности не только для участия партийного списка РОДП «ЯБЛОКО» на предстоящих выборах в Госдуму, но и для расширения политического и имиджевого ресурса кандидатов от партии в одномандатных округах в различных российских регионах.

Особый интерес представляют новые партии, преодолевшие 5%-ный барьер и обеспечившие себе преференции на предстоящих выборах в Государственную Думу. На наш взгляд, успех партии «Новые люди», преодолевшей 5%-ный барьер в четырех регионах на выборах депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, обусловлен несколькими факторами. Прежде всего – характер создания и стремительное вхождение партии в большую политику, которые были бы невозможны без поддержки и одобрения со стороны действующей власти. В январе 2020 г. А. Нечаев сделал публичное заявление о создании данной партии, в марте партия была официально зарегистрирована в Минюсте РФ, в июне она уже была допущена к участию в выборах. Как представляется, создание данной партии является реакцией власти на тенденцию усиления в обществе протестных настроений, выраженных формулой «хотим перемен». То есть партия «Новые люди» призвана оттянуть на себя голоса недовольных многолетним доминированием «Единой России» и политической «беззубостью» ее парламентских оппонентов. Такую же спойлерскую функцию можно предположить в создании российской экологической партии «Зеленая альтернатива» Р. Хвостова (неформальным лидером является также известный блогер, музыкант, художник В. Ложкин), в также движение З. Прилепина «За правду!».

Особый интерес представляет участие в сентябрьских выборах представителей реальной российской либеральной оппозиции. К ней, наряду с кандидатами от наиболее известного либерального политического долгожителя в постсоветской России РОДП «ЯБЛОКО», относятся также штабы А. Навального, реализующие проект «Умное голосование»; политические «Городские проекты» М. Каца и И. Варламова, «Открытая Россия», поддерживаемая М. Ходорковским, с проектом «Объединенные демократы».

Большая часть из них приняли активное участие в избирательной кампании муниципального уровня и фактически проигнорировали уровень губернаторских выборов. Объясняется это выбранной стратегией легитимации своего статуса снизу за счет концентрации организационных,

лидерских и информационных ресурсов на выборах в муниципалитеты. Так «Объединенные демократы» за период с 2017 по 2019 г. помогли избраться более чем 350 оппозиционным кандидатам в Москве и Санкт-Петербурге⁶. В единый день голосования 13 сентября 2020 г. они смогли провести около 60 депутатов муниципалитетов в различных регионах России.

Идентичная стратегия реализуется Фондом содействия развитию городов. На сайте данного фонда имеется активная ссылка «за кого голосовать на выборах 13 сентября 2020 г.» и возможность выбора одного из 14 указанных городов с данными о конкретных независимых депутатах по каждому городу⁷. В итоге им удалось провести 7 депутатов муниципалитетов в различных регионах.

Еще одна оппозиционная сила представлена проектом «Живая политика», ориентированная на привлечение российских граждан, недовольных современной ситуацией в политической жизни. Ее организаторами выступили: Ю. Галямина – муниципальный депутат Тимирязевского района г. Москвы и сооснователь «Школы местного самоуправления»; Е. Филина – муниципальный депутат района Проспект Вернадского г. Москвы, член Президиума Ассоциации независимых депутатов; С. Тадей – муниципальный депутат района Северное Тушино г. Москвы; А. Касаткин – зам. главы МО Васильевский Василеостровский района г. Санкт-Петербурга⁸. Несмотря на очевидно столичный состав организаторов данного проекта, они стремятся продемонстрировать поддержку со стороны муниципальных депутатов различных регионов России. Проект можно поддержать пожертвованием, выступить в роли волонтера, или наблюдателя, или в роли кандидата. Примечательно, что жертвования организаторы проекта направляют на избирательный счет конкретных кандидатов от самых различных оппозиционных партий, а также независимых кандидатов. География выдвижения кандидатов – именно регионы России и включает представителей «ЯБЛОКА», КПРФ, ЛДПР и даже «Справедливой России» (несмотря на открыто пропрезидентский характер партии)⁹. То есть смысл стратегии «Живой политики» фактически идентичен проекту «Умное голосование»¹⁰ А. Навального и направлен на поддержку любых оппозиционных кандидатов, демонстрирующих свою самостоятельность и независимость от «Единой России». По мнению Ю. Галяминой, в результате поддержки «Живой политики» 5 оппозиционных кандидатов стали депутатами муниципального уровня. Всего же от РОДП «ЯБЛОКО», «Объединенных демократов», штабов Навального и «Городских проектов» было избрано 120 муниципальных депутатов¹¹.

В некоторых случаях возникали накладки и конфликты между данными движениями. Например, М. Кац выразил возмущение, что «Умное

голосование» поддерживало кандидатов-спойлеров и провластных кандидатов, а не членов «Городских проектов», подчеркнув, что тем не менее, выиграли кандидаты от их движения¹².

В целом, проведенный анализ результатов прошедших выборов различного уровня в единый день голосования позволяет констатировать, что в России произошли изменения, касающиеся ресурсов оппозиционных сил, и они скажутся уже на выборах в Государственную Думу 2021 г.

Прежде всего, это появление новых политических сил, которые смогут заявить о себе как активные участники предстоящих парламентских выборов. Среди этих новых политических акторов определенную роль играют партии-спойлеры, целью которых является создание предпосылок для возможного управляемого «обновления» сложившейся партийной конфигурации власти, неизменность которой в последние десятилетия вызывает нарастающее недовольство российских граждан. Недавние события поствыборной Белоруссии показывают, что мотивация «хотим перемен» является очень действенной для активного протестного участия граждан в политике, и прежде всего молодежи. Появление новых пропрезидентских политических движений и лидеров должно выступить, по мнению их создателей, своеобразным демпфером, предохраняющим сложившуюся иерархию власти от потенциальных резких революционных колебаний за счет оттягивания на себя части протестных настроений.

В то же время данная мотивация активно учитывается различными представителями системной и несистемной радикальной оппозиции в современной России. Основная стратегия их участия в выборах муниципального уровня состоит в том, чтобы легитимировать свое представительство во властных структурах в российских регионах и тем самым получить возможность распространять свое воздействие не только в конкретном региональном политико-информационном пространстве, но и в России в целом. Кроме того, эта стратегия позволяет реально концентрировать оппозиционно настроенный российский электорат вокруг ключевой идеи – смещение монопольной власти «Единой России» и девальвацию конституционной возможности продления срока правления В. В. Путина. Указанная стратегия, лишённая единого программно-идеологического основания, с одной стороны, не опирается на конкретный конструктивный проект дальнейших политических и социально-экономических преобразований. Она реализуется, преимущественно в социальных сетях, с помощью нагнетания негативного отношения к действующей власти. С другой стороны, как показывают события в Белоруссии, мотивации «хотим перемен» оказывается вполне достаточно, чтобы интегрировать и активизировать на единые действия представителей самых раз-

народных оппозиционных сил и самых пестрых протестных настроений.

Использование административного ресурса и «традиционных» для последних десятилетий административных технологий для отсеивания негодных кандидатов от участия в выборах несет в себе политический риск другого рода. Как показывает опыт той же Белоруссии, такие технологии делегитимируют сам институт выборов и создают предпосылку для оппозиции объявить даже самые очевидные результаты голосования как фальсифицированные. При наличии мощной дипломатической, финансовой и информационной поддержки со стороны США и их союзников возникает угроза «цветной революции», когда решительные протестные действия части населения (неважно какой реально по удельному весу от общей численности) институализируются в виде создания координационных советов и штабов для решения главной задачи – свержения существующего политического режима. Тем самым вопрос о том, каков будет смысл и направленность последующих после смены власти преобразований, отодвигается на второй план.

В России угроза такой «цветной революции» без конструктивного плана преобразований отягощается наличием этнополитического фактора, когда каждая республика ситуацию с разрешением революционного хаоса может рассматривать в соответствии со своими интересами, в том числе на пути суверенизации. Силовой вариант противодействия революционным действиям имеет свои пределы (в том числе психологические – «они же дети») и риски вовлечения в протестные действия более широких слоев населения.

На наш взгляд, протестную мотивацию «хотим перемен» и возникающие в этой связи социально-политические риски в современной России можно смягчить не конструированием и реализацией очередных прокремлевских проектов политических партий и движений, а реальным институциональным, идеологическим и лидерским обновлением ведущих оппозиционных партий в современной России. Без появления новых партийных лидеров, опирающихся на закрепленные в программах четкие и понятные большинству населения идеологические ориентиры, риск «свергающего» варианта протеста значительно возрастает. Особенно потребность в обновлении актуальна для партий «левого» спектра, когда действующие их лидеры своей предшествующей политикой (точнее, отсутствием ее результатов) разочаровали сторонников социалистического и социал-демократического варианта развития страны.

Примечания

¹ См.: *Вилков А. А.* Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия Социология. Политология. 2017. Т. 17,

- вып. 1. С. 62–69. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69
- ² См.: Элла Памфилова рассказала о подведении предварительных итогов выборов. URL: <http://cikrf.ru/news/ses/47370/> (дата обращения: 15.09.2020).
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Объединенные демократы. Онлайн школа. URL: <https://od.team/> (дата обращения: 18.09.2020).
- ⁷ См.: Фонд содействия развитию городов «Городские Проекты Ильи Варламова и Максима Каца». URL: <https://go.city4people.ru/> (дата обращения: 18.09.2020).
- ⁸ См.: Живая политика. Сделай Россию своей сегодня. URL: <https://www.politics2020.ru/> (дата обращения: 18.09.2020).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: Найдите своего кандидата против «Единой России». URL: <https://votesmart.appspot.com/> (дата обращения: 18.09.2020).
- ¹¹ См.: *Галямина Ю.* Предварительные итоги муниципальных выборов : 120 депутатов по всей России. URL: <https://www.facebook.com/Iuliia.Galiamina/posts/4452246318151212> (дата обращения: 18.09.2020).
- ¹² См.: Итоги выборов 13 сентября : часть кандидатов Навального и Каца выиграла, жалоб на фальсификации много – их не признают. URL: <https://tjournal.ru/analysis/211802-itogi-vyborov-13-sentyabrya-chast-kandidatov-navalnogo-i-kaca-vyigrala-zhalob-na-falsifikacii-mnogo-ih-ne-priznaut> (дата обращения: 19.09.2020).

Образец для цитирования:

Головченко В. И. Особенности электоральной деятельности политических сил «второго эшелона» в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 474–478. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-474-478>

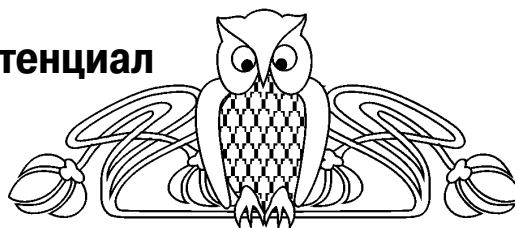
Cite this article as:

Golovchenko V. I. Specifics of Electoral Activity of the Second Echelon Political Actors in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 474–478 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-474-478>

УДК 314.156

Конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в Республике Крым (результаты экспертного опроса)

Е. В. Гросфельд

Гросфельд Елена Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, alegros@mail.ru

В статье представлены результаты экспертного опроса в Республике Крым в ноябре–декабре 2019 г. Анализируется конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в регионе. Отмечается низкая степень участия общественных организаций в адаптации и интеграции мигрантов в регионе за последние годы. Обосновывается необходимость проведения регулярных массовых региональных политологических и социологических исследований межэтнических и миграционных отношений.

Ключевые слова: конфликтный потенциал, интеграционный потенциал, межэтнические отношения, миграционные отношения, Республика Крым, экспертный опрос.

Поступила в редакцию: 07.09.2020 / Принята: 20.09.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Conflict and Integration Potential of Interethnic and Migration Relations in the Republic of Crimea (Results of Expert Survey)

E. V. Grosfeld

Elena V. Grosfeld, <https://orcid.org/0000-0001-9591-1840>, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russia, alegros@mail.ru

The article presents the results of an expert survey conducted in the Republic of Crimea in November – December 2019. The author analyzes the conflict and integration potential of interethnic and migration relations in the region. In recent years, there has been a low level of participation of public organizations in the adaptation and integration of migrants in the region. The author substantiates the necessity of conducting regular mass regional political and sociological research on interethnic and migration relations.

Keywords: potential for conflict, potential for integration, interethnic relations, migration relations, Republic of Crimea, expert survey.

Received: 07.09.2020 / Accepted: 20.09.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-479-483>

Вопросы межэтнических, межконфессиональных, а также миграционных отношений являются одними из важнейших в Крыму. Такой же актуальностью обладает изучение конфликтного и интеграционного потенциала указанных отношений в регионе. Под конфликтным потенциалом понимают возможность возникновения и развития этнического противостояния на какой-либо территории в заданный период времени. Этот потенциал включает в себя довольно сложную систему элементов, в которой главную роль играют не объективные условия (например, уровень экономического развития), а феномены общественного сознания¹.

Изучение конфликтного потенциала показывает динамику роста напряженности с ее последующим переходом во враждебные действия, поэтому оценка этого потенциала является важнейшим элементом прогнозирования возможных конфликтов в будущем.

Вопрос об интеграции также является одним из приоритетных направлений в политической и общественной сфере. Под интеграционным потенциалом понимается возможность полного вхождения этнического мигранта в различные сферы жизни принимающего сообщества.

Анализ научной литературы показывает довольно высокий уровень теоретической и эмпирической разработанности вопросов, связанных с межнациональными и миграционными отношениями как социально-политических явлений. Однако следует отметить вопросы, требующие системного как политологического, так и социологического осмысления.

Цель исследования – рассмотрение конфликтного и интеграционного потенциала межэтнических и миграционных отношений в Республике Крым. Объектом исследования выступают межэтнические и миграционные отношения в Республике Крым, предметом – конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в Республике Крым.

В ходе комплексного этносоциологического исследования «Анализ конфликтного и интеграционного потенциала межэтнических и миграционных отношений в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе» на протяжении периода 2018–2019 гг. был проведен экспертный опрос в г. Симферополе. Опрос проводился сотрудниками философского факультета Таврической академии (структурное подразде-

ление) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. При отборе экспертов, прежде всего, учитывались следующие характеристики: уровень образования, специальные знания о проблемах межнациональных, миграционных и этноконфессиональных отношений в регионе, сфера деятельности, этническая принадлежность и др.

В опросе приняли участие 30 экспертов согласно следующей выборке:

1) управленцы. Были опрошены руководители органов власти республиканского и муниципального уровней, деятельность которых непосредственным образом связана с вопросами межнациональных и миграционных отношений в регионе. Всего было опрошено пятеро экспертов, осуществляющих профессиональную деятельность в следующих государственных структурах:

– Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым;

– отдел по вопросам миграции Центрального района;

– отдел по вопросам миграции Киевского района;

– отдел по вопросам миграции Железнодорожного района;

– Управление по вопросам миграции МВД по Республике Крым;

2) представители общественных организаций этнокультурной, миграционной, правозащитной направленности. Всего в экспертном опросе было задействовано 15 представителей общественных организаций, такие как: Паспортно-визовый центр «Крымский консул», Крымская онлайн служба новостей, Коллегия адвокатов г. Симферополя, Центр юридической помощи мигрантам, Центр помощи мигрантам «Мигрант82», Юридическая компания «Эксперт», Центр подготовки и тестирования по русскому языку «Рустестер», Региональная общественная организация «Къырым бирлиги», Крымский центр трудовых патентов, Центр помощи «Мигрант плюс», Центр правовых и миграционных услуг «Альтаир», Миграционный центр «Бастион», Интернет-портал «Крым-News», Правозащитная организация «Конгресс – Мир», Телерадиокомпания «Крым»;

3) научные работники и педагоги. В ходе исследования были привлечены научные сотрудники, деятельность которых напрямую связана с работой с иностранными студентами, это, прежде всего, руководители структурных научных подразделений и заместители деканов по воспитательной работе факультетов и институтов. Исследование проводилось на базе следующих вузов: Крымский индустриально-педагогический университет им. Ф. Якубова, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Медицинская академия им. С. И. Георгиевского,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования. Всего в экспертном опросе приняли участие 10 научных работников и педагогов.

В ходе проведения экспертного опроса исследовательская группа столкнулась со следующими трудностями:

– некоторые общественные организации, в уставной деятельности которых предусмотрено решение вопросов, связанных с межнациональными и миграционными отношениями в регионе, оказались недостаточно компетентными в данной проблеме, в результате чего пришлось изменить подход к организации экспертного опроса, изначально уточняя, реально ли существует и работает общественная организация или ее деятельность осуществляется лишь формально;

– многие эксперты сомневались в анонимности проводимого исследования даже после подробного разъяснения, для чего и кто проводит исследование, поэтому отказывались отвечать на вопросы;

– наиболее высокая активность в проведении опроса была отмечена у группы экспертов, условно обозначенной как управленцы. Эксперты проявили заинтересованность в исследовании, а также предоставили комментарии и рекомендации по рассматриваемой проблеме;

– представители вузов, как правило, имеют некоторый опыт в данных вопросах, но фактически глубоко их не изучали. Однако, учитывая специфику профессиональной деятельности, находятся в непрерывном общении с иностранными студентами, обучающимися в вузе, и достаточно свободно ориентируются в поставленных вопросах.

Таким образом, в рамках исследования было опрошено 30 экспертов, 5 из которых являются представителями сферы управления, 15 – общественники и 10 – научные работники и педагоги. На вопрос, связана ли их профессиональная или общественная деятельность с темой мигрантов и миграции, 16,7% ответили, что занимаются решением практических вопросов на эту тему, 53,3% – консультируют по этим проблемам либо занимаются аналитической деятельностью, 26,7% отметили, что приходилось сталкиваться с этой темой, но основная деятельность их иная, 3,3% респондентов ответили отрицательно.

Общеизвестно, что большинство европейских стран сталкиваются с миграционными проблемами. В этом отношении экспертам был задан вопрос, какие похожие риски существуют в России? Большинство из всех опрошенных (90%) ответили, что это – несогласованная миграционная политика соседних государств при открытых взаимных границах и взаимных экономических обязательствах, 70% в качестве риска отметили неконтролируемый миграционный приток из других регионов мира, 60% опрошенных счита-

ют, что потенциальным риском может выступать смешение потока экономической миграции и беженцев. Более 13% считают, что существует риск манипулирования миграционной темой в политических целях (на выборах и др.).

Относительно вариантов решения проблемы демографического сокращения населения России – либо за счет миграции, либо за счет внутренних ресурсов – 70% экспертов выбрали оба варианта ответов, 30% – считают, что необходимо стимулировать демографическое развитие России (материнский капитал и проч.).

На вопрос, следует ли для российской экономики поощрять иностранную трудовую миграцию, 3,3% экспертов считают, что следует, 23,3% отметили, что нет, при этом поясняя, что важнее повысить производительность труда в России и использовать свои трудовые ресурсы. Оба варианта ответов выбрали 70% опрошенных. Затруднились предоставить ответ около 3% респондентов.

Относительно вопроса, каких иностранцев следовало бы называть соотечественниками и предоставлять им льготы для переселения в Россию, 20,0% экспертов считают, что никаких, около 57,0% – всех бывших граждан СССР и их потомков, 13,3% – только отдельные национальности.

На вопрос, что из перечисленного характерно для миграции в их регионе, 73,3% от всех опрошенных отметили спокойную миграционную обстановку, которая не вызывает проблем. Почти 37,0% экспертов считают, что происходит активный приток жителей из других регионов России, резко отличающихся по языку и культуре. В этом отношении 70,0% экспертов отметили, что преобладает положительное или нейтральное отношение к мигрантам, о негативном отношении к мигрантам высказались 30,0% опрошенных. При этом почти 27,0% экспертов негативное отношение к мигрантам связывают с их нелегальным трудоустройством, 23,3% – с тем, что мигранты занимают рабочие места, 16,7% – с незнанием ими русского языка и местных норм поведения. Почти 7,0% опрошенных считают, что причиной выступает ухудшение криминогенной обстановки, 3,3% связывают негативное отношение к мигрантам с возможностью распространения различных заболеваний. Почти 17,0% экспертов считают, что причиной выступает усиление опасности терроризма.

На вопрос, нужны ли в данном регионе мероприятия по адаптации и интеграции мигрантов, 46,7% экспертов ответили, что такие меры нужны только для отдельных мигрантов, а многие и сами могут приспособиться, 30,0% – не видят необходимости в указанных мерах. Более 13,0% респондентов полагают, что подобные меры нужны, но только для отдельных мигрантов, а многих нужно возвращать на родину.

Далее экспертам предлагалось оценить общественные риски иностранной трудовой ми-

грации для данного региона. Оценивая риски безработицы для местных жителей, участники опроса отметили заметный риск относительно следующих государств, из которых приезжают трудовые мигранты, – Узбекистан и Таджикистан. Незначительный риск связывают с трудовой миграцией из Армении, Азербайджана, Молдавии, Украины.

Относительно потенциальных рисков межнациональных и религиозных конфликтов эксперты также отметили заметные риски, связанные с мигрантами из Узбекистана и Таджикистана, незначительные – с Арменией, Азербайджаном, Украиной. Оценка рисков культурной адаптации и интеграции показала, что заметные риски также присутствуют в отношении мигрантов из Узбекистана и Таджикистана, незначительные – возможны в Армении, Азербайджане, Молдавии, Украине.

В целом, анализ рисков по балльной системе от 0 до 5 показал, что в Крыму в отношении рисков роста безработицы, межнациональных и религиозных конфликтов, трудности взаимной интеграции местных и приезжих средний балл всех опрошенных составляет 1,1, что говорит о достаточно незначительном уровне рисков.

Далее экспертам было предложено ответить на вопрос об участии общественных структур в реализации государственной миграционной политики в регионе за последние годы. По поводу фактического участия общественных структур средний балл у всех опрошенных экспертов в отношении участия в общественных советах по вопросам миграции при органах власти составляет 2,1; в анализе правоприменительной практики в сфере миграции, предложения по корректировке – 2,3; в оценке эффективности госпрограмм, затрагивающих проблемы миграции, – 2,8; в предупреждении незаконной иностранной миграции – 2,8; в содействии развитию отечественного рынка труда и приоритетах для граждан России – 2,3; в противодействии незаконной трудовой деятельности иностранных мигрантов – 2,7; в организованном привлечении иностранных работников согласно потребностям региона – 2,3; в содействии трудовой мобильности российских граждан внутри страны – 2,1; в содействии миграционному освоению Сибири и Дальнего Востока – 0,5; в содействии приграничному миграционному обмену – 0,5; в содействии учебной миграции – 2,1; в содействии добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию – 1,1; в решении проблем беженцев – 1,8; в участии в практической адаптации и интеграции мигрантов – 1,7; в участии в развитии миграционных центров – 2,0; в содействии межрегиональному/международному сотрудничеству в сфере миграции – 2,4; в содействии распространению русского языка и российской культуры за рубежом – 3,1; в развитии научных исследований о миграции – 3,1. В целом, сред-

ний балл у всех опрошенных составил 2, что говорит о незначительном участии общественных структур в реализации государственной миграционной политики в регионе за последние годы.

Анализ эффективности участия общественных структур в реализации государственной миграционной политики в регионе за последние годы показал, что средний балл у всех опрошенных составляет 1,9, что позволяет говорить о некоторой степени эффективности.

Таким образом, анализ мнений экспертов относительно участия общественных структур в реализации государственной миграционной политики в оцениваемом регионе позволяет говорить о слабой вовлеченности данных структур (частоте участия в мероприятиях), а также низкой результативности (достижении эффекта).

Оценка фактического участия общественных организаций в адаптации и интеграции мигрантов в регионе за последние годы показала, что средний балл всех опрошенных относительно участия в общественных слушаниях по вопросам миграции составил 1,7; проведения конференций и круглых столов по миграционной тематике – 3,2; выступления в средствах массовой информации и Интернете о культуре отношений мигрантов и местного населения – 1,2; участия в социальной рекламе по миграционной тематике – 1,1; предоставления правовой информации по вопросам миграции – 2,7; мониторинга в сфере миграции, «горячая линия» по вопросам миграции – 2,8; помощи мигрантам при изучении языка, истории и культуры Российской Федерации – 2,4; содействия легальному трудоустройству мигрантов – 2,4; содействия развитию легального и безопасного рынка временного жилья – 1,2; социальной поддержки мигрантов – 1,4; содействия адаптации детей мигрантов в школах – 1,2; содействия изучению в общеобразовательных школах языков и культур народов России и соседних государств – 1,6; распространения взаимной просветительской информации для мигрантов и населения – 0,8; содействия культурному обмену, общению и повышению взаимного доверия мигрантов и местного населения – 0,8; реализации социально значимых проектов сотрудничества местного населения и мигрантов – 0,7; проведения мероприятий, формирующих уважительное отношение мигрантов к культуре и традициям местных жителей, – 0,7; информирования местных жителей о культурных отличиях мигрантов – 0,7; ознакомления местных жителей с языками других российских регионов и соседних государств – 0,6; ознакомления местных жителей с традиционной кухней других российских регионов и соседних государств – 1,8; привлечения мигрантов к участию в общественных праздниках, массовых мероприятиях и других формах общественного досуга – 0,6; содействия туристскому обмену с другими российскими регионами и государствами – 2,0;

совместной общественной деятельности разных религиозных конфессий – 3,2; содействия улучшению межнациональных и межрелигиозных отношений – 3,4; борьбы с коррупцией в миграционной сфере – 2,2; противодействия ксенофобии – 3,2; проведения мероприятий, препятствующих распространению ненависти, основанной на националистических, религиозных и экстремистских идеях, – 3,4; проведения мероприятий, препятствующих распространению идеологии и символики фашизма и нацизма, – 0,3 балла. Средний показатель фактического участия общественных организаций в адаптации и интеграции мигрантов в регионе за последние годы составил 1,7 балла, что можно охарактеризовать как эпизодическое участие в данной сфере.

Анализ экспертами эффективности участия общественных организаций в адаптации и интеграции мигрантов в регионе за последние годы показал, что средний балл всех опрошенных составил 1,6, что говорит о некоторой эффективности участия.

Таким образом, анализ мнений экспертов относительно участия общественных организаций в адаптации и интеграции мигрантов в регионе за последние годы позволяет говорить также о слабой вовлеченности данных структур (частоте участия в мероприятиях) и низкой результативности (достижении эффекта).

Экспертный опрос показал, что большинство респондентов в качестве миграционных рисков для России считают несогласованную миграционную политику соседних государств при открытых взаимных границах и взаимных экономических обязательствах, а также неконтролируемый миграционный приток из других регионов мира. Относительно вариантов решения проблемы демографического сокращения населения России – либо за счет миграции, либо за счет внутренних ресурсов – большинство экспертов выбрали оба варианта ответов.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что анализ рисков показал, что в Крыму в отношении рисков роста безработицы, межнациональных и религиозных конфликтов, трудности взаимной интеграции местных и приезжих средний балл всех опрошенных составляет – 1,1, что говорит о достаточно незначительном уровне рисков. Анализ мнений экспертов относительно участия общественных структур в реализации государственной миграционной политики в оцениваемом регионе позволяет говорить о слабой вовлеченности данных структур (частоте участия в мероприятиях), а также низкой результативности (достижении эффекта). Такие же низкие результаты получены в итоге исследования участия общественных организаций в адаптации и интеграции мигрантов в регионе за последние годы.

Таким образом, актуализируется необходимость проведения дополнительных регулярных массовых региональных политологических и со-

циологических исследований межэтнических и миграционных отношений в Крыму.

В целом, по результатам исследования, отмечается спокойная миграционная обстановка в регионе, которая не вызывает проблем, преобладает положительное или нейтральное отношение к мигрантам. Однако при проведении экспертного опроса стало очевидным, что многие общественные организации осуществляют фор-

мальную деятельность и фактически не готовы к масштабным преобразованиям даже в областях своего интереса.

Примечания

- ¹ См.: Савва М. Конфликтный потенциал межэтнических отношений на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 3 (33). С. 72–83.

Образец для цитирования:

Гросфельд Е. В. Конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в Республике Крым (результаты экспертного опроса) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 479–483. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-479-483>

Cite this article as:

Grosfeld E. V. Conflict and Integration Potential of Interethnic and Migration Relations in the Republic of Crimea (Results of Expert Survey). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 479–483 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-479-483>

УДК 323

Молодежь: субъект-объектный статус в системе молодежной политики муниципального образования

Г. Р. Змановский, О. В. Мясоутов

Змановский Георгий Ренгольдович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, zmanovskii_g@mail.ru

Мясоутов Олег Валерьевич, начальник управления молодежной политики, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского, Красноярск, polius@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению теоретико-методологических подходов к определению субъект-объектного статуса и вовлечения молодежи в процессы политического и социально-экономического развития муниципального образования. Отправной точкой исследования является предположение, что с учетом современного политического процесса в муниципальных образованиях и регионах все больше теряет свое значение традиционный подход к молодежи как к социально-демографической группе, выделяемой по социально-возрастным и профессиональным признакам. С авторской точки зрения, следует обратить внимание на иное понимание статуса молодежи – как активной части общества, во многом способной самостоятельно решать возникающие проблемы. Предлагается для дискуссии концепция развития молодежи и формирования муниципальной молодежной политики, основанной на анализе концептуальных междисциплинарных подходов, определяющих субъект-объектный статус молодежи в системе молодежной политики. Обоснована идея субъектности молодежи в современных социально-политических условиях.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, муниципальные образования, субъектность молодежи.

Поступила в редакцию: 24.07.2020 / Принята: 20.09.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

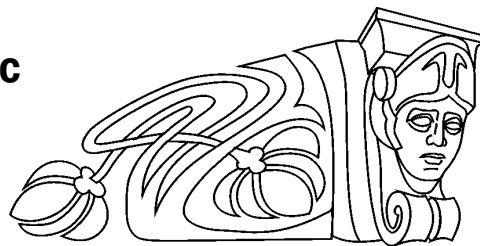
Youth: Subject-Object Status in the System of Municipal Youth Policy

G. R. Zmanovsky, O. V. Myasoutov

George R. Zmanovsky, <https://orcid.org/0000-0002-1115-4262>, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, 89 Ady Lebedevoi St., Krasnoyarsk 660049, Russia, zmanovskii_g@mail.ru

Oleg V. Myasoutov, <https://orcid.org/0000-0002-3314-5316>, Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts, 22 Lenin St., Krasnoyarsk 660049, Russia, polius@mail.ru

The article deals with theoretical and methodological approaches to determining the subject-object status and involvement of young peo-

ple in the processes of political, social, and economic development of a municipality. The starting point of the research is the assumption that the traditional approach to youth as a socio-demographic group, distinguished by socio-age and professional characteristics, does not correspond to the current dynamics of political processes occurring in municipalities and regions. From the authors' point of view, there is a need in a different understanding of the status of youth as an active part of society, which is largely able to solve problems independently. The concept of youth development and the formation of municipal youth policy based on the analysis of conceptual interdisciplinary approaches that determine the subject-object status of youth in the system of youth policy is proposed for discussion. The article substantiates the idea of subjectivity of youth in modern social and political conditions.

Keywords: youth, youth policy, municipalities, youth subjectivity.

Received: 24.07.2020 / Accepted: 20.09.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-484-488>

Дискуссии о характеристиках современной молодежи

В научной литературе можно встретить различные подходы в исследовании молодежной проблематики. По мнению И. С. Кона, к молодежи и молодости в мировой литературе существуют два полярных подхода, первый из которых можно назвать натуралистическо-онтологическим, а второй уже имеет собственное имя – социальный конструктивизм¹. Первый подход определяет молодежь с точки зрения онтогенеза, а второй – через призму социальной динамики. Начало второму научному направлению положила работа американского социолога Г. Стэнли Холла «Юность» еще в 1904 г.² В этой книге автор дает теоретическое осмысление молодежи не только как носительницы определенных признаков, но и как социальной группы с присущими ей особыми социальными чертами и функциями. Большой вклад в изучение характеристик молодежи внес американский исследователь М. Рокич. В его работе «Природа человеческих ценностей» была представлена новая концепция ценностных ориентаций молодежи, трансформировавшаяся позднее в целое направление в западной науке, что было вызвано невиданным пиком общественно-политической активности молодежи³. Специфическая активность

молодежи изучалась и в СССР, где основной характеристикой, как замечают С. В. Полутин и О. Н. Тюлякова, выступало «воспитание на идеологической догматике»⁴. Исходя из этой доминанты, давалось и само определение понятия «молодежь»: «Молодежь – это поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет»⁵. Постсоветское время обусловило переход от идеологической доминанты в формировании молодежи к доминанте социальной многофакторности.

Рассматривая проблематику современной молодежи, необходимо заметить, что молодежь традиционно отличается такой атрибутивно присущей ей ценностью, как стремление к переменам. Но сегодня это желание перемен выступает одной из доминирующих ценностей и порождает более высокий, чем в последние десятилетия, градус противоречия между молодежью и другими социальными группами, который некоторые исследователи рассматривают как предпосылку «молодежного взрыва»⁶. Актуализируя в связи с этим определение понятия, ученые на современном этапе рассматривают молодежь как «социально-демографическую общественную группу, выделяемую на основе совокупности характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами и характеристиками, которые в свою очередь определяются уровнем социально-экономического и культурного развития, а также особенностями социализации в российском обществе»⁷. Таким образом, можно признать правомерным утверждение В. А. Лукова о том, что молодежь – всегда социальная конструкция определенного времени и определенных социокультурных условий⁸. Если это так, то сегодняшние характеристики молодежи (абсолютное доминирование потребления над творчеством, специфически гедонистическая направленность досуга, пограничность норм поведения и т. д.) и продуцируемые ею события – суровая оценка состоянию социума, а значит, и серьезный вызов современному обществу⁹.

В многочисленных работах, посвященных исследованиям проблем молодежи, основополагающие положения, рассматривающие молодежь как особую социальную группу, находящуюся в неравновесном состоянии и при определенном стечении обстоятельств способную вывести из равновесия другие социальные группы и общество в целом¹⁰, не применяются, а молодежь в системе «общество – власть – молодежь» рассматривается, как правило, только в качестве объекта воздействия и социальной поддержки.

Проблема субъект-объектного статуса молодежи в системе молодежной политики на уровне муниципального образования

По данным Росстата, на 1 января 2020 г. доля молодежи в общем населении страны составила 18,65% (146 748 590 чел.), из них молодежь от 14 до 30 лет – 27 368 077 чел., 14–17 лет – 5 931 809 чел., 18–22 лет – 6 725 306 чел., 23–27 лет – 7 913 992 чел., 28–30 лет – 6 796 970 чел. Как мы видим, наибольшая доля молодежи, а именно 28,9%, составляют молодые люди в возрасте 23–27 лет.

22 июля 2020 г. в Государственную Думу ФС РФ был внесен законопроект «О молодежной политике в Российской Федерации»¹¹, основные положения которого, на наш взгляд, сформулированы в традиционной парадигме, по схеме top-down, так как законопроект содержит следующие понятия.

Государственная молодежная политика – «направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и иными органами и организациями на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия».

Молодежь определяется как «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 и более лет».

В качестве целей государственной молодежной политики обозначены «совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны».

Субъектами молодежной политики, согласно законопроекту, являются: «уполномоченные федеральные органы исполнительной власти и иные федеральные государственные органы; уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и иные государственные органы субъектов Российской Федерации».

Федерации; органы местного самоуправления; учреждения по работе с молодежью; молодежные общественные объединения; молодежные консультативно-совещательные органы; образовательные организации и учреждения; органы студенческого самоуправления; иные органы и организации, действующие в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Заметим, что сама молодежь не относится законодателем к субъектам, осуществляющим деятельность в сфере государственной молодежной политики на территории Российской Федерации.

На наш взгляд, законодатель определяет роль государства в отношении к молодежи в качестве партнера, без формирования молодежной политики, адекватной социально-психологическому, социокультурному, политико-экономическому положению молодежи, не рассматривает ее фактическое участие в системе публичной политики и управлении. Таким образом, не рассматривает молодежь в качестве реального субъекта молодежной политики и не учитывает ее влияния на принятие реальных, а не имитационных возможностей в управлении, а отсюда не учитывает и реальные вызовы и риски пограничного состояния молодежи, что во многом порождает маргинальное социальное самочувствие молодых людей.

Так, например, проблемное поле реализации муниципальной молодежной политики, идентификации и вовлечения молодежи в процессы социально-экономического развития муниципального образования можно определить как неадаптивность самой политики, когда политика не отвечает реальной ситуации, при которой растет уровень субъективации молодежи; дефицит эффективных взаимосвязей с установками стратегического регионального развития; во многом несистемный характер различных программ реализации молодежной политики на уровне муниципального образования. Программные цели не сфокусированы на слабых местах молодежи в конкретных муниципальных образованиях, которые выявляются в результате научных исследований, предоставляющих объективную информацию, с одной стороны, для использования в разработке самой муниципальной молодежной политики, а также для управления ее реализацией.

Анализ источников по молодежной проблематике показывает, что исследованиям проблем субъектности молодежи посвящено достаточное количество научных работ¹². Однако при этом работ, посвященных исследованию своего рода «тектологических границ» возрастных изменений, приобретения и готовности к реализации потенциала молодежи в статусе субъекта, обладающего реальными управленческими возможностями, практически нет. Вместе с тем субъектность молодежи, если и объясняется, то, на наш взгляд, при недостаточно корректной интерпретации понятия «субъект»¹³.

При обстоятельствах, раскрывающих реальную степень свободы реализации субъектного статуса, особенно на уровне местного самоуправления, активность может переходить в инновационность, в позитивные социально-политические практики¹⁴. Авторы разделяют позицию тех исследователей, кто определяет субъектность молодежи в качестве ее способности создавать и внедрять в общественно-политическую и социально-экономическую практику социальные инновации, а целью молодежной политики называют формирование социальной субъектности молодежи, т. е. способности выступать в качестве активного начала (деятели, творца) социальной реальности¹⁵, и адекватное включение ее в социально-политические практики конкретного муниципального образования.

Теоретико-методологическими рамками обоснования авторского подхода к пониманию молодежной политики, основанного на диалектике субъект-объектного статуса молодежи, являются идеи и теоретические положения, выдвинутые И. М. Ильинским. Молодежь, с его точки зрения, это «объективное общественное явление, выступающее всегда как большая специфическая возрастная подгруппа. Ключом к познанию природы молодежи является диалектика целого и части. Проблемы молодежи в любом социуме состоят в том, что молодость тесно связана с идеей зависимости; большинство молодых людей не обладает личной самостоятельностью в принятии решений, касающихся их жизни; перед молодыми людьми стоит проблема выбора сферы трудовой деятельности, выбора профессии; молодые люди решают проблему нравственного и духовного самоопределения»¹⁶. В целом все это образует совокупность смыслов и значений, характеризующих ментальность и мировоззрение молодежи (основано на материалах анализа красноярской региональной молодежной среды по результатам эмпирического исследования, проведенного одним из авторов статьи в феврале–марте 2020 г.)¹⁷.

С точки зрения концепции И. М. Ильинского, основополагающей является идея субъектности молодежи. При этом он особо ее обосновывает, показывая, что проблема состоит в том, что «мир решительно меняется, идут процессы, которые не могут быть в достаточной мере осмыслены и тем более взяты под контроль старшим поколением. Молодежь приобретает субъектность по мере самоидентификации, самоосознания своих интересов, роста своей организованности»¹⁸.

Таким образом, молодежная политика, в особенности муниципальная, должна учитывать специфику, волнообразность субъект-объектных отношений, субъекта управления и молодых граждан муниципального образования. Субъект-субъектные отношения при определении молодежной политики имеют характер движения

политического маятника между патернализмом и самореализацией, носящих объективный политический характер.

Вместе с тем абсолютизация патерналистской социально-политической парадигмы молодежной политики лишает молодых граждан социальной справедливости, а реализацию молодежного потенциала – экономической эффективности. Поэтому традиционные субъект-объектные отношения в молодежной политике объективно должны дополниться субъект-субъектными социально-политическими отношениями субъектов молодежной политики и молодежи, ориентируемых на формирование межпоколенческой целостности российского социума. Вступая во взаимодействие, субъект и объект определяют закон своего поведения. То, что было для каждого из них индивидуальным сознанием, становится их общим сознанием, а далее и общей системой взаимодействий.

Взаимодействие – это, прежде всего, действие, а действие в свою очередь – всегда наличие концепции, наличие концепции – это выражение общих интересов субъекта и объекта.

Развитие молодежи, в отличие, например, от поколения «50+», объективно, это движение «от объекта к субъектности». Это одно из концептуальных оснований авторского подхода к пониманию особенности молодежной политики. При определении целей молодежной политики и методов взаимодействия с молодыми гражданами необходимо учитывать способность молодежи «самонастраиваться» и «самодостраиваться», реагируя как на внутренние, так и на внешние факторы, то удаляясь от статуса субъектности, то приближаясь к нему.

Процесс обретения молодежью субъектности специфичен, так как неустойчив, внутренне противоречив и зачастую конфликтен, но объективно предопределен.

Таким образом, ключевая проблема молодежной политики сегодня (в особенности на уровне муниципальных образований), действующей в рамках модели top-down, заключается в том, что до настоящего времени нет теоретически обоснованной системы показателей, позволяющих оценивать адекватность мер воздействия и механизмов взаимодействия между управляющими субъектами молодежной политики и молодыми людьми. До сих пор не выработано адекватных методов и технологий, формирующих устойчивую субъектность, инструментария «замера» уровня приобретенной, освоенной субъектности молодежи. Очевидно, что данные показатели должны учитывать не только и не столько уровень активности молодых людей (в конечном итоге она может быть имитационной), сколько их способность реального воздействия на социально-политические процессы, принятие решений, касающихся непосредственно интересов молодежи с учетом их собственных интересов и пред-

лагаемых государством «опций», возможностей для ее реального субъектного участия. Необходим концептуальный пересмотр моделей развития молодежной политики муниципальных образований. Муниципальная молодежная политика, по мнению авторов, должна быть ориентирована на создание условий эффективного и качественного процесса социализации, самоопределения и самореализации молодежи в качестве активного участника муниципального управления, реального субъекта социально-экономического, культурного и политического развития муниципалитета.

Резюмируя, заметим, что общепринято считать молодежь наиболее дифференцированной стратой в субкультурном отношении, при этом одни группы молодежи выбирают стратегии закрепления субъектности, другие предпочитают стратегии «сознательной десубъективизации». Очевидность субкультурной дифференциации определяет другое проблемное поле. Нам видится не менее актуальной научно-исследовательская проблема разработки технологии и методов социального включения различных молодежных групп и сообществ, особенно на муниципальном уровне или, что называется, «на земле». Поэтому при разработке муниципальной молодежной политики важно учитывать территориальную специфику и своеобразие молодежи как социальной группы конкретного муниципального сообщества. Необходим системный мониторинг процесса перехода ее состояний для уточнения предмета и адаптации направлений молодежной политики адресно, для каждой возрастной группы молодежи. Необходимо с позиции социально-политического подхода системно исследовать особенность, специфику социального смысла «взросления» молодежи, определить методологические основания вариативности моделей молодежных политик муниципальных образований региона. В основе моделей могут быть различные подходы к пониманию молодежи, но прежде всего как к реальному субъекту социально-политических, социокультурных, политико-экономических изменений муниципального образования.

Не подменяя активность молодежи, целью молодежной политики по отношению к ней должно стать предоставление реальных, адекватных возрасту, социально-психологическому, социально-политическому статусу возможностей, формируя при этом соответствующие потребности и интересы, развивая способность и активность к социально-преобразующей, созидательной деятельности молодых людей.

Примечания

- 1 См.: Молодежь в современном мире : проблемы и суждения (Материалы «круглого стола») // *Вопр. философии*. 1990. № 5. С. 12–33.
- 2 См.: *Hall G. S. Youth : Its Education, Regiment and Hygiene*. N. Y. : D. Appleton and Company, 1906.

- ³ См.: *Rokeach M.* The Nature of Human Values. N. Y. : The Free Press, 1973.
- ⁴ *Полутин С. В., Тюлякова О. Н.* Социология молодежи : история становления и перспективы развития // Интеграция образования. 2010. № 1. С. 108.
- ⁵ *Лисовский В. Т.* Социология молодежи. М. : Политиздат, 1982. С. 389.
- ⁶ *Луков А. В.* Теории молодежи : Междисциплинарный анализ. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. С. 196.
- ⁷ *Чупров В. И., Зубок Ю. А.* Молодежь в общественном воспроизводстве, проблемы и перспективы. М. : Ин-т соц.-полит. исслед., 2000. С. 8.
- ⁸ См.: *Луков В. А.* Молодежная организация в контексте своего времени и субъективность социокультурных изменений // Молодежь и молодежная политика : новые смыслы и практики / под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской, Ю. А. Зубок. М. : Экон-информ, 2019. Т. 5 (Демография. Социология. Экономика). № 1). С. 36–47.
- ⁹ См.: *Карлова О. А., Мясоутов О. В.* Социокультурная деятельность : молодежь как вызов // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 1. С. 98–109.
- ¹⁰ См.: *Лисовский В. Т.* Молодежь на рубеже веков // Молодежь : тенденции социальных изменений : сб. ст. / под ред. В. Т. Лисовского. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. С. 6–33.
- ¹¹ См.: Законопроект № 993419–7 «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/993419-7> (дата обращения: 17.12.2019.).
- ¹² См.: *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России : социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2010 ; *Елишев С. О.* Молодежь как объект социализации и манипуляций. 2-е изд., с изм. и доп. М. : Канон+, 2015 ; *Ильинский И. М.* О молодежной политике российского политического центразма. М. : Б.и., 1999 ; *Маришак А. Л., Рожкова Л. В.* Жизненный успех в представлениях российской молодежи // Социс. 2015. № 8. С. 157–160.
- ¹³ См.: *Ушамирский А. Э.* К проблеме субъектности молодежи // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 4. С. 16–29.
- ¹⁴ См.: *Герасименко Л. В.* Предпринимательская деятельность молодежи и механизм ее регулирования : дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 1998. 179 с.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Ильинский И. М.* Молодежь и молодежная политика. М. : Голос, 2001. С. 15.
- ¹⁷ См.: *Карлова О. А., Мясоутов О. В.* Культура современных студентов : ведущие смыслы политического мифа // Вестн. СПбГИК. 2020. № 2 (43). С. 132–139.
- ¹⁸ *Ильинский И. М.* Указ. соч. С. 32.

Образец для цитирования:

Змановский Г. Р., Мясоутов О. В. Молодежь: субъект-объектный статус в системе молодежной политики муниципального образования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 484–488. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-484-488>

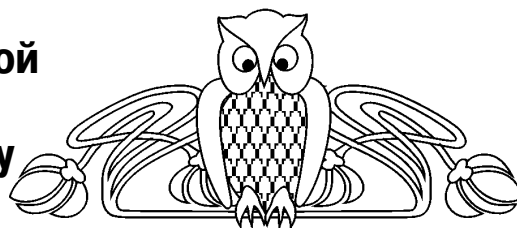
Cite this article as:

Zmanovsky G. R., Myasoutov O. V. Youth: Subject-Object Status in the System of Municipal Youth Policy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 484–488 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-484-488>

УДК 327

Политические аспекты американской помощи Украине накануне парламентских выборов в 2002 году

Т. В. Черевичко, В. Г. Цыплин

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экономических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений, заведующий кафедрой туризма и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tvcherevichko@gmail.com

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, v.tsyplin@yandex.ru

Статья посвящена политическому анализу инструментария, применяемого США для вывода Украины из сферы экономического влияния России. На основе анализа материалов отдельных проектов и научных публикаций сделан вывод о том, что к 2002 г. в США не произошло ожидаемой смены поколений политологов и экономистов. Тон в украинском вопросе по-прежнему продолжали задавать ветераны «холодной войны» и стоящие за ними финансовые структуры. Фрагментация деятельности Агентства США по международному развитию (USAID) накануне украинских парламентских выборов позволила охарактеризовать сетевой принцип распределения финансовых ресурсов, выделяемых на реализацию заранее намеченных рамочных политических программ. Отмечается, что американский экономический компонент был надежно скрыт в механизмах формирования украинских предвыборных политических блоков.

Ключевые слова: USAID на Украине, экономический компонент в политических решениях, украинские парламентские выборы, неправительственные организации.

Поступила в редакцию: 10.09.2020 / Принята: 24.09.2020 / Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Political Aspects of American Assistance to Ukraine on the Eve of the 2002 Parliamentary Elections

T. V. Cherevichko, V. G. Tsyplin

Tatyana V. Cherevichko, <https://orcid.org/0000-0002-9645-1513>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tvcherevichko@gmail.com

Vitaly G. Tsyplin, <https://orcid.org/0000-0003-1216-7900>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, v.tsyplin@yandex.ru

The article is devoted to the political analysis of the tools used by the United States to withdraw Ukraine from the sphere of economic influence of Russia. Based on the analysis of the materials of individual

projects and scientific publications, the authors come to conclusion that by 2002 the expected change of generations of political scientists and economists did not take place in the USA. The tone within the Ukrainian issue continued to be set by the veterans of the Cold War and the financial structures behind them. The fragmentation of the activities of the United States Agency for International Development (USAID) on the eve of the Ukrainian parliamentary elections made it possible to characterize the network principle of the distribution of financial resources allocated for the implementation of pre-planned framework political programs. It is noted that the American economic component was reliably hidden in the mechanisms of the formation of Ukrainian pre-election political blocs.

Keywords: USAID in Ukraine, economic component in political decisions, Ukrainian parliamentary elections, non-governmental organizations.

Received: 10.09.2020 / Accepted: 24.09.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-489-494>

По мнению экспертного сообщества, в конце XX в. начался процесс постепенного сокращения деятельности американских финансовых институтов в программах развития экономики в России. События развивались на фоне осуждения российскими гражданами экономических ресурсов США, активно применявшихся в приватизации, либерализации, инвестициях, малом бизнесе, кредитовании, налогообложении, что привело к новому витку антиамериканизма. В этот момент вашингтонская администрация, конгрессмены также были озабочены попытками России продолжать свое влияние на постсоветском пространстве, в первую очередь на Украину. Независимые расчеты, произведенные в тот период экспертами Российской академии наук и Академии наук Украины, показывали реальные перспективы от экономической интеграции для украинской экономики¹.

Подобные стремления планировалось пресечь несколькими способами. Во-первых, путем развития проамериканской демократии. Данные проявления заметны, например, на фоне существенного облегчения процесса оказания финансовой помощи зарубежным странам, проявившегося в уменьшении срока обязательного уведомления Конгресса США по вопросам поставок различных предметов военного назначения с 30 до 15 дней. Здесь просматриваются двойные стандарты. По оценкам правозащитной

организации «Human Rights Watch», такое решение сокращает отрезок времени, позволяющий конгрессменам и американским общественным организациям производить мониторинг финансовых программ в рамках требований поправок сенатора П. Лихи, запрещающих финансирование поставок оружия иностранным военным подразделениям, уличенным в безнаказанном нарушении прав человека². Изменения касались всего постсоветского пространства и распространялись на любые программы помощи. Во-вторых, за счет конкретных денежных сумм, которые выделялись правительством США Госдепартаменту и Агентству международного развития на переустройство Украины. В ежегодно принимаемых законах о финансировании внешней политики США Foreign Relations Authorization Acts и Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Acts, где есть разделы, касающиеся «Помощи новым независимым государствам Советского Союза», излагаются взгляды конгрессменов на помощь Украине, их готовность финансировать проведение украинских экономических и политических преобразований³. В-третьих, отведение Украине, как будущему члену ЕС, роли локомотива в экономических преобразованиях в Центральной и Восточной Европе.

В американском законодательстве просматриваются позиции, предусматривающие создание определенного кадрового аппарата, который будет заниматься реализацией экономических реформ на Украине с перспективой их распространения в ряде государств ЕС⁴. В Вашингтоне планировали будущее Украины в ВТО. Самыми активными в этом вопросе были представители Республиканской партии США Р. Лугар, Дж. Мак Кейн, Дж. Кайл, С. Коллинз, Л. Грэм, Дж. Сунуну. Их точка зрения и активная позиция по формированию внешнеполитического курса США в отношении Украины во многом определили параметры американской финансовой помощи при проведении парламентских выборов⁵.

В РФ проблемами американской политики в области оказания различных видов финансовой помощи Украине в исследуемый период занимались А. И. Антонова⁶, Н. А. Дьякова⁷, Н. А. Цветкова⁸. В своих исследованиях они подтверждают, что в начале XXI в. США осуществляли масштабное финансирование «незалежной» нарастающим темпом. Это коснулось программ обучения лидеров партий, членов правительства, журналистов и руководителей НПО. Прямые американские инвестиции запустили ключевые миграционные механизмы⁹. Такими мерами пытались сформировать проамериканскую правящую элиту для последующей смены политического режима¹⁰.

Такие процессы проходили на фоне принятия в конце 2001 г. ряда экономических законов, когда процесс украинских преобразований зна-

чительно замедлился. Реформа энергетического сектора имела весьма скромные параметры. Кабинет министров Украины занимался в этот ответственный период бумажным составлением планов по урегулированию огромных финансовых долгов энергетических подразделений. Сельскохозяйственные реформы способствовали хорошим результатам в летние месяцы 2002 г., когда в Украине был зафиксирован самый высокий урожай с момента обретения независимости. По данным статистики, экспорт сельскохозяйственной продукции вырос, а более низкие цены на продовольствие стали основным фактором сдерживания инфляции. Эти параметры портил процесс приватизации, способствующий значительному падению доходных показателей многих предприятий, которые в сложившихся условиях теряли свое устойчивое положение на рынке. Правительство Украины старалось сократить расходы и увеличить количество различного рода иностранных заимствований, чтобы залатать дыры, образовавшиеся в бюджете.

В 2002 г. руководство страны нарушало рекомендации МВФ, допуская губительный рост денежной массы и размера дефицита бюджета. СМИ опубликовали скандал с манипуляцией данными Национального банка Украины (НБУ) относительно реально существующего размера валютных резервов¹¹. В результате Украина опустилась вниз по рейтинговой кредитной лестнице. Несмотря на это, Киев осенью 2002 г. успешно привлек 260 млн долл. посредством размещения еврооблигаций. В сентябре 1998 г. МВФ утвердил программу расширенного финансирования Украины (Extended Fund Facility) в 2,5 млрд долл. сроком на три года, которая была пролонгирована на 2002 г. В течение этого периода Киев потратил 1 млрд 625 млн долл.¹² В 2002–2008 гг. сотрудничество Украины с МВФ было приостановлено. На этом фоне в 2002 финансовом году правительство США выделило Украине около 280,48 млн долл.: помощь по закону о поддержке свободы 157,92 млн долл.; помощь МО США (DoD) в размере 56,95 млн долл.; помощь Министерства энергетики США (DOE) 9,70 млн долл.; продовольственная помощь министерства сельского хозяйства США 7,57 млн долл.; частные пожертвования и излишки гуманитарных товаров на сумму 25,49 млн долл.; другие виды помощи правительства США 22,59 млн долл. Средства в размере 156 млн долл., выделенные как помощь по закону о поддержке свободы, включали в себя: 74 млн долл. на программы агентства США по международному развитию (United States Agency for International Development (USAID)) и 25 млн долл. на программы дипломатии Государственного департамента США¹³.

Значительная часть средств из перечисленных сумм поступала на счета иностранных организаций, принадлежащих прозападным правительствам, которые платят собственным

организациям за конкретную работу с украинскими органами власти. Таким способом на Украине внедряются нужные западу реформы и формируются проамериканские правящие элиты¹⁴. Все инвестиционные проекты нацелены не на украинских, а на западных производителей, реализующих промышленные, продовольственные и социальные программы в «незалежной». Так реализуется механизм, когда правительства других стран инвестируют денежные средства в рынок потребления своих же услуг. По этой причине Украина лишилась реальных возможностей наладить свои технологические процессы, создавать и наращивать собственное прибыльное производство. Основная часть украинских структур, получающих средства от американских спонсоров, значительно бюрократизирована. Руководители упомянутых компаний использовали вашингтонские поступления для подачек и запредельных зарплат нужным сторонникам и для отстройки и содержания собственных офисов.

В 2002 г. правительство США сконцентрировало свои усилия на финансовой помощи послушным организаторам «демократических» реформ и активистам, участвующим в проведении парламентских выборов в марте 2002 г.¹⁵. Средства расходовались на введение новых программ, позволяющих расширить доступ в Интернет для населения Украины. Этот вид помощи целенаправленно распределялся на региональном и местном уровнях, а также адресно в частные компании.

Через частный финансовый сектор помощь оказывалась сельхозпроизводителям и малому бизнесу, заинтересованному в западном векторе сотрудничества. В особом упрощенном порядке предоставлялся доступ к кредитам под низкую процентную ставку, принимались нужные иностранным покровителям юридические акты и исчезали из оборота мешающие им законы, обособывалась необходимость укрепления прав собственности.

В 2002 финансовом году USAID продолжало развивать на Украине сектор малых и средних предприятий (МСП) с целью получения максимальной отдачи от своих финансовых ассигнований. Методы работы USAID на украинской территории имели свои особенности: сетевой принцип распределения финансовых ресурсов; разработка рамочных программ и контроль за их исполнением; партнеры USAID составляли конкретные грантовые программы для своих грантополучателей в Киеве; украинские НПО заканчивали реализацию проектов USAID, при этом привлекаемые участники программ зачастую и не знали, что их деятельность финансируется из-за океана. Таким способом осуществлялась агрессивная кампания по охвату иностранной помощью новых партнерских организаций¹⁶. На денежные средства, уже обозначенные в настоящем исследовании, USAID и правительство

Украины, администрация президента продолжали реализовывать вашингтонские стратегические цели: создание рыночной экономики на широкой основе; оказание помощи в построении «демократической» политической системы с широким участием западных структур; покровительство в проведении реформ социального сектора¹⁷. Администратор USAID и его заместитель, традиционно назначаемые Президентом США с согласия конгресса, в координации с госдепом развивали партнерство на пространствах «незалежной», вселяя в украинцев веру, что, работая вместе, можно создать на фондовые средства безопасное и процветающее будущее для народа Украины¹⁸.

Поддержка USAID в области микрокредитования осуществлялась через Микрофинансовый банк (МФБ) при участии еще пяти коммерческих банков, которые открыли восемь новых филиалов в украинских городах: Днепропетровске, Хмельницком, Ивано-Франковске, Луганске, Мариуполе, Горловке, Краматорске, Белой Церкви. Тем самым была создана широкая региональная сеть, функционирование которой, по данным председателя правления МФБ Ф. Реннера, позволила банку увеличить свой кредитный портфель с 10 млн до 30 млн долл. Полученная при этом прибыль в размере около 1% от уставного капитала вкладывалась в укрепление созданной региональной сети¹⁹. Через созданную структуру было предоставлено 22 328 кредитов на сумму более 165 млн долл. Средняя сумма кредита составляла 4403 долл., а 86% выданных кредитов составляли не менее 10 тыс. долл. Такой вид кредитования имел основополагающее значение для расширения существующих МСП и создания новых. Центральная программа USAID по МСП, именуемая BIZPRO²⁰, через специальные ассоциации обслуживала 20 тыс. МСП, обрабатывала ежемесячно на горячих линиях около 5 тыс. телефонных звонков и обучала 1000 предпринимателей. В результате этой помощи 22% участников BIZPRO сообщили об увеличении прибыли, а 11% говорили об увеличении числа сотрудников. В конце 2002 г. BIZPRO функционировала уже в 32 украинских городах. Всего в 2002 г. BIZPRO в трех городах «незалежной» внедрила концепцию «единого окна», сообщив о готовности распространить это новаторство по всей стране²¹.

Изменения коснулись и бизнес-образования. В этой отрасли, при поддержке USAID, Консорциум по улучшению украинского управленческого образования (CEUME) подготовил более 4000 преподавателей и администраторов управленческого образования. В педагогическом процессе по бизнес-образованию CEUME задействовались 300 тыс. студентов, было разработано 150 тематических исследований²².

В 2002 г. USAID занимался реализацией программы по макроэкономической и фискальной реформе на Украине посредством предостав-

ления консультативной и технической помощи членам украинского парламента по экономическим, налоговым и бюджетным вопросам. Так, в программах, финансируемых USAID, было задействовано 4500 чиновников, которые предметно ознакомились с прозападными рекомендациями относительно местных бюджетов и предлагаемыми поправками и новыми концепциями Бюджетного кодекса Украины. Из украинских чиновников мало кто себе с пониманием представлял, что реализация предлагаемых реформ способствует децентрализации государственной власти. Параллельно USAID смог внедрить в некоторые украинские министерства свои программы бюджетирования. Полный охват всех министерств начали реализовывать в ходе работ над национальным бюджетом центрального правительства на 2003 г., а завершили при планировании бюджета на 2004 г. При непосредственном участии USAID были расширены полномочия Департамента налоговой политики в Министерстве финансов, который возглавил разработку законодательства о налоговой реформе и продолжил работы над проектом Налогового кодекса. Движение в этом направлении надо было предпринимать, так как Постановление Верховной Рады Украины от 20 декабря 2001 г. № 2906 «О специальной процедуре рассмотрения в третьем чтении проекта Налогового кодекса Украины» осталось нереализованным. Попытки USAID хоть как-то инициировать принятие Налогового кодекса и назначенная в 2002 г. специальная процедура рассмотрения ни к чему не привели. Верховная Рада Украины смогла принять Налоговый кодекс только в 2010 г.²³

Структуры USAID в 2002 г. оказывали помощь Министерству экономики Украины в построении системы особого макроэкономического анализа и прогнозирования за счет образования комплексных групп в составе сотрудников Государственного казначейства Украины, органов Государственной налоговой службы Украины и советников казначейства США.

Комиссия США по ценным бумагам и биржам (SEC) является главным органом, осуществляющим функции надзора и регулирования американского рынка ценных бумаг. Перед SEC всегда ставились цели: защита инвесторов; поддержание справедливых, упорядоченных и эффективных рынков; способствование формированию капитала. В апреле 2002 г. SEC в пределах своего мандата предоставила информацию об украинском рынке ценных бумаг и практике США по его лицензированию. Такое заключение имело решающее значение для инвесторов, принимающих обоснованные решения при инвестировании на рынках капитала.

Через программы USAID США прилагало усилия по укреплению банковской системы Украины. На первый взгляд, в 2002 г. наметилась тенденция к улучшению: доля кредитования в

первой половине года в процентах от банковского бизнеса увеличилась на 17,3%, прибыль коммерческих банков – на 63,0%, политика НБУ по снижению требований к денежным резервам и поддержанию стабильного обменного курса привела к увеличению долгосрочного кредитования. При глубинном анализе ситуация не такая радужная: более 80,0% кредитов по-прежнему являются краткосрочными, несмотря на то, что за последние два года объем депозитов утроился, он все еще составляет всего 12,6% ВВП²⁴. Это самые низкие показатели среди стран Евразии, что отражает недоверие общественности к банковской системе. USAID применил свои методы банковского надзора, старался укрепить доверие к банковской системе путем внедрения более эффективных методов управления, основанных на оценке риска. Обучение по внешнему анализу, внедрение механизмов управления рисками, инспектирование, решение вопросов с проблемными банками производились на месте. По мнению руководителей МВФ, Украина в сложных условиях продемонстрировала некоторое улучшение и определенную стабильность банковской системы страны. Весьма негативной тенденцией в реальной жизни являлся довольно высокий разорительный уровень оттока капитала из Украины²⁵.

В 2002 финансовом году Центр коммерческого права, финансируемый USAID, оказал помощь парламенту и правительственным министерствам в совершенствовании основного коммерческого законодательства, включая Гражданский кодекс, который должен был создать условия для соблюдения контрактных обязательств. Кодекс оказал существенное влияние на сделки по владению землей и имуществом, реализацию права интеллектуальной собственности, отношения между должниками и кредиторами. Центр коммерческого права, финансируемый USAID, проводил тренинги для специалистов по коммерческому праву, специализирующихся в областях: арбитража, посредничества, банкротства, исполнения судебных решений, разработки законопроектов. Центр оказал помощь в разработке поправок к Закону о банкротстве, которые вступили в силу 14 июля 2002 г. Поправки должны были добавить и усилить положения, разъясняющие процедуры реструктуризации предприятий, восстановления их платежеспособности. В 2002 г. Центр коммерческого права оказал помощь и Украинской ипотечной ассоциации в подготовке Закона об ипотеке для второго парламентского рассмотрения. Новый закон создал частные ипотечные учреждения и посредников на рынке ипотеки. Центр помог усилить исполнение контрактов и судебных решений, внес поправки к действующему правоприменительному законодательству. Была оказана помощь в создании системы продажи активов по распоряжению суда и разработки альтернативных механизмов разрешения споров. Поправки добавили и уси-

лили положения, в которых разъясняются процедуры реструктуризации предприятия и восстановления платежеспособности.

Приведенные факты и перечисленные показатели свидетельствуют, что USAID являлась самым мощным западным агентством на Украине, представляющим собой ключевого грантодателя, финансирующего общественные организации и фонды по целому ряду ключевых направлений в своих интересах. Таким изощренным способом Вашингтон, как всегда, настойчиво пытался внушить бедствующей стране мысль, что не жалеет денег для благополучия и процветания Украины. «Сказочное» бескорыстие заокеанского «друга» оказало волшебное-успокаивающее воздействие на руководство «незалежной», которое не только не вводило ограничений на крайне сомнительную деятельность этой совершенно закрытой структуры, но и гордилось проникшими шупальцами USAID на их территорию. Накануне парламентских выборов 2002 г. на Украине происходила перегруппировка сил и формирование предвыборных блоков. В этих условиях верить в гуманитарные мотивы американской помощи можно только по наивности либо из корыстно-преступных побуждений. Постоянное попрошайничество украинской элитой иностранной экономической помощи и безнаказанное разворывание своих национальных богатств стали привычной, неотъемлемой частью ее образа жизни.

Примечания

- ¹ См.: *Алексеев Д. С.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве : стратегические вызовы и региональная конкуренция // Политика обеспечения продовольственной безопасности современной России и стран ЕАЭС : региональное измерение : сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 29 мая 2015 г.) / отв. ред. А. А. Вилков. Саратов : Саратовский источник, 2015. С. 15.
- ² См.: *Dangerous dealings. Changes to U.S. military assistance after September 11* // Human Rights Watch. 2002. Vol. 14, № 1 (G). URL: <https://www.hrw.org/reports/2002/usmil/> (дата обращения: 15.01.2020).
- ³ См.: *Foreign Relations Authorization Act, Fiscal Years 2001 and 2002* // U. S. Congress, House of Representatives. URL: <https://www.house.gov> (дата обращения: 19.01.2020).
- ⁴ См.: *Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Acts, 1996–2002* // U. S. Congress, House of Representatives. URL: <https://www.house.gov> (дата обращения: 16.01.2020).
- ⁵ См.: *Цыплин В. Г.* Американское влияние на избирательную систему Украины в преддверии парламентских выборов в 2002 году // *Современные евразийские исследования* : Научный журнал / под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов, 2019. Вып. 1. С. 48.
- ⁶ См.: *Антонова И. А.* Участие Агентства США по международному развитию (USAID) и американских неправительственных фондов в избирательных процессах на территории Грузии, России и Украины (1996–2006 гг.) // *Ежегодный Российско-американский семинар в Санкт-Петербургском государственном университете* / редкол. : Б. А. Ширяев (отв. ред.), Ю. Г. Акимов, Н. А. Цветкова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. С. 194.
- ⁷ См.: *Дьякова Н. А.* Военная политика США в отношении Украины и Грузии (2004–2010 гг.) // *США и Канада : экономика, политика, культура*. 2010. № 10. С. 92.
- ⁸ См.: *Цветкова Н. А., Ярыгин Г. О.* Публичная дипломатия США : механизм управления и финансирования // *Вестн. ПВГУС. Сер. Экономика*. 2015. № 1 (39). С. 31.
- ⁹ См.: *Черевичко Т. В.* Механизм международной миграции рабочей силы : особенности функционирования // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2015. № 6. С. 10.
- ¹⁰ См.: *Cumulative Funds Budgeted (FY 1992 to Date) for Major NIS Assistance Programs by Country As of September 20, 2002* // Department of State. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/2378.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).
- ¹¹ См.: *Гаценко А.* Каким странам кредиты МВФ помогли, а каким – навредили. URL: <https://kp.ua/economics/653352-kakym-stranam-kredyty-mvf-pomohly-a-kakym-navredyly> (дата обращения: 15.01.2020).
- ¹² См.: *История взаимоотношений Украины с Международным валютным фондом*. URL: <https://tass.ru/info/2153697> (дата обращения: 19.01.2020).
- ¹³ См.: *U. S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. Bureau of European and Eurasian Affairs. January 2003. Report*. URL: <https://2003.state.gov/p/eur/rls/rpt/23602.htm> (дата обращения: 14.01.2020).
- ¹⁴ См.: *U. S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia, FY 2002. Wash. D. C. : Department of State, Bureau of European and Eurasian Affairs, 2003*. URL: <http://www.state.gov/p/eur/rls/rpt/c10250.htm> (дата обращения: 17.01.2020).
- ¹⁵ См.: *U. S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia, FY 2001. Wash. D. C. : Department of State, Bureau of European and Eurasian Affairs, 2002*. URL: <http://www.state.gov/p/eur/rls/rpt/c8491.htm> (дата обращения: 15.01.2020).
- ¹⁶ См.: *International Aid in the 2000s : War and Rebuilding*. URL: <https://www.usaid.gov/who-we-are/usaid-history> (дата обращения: 14.01.2020).
- ¹⁷ См.: *USAID history*. URL: <https://www.usaid.gov/where-we-work/europe-and-eurasia/ukraine/history> (дата обращения: 18.01.2020).
- ¹⁸ См.: *Артемьев М.* Как работает Америка. М. : Фонд «Либеральная миссия» ; Новое литературное обозрение, 2010. С. 58.
- ¹⁹ См.: *Микрофинансовый банк создает региональную сеть*. URL: <https://korrespondent.net/business/39879-mikrofinansovyy-bank-sozdaet-regionalnuyu-set> (дата обращения: 17.01.2020).
- ²⁰ См.: *На Прикарпатье начата реализация международного проекта BIZPRO*. URL: <https://news.liga.net/all/news/na-prikarpate-nachata-realizatsiya-mezhhdunarodnogo-proekta-bizpro> (дата обращения: 18.01.2020).

- ²¹ U. S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. March 2002. P. 178–179. URL: <https://2002.state.gov/p/eur/rls/rpt/c8491.htm> (дата обращения: 14.01.2020).
- ²² См.: Коцюбайло Н. А. Анализ рынка бизнес-образования в Украине // Учен. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Экономика. 2008. Т. 21 (60), № 1. С. 96.
- ²³ См.: Налоговый кодекс Украины : прогнозы и реальность. URL: <https://www.profiwins.com.ua/letters-and-orders/ministry-of-justice/2105-060711.html> (дата обращения: 15.01.2020).
- ²⁴ См.: Country Assessments – Ukraine Political and Economic Overview. URL: <https://2020.state.gov/p/eur/rls/rpt/23629.htm> (дата обращения: 15.01.2020).
- ²⁵ См.: Червова Л. Г., Назарчук М. И. Макроструктурные изменения в экономике Украины в докризисный период // Управление экономикой : теория и практика : сб. науч. тр. Донецк : Ин-т экономики промышленности НАН Украины, 2009. С. 43.

Образец для цитирования:

Черевичко Т. В., Цыплин В. Г. Политические аспекты американской помощи Украине накануне парламентских выборов в 2002 году // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 489–494. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-489-494>

Cite this article as:

Cherevichko T. V., Tsyplin V. G. Political Aspects of American Assistance to Ukraine on the Eve of the 2002 Parliamentary Elections. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 489–494 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-489-494>
